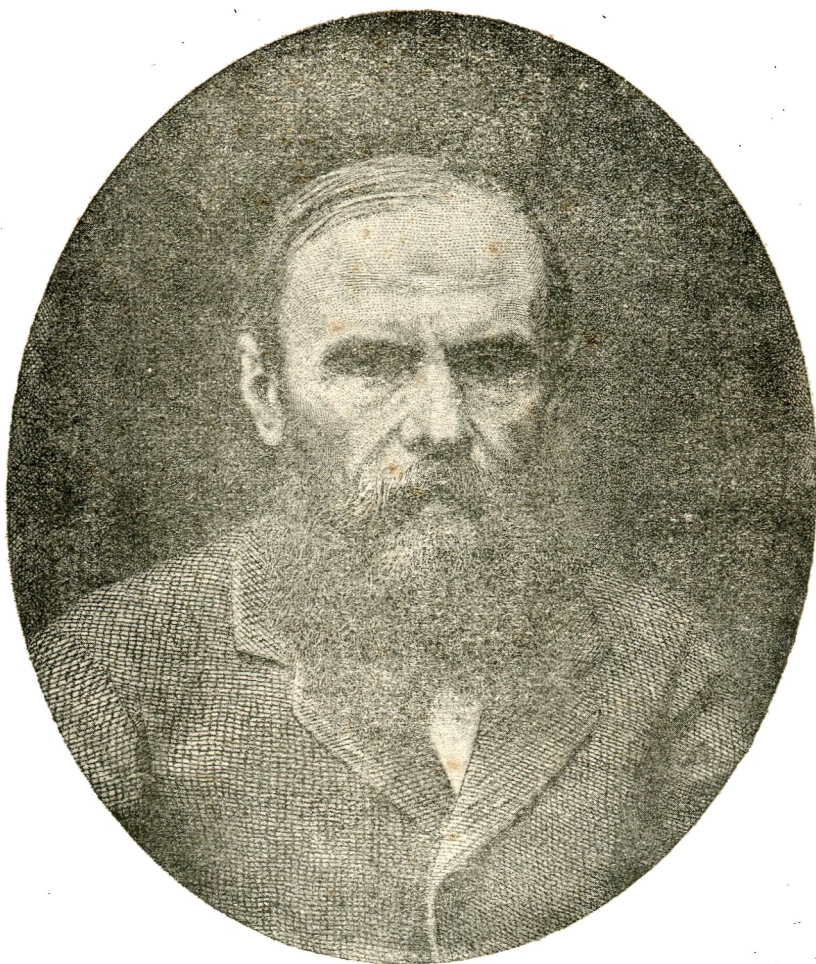

**ТВОРЧЕСТВО
ДОСТОЕВСКОГО
≈ 1821-1881-1921 ≈**

Ф. М. Достоевский.

С офорта, гравированного Виктором Бобровым в 1881 г. и отпечатанного
экспедицией заготовления государственных бумаг.

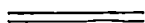
ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО

1821—1881—1921

СБОРНИК
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

под редакцией

Л. П. ГРОССМАНА

Всеукраинское Государственное Издательство
ОДЕССА — 1921.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	стр.
От редактора	V

МАТЕРИАЛЫ

I. Ф. М. Достоевский. Неизданные рукописи. Сообщил Л. П. Гроссман:	
1. План романа „Житие великого грешника“	7
2. Вариант к отрывку из „Бесов“	11
3. Из „Записных книжек“	13
4. Эпизод из „Подростка“	20
5. Отрывки из разных рукописей	24
II. А. Г. Достоевская. Примечания к сочинениям Ф. М. Достоевского.	
Сообщил Л. П. Гроссман	29
III. Секретные инструкции о Достоевском. (Материалы Одесского	
Архивного фонда). Сообщил Ю. Г. Оксман	36

С Т А Т Ь И

I. М. П. Алексеев. О драматических опытах Достоевского	41
II Ю. Г. Оксман. Достоевский в редакции „Гражданина“. (По неиз-	
данным материалам)	63
III. Л. П. Гроссман. Путь Достоевского	83

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Из затерянных статей Достоевского: „Не тронь меня“ (Время,	
1861 г.).	
	111
II. Хроника. (Новые издания и литература о Достоевском)	
	121
III. Библиография писем Достоевского. Составили А. Лейфер и	
М. Рапопорт:	
1. Хронологический указатель	130
2. Алфавитный указатель имен	137
IV. Библиография воспоминаний о Достоевском. Составили Е. Ра-	
путова, Ф. Семятицкая и А. Шайн	
	138

ПОРТРЕТЫ, СНИМКИ и АВТОГРАФЫ.

I. Ф. М. Достоевский. С офорта, гравированного Виктором	
Бобровым	ФРОНТИСПИС
II. Ф. М. Достоевский в 1847 г. С рисунка художника	
К. А. Трутовского	XII—1

III. Первая страница „Бедных Людей“. Из „Петербургского Сборника“ Н. А. Некрасова	16—17
IV. Факсимиле секретной инструкции III Отделения	36—37
V. Выходной лист «Гражданина» 1873 г.	64—65
VI. Страница «Гражданина» 1873 г. с первой главой «Дневника писателя»	80—81
VII. Выходной лист «Дневника писателя» 1876 г.	96—97
VIII. Титульная страница журнала „Время“ 1863 г.	112—113

ОТ РЕДАКТОРА.

Ближайшая задача в изучении Достоевского—установление полного, критически проверенного текста его многочисленных и все еще не собранных полностью писаний. При всем повышенном и углубленном интересе у нас к созданиям творца русского философского романа, до сих пор огромные залежи его творческих богатств остаются совершенно неизвестными или в лучшем случае крайне мало доступными для большинства его читателей. Не может быть сомнения, что будущее подлинно полное собрание его сочинений даст несколько об'емистых томов «нового Достоевского», в которые войдут обильные запасы еще неизданных рукописей писателя вместе с обширными собраниями его неопубликованных писем, а также многочисленных статей и художественных вариантов, затерянных в старопечатном материале нашей ежемесячной журналистики.

Подготовка текстов для будущего критического издания требует совместной работы исследователей по розысканию и установлению утерянных частей полного содруж'а Достоевского. В плане этой большой и сложной работы необходимо в первую очередь собрать сведения о рукописях писателя, участь которых не может в условиях переходного времени не вызывать подчас серьезной тревоги за их сохранность.

Этим определяется одна из главных задач настоящего сборника: облегчить, хотя бы частично, будущим исследователям соби́рание материалов для полного собрания сочинений Достоевского, пополняя новыми текстами обычный «канон» существующих изданий или же облегчая пути к розысканию

его затерянных страниц. На ряду с этим расширением прежнего состава его сочинений здесь освещаются и некоторые специальные вопросы его мысли и его художественного творчества. Таков общий план и содержание настоящего сборника.

Отсюда его основные разделы. Новые художественные, а отчасти и публицистические страницы Достоевского, хранившиеся около полувека в музеях, семейных архивах или рукописных отделениях библиотек, открывают здесь будущую обширную серию *неопубликованных рукописей* писателя. Приведенные главы и отрывки извлечены из рукописных собраний Московского Исторического Музея и Петербургской (Всероссийской) Публичной Библиотеки.

Дальнейших работников в этом направлении еще ожидает обильная жатва. Помимо названных хранилищ, а также и рукописных отделений Академии Наук и Пушкинского Дома, необследованные рукописи Достоевского имелись на руках у покойной ныне вдовы его А. Г. Достоевской, скончавшейся летом 1918 года¹⁾. В ее личном архиве, способном поспорить с лучшими музейными коллекциями автографов Достоевского, хранились обширные собрания его писем, предназначавшихся вдовой писателя к опубликованию лишь после ее смерти. Это 162 письма, писанные преимущественно из заграницы, куда в семидесятых годах Достоевский ездил лечиться на воды (Эмс) без семьи, а также из Москвы, с пушкинского праздника. В одном из заграничных писем Достоевский дает отзыв о Рихарде Вагнере.

Помимо этих писем, есть основание предполагать, что у Анны Григорьевны хранились также и письма Достоевского к его первой жене, Марии Дмитриевне (рожденной Констант, по первому мужу Исаевой), относящиеся преимущественно ко 2-ой половине пятидесятых годов. Из художественных произведений Достоевского в архиве его покойной

¹⁾ Нам неизвестна точная дата смерти А. Г. Достоевской. Известие об ее кончине появилось в № 124 петроградской газеты „Наш Век“ (бывшая „Речь“) от 23/10 июля 1918 г.

вдовы хранились 1-ая и 2-ая часть «Бесов» и полная рукопись «Братьев Карамазовых». Эти драгоценные тетради, судьба которых в настоящее время неизвестна, современем—нужно надеяться—значительно пополнят новыми эпизодами, вариантами, быть может, даже целыми главами общеизвестные тексты названных произведений. Так, по крайней мере, позволено предполагать на основании изучения рукописей других романов Достоевского, значительно пополняющих их окончательные печатные редакции.

Далее следуют различные *материалы о Ф. М. Достоевском*. После А. Г. Достоевской остались рукописи нескольких книг, издавна приготавливавшихся ею к печати. Это, во-первых, ее «Воспоминания». Анна Григорьевна стенографировала в свое время многие беседы своего мужа и за четырнадцать лет своего замужества собрала об'емистые тетради таких записей. В последние годы перед смертью она разрабатывала их в связные «мемуары» и даже, повидимому, была склонна изменить свое первоначальное решение о их посмертном издании. Лицам, входившим в непосредственные соприкосновения с А. Г. Достоевской, приходилось слышать отдельные главы этих воспоминаний, как напр., главу о Н. Н. Страхове (опровержение известного страховского обвинения Достоевского, сделанного им в письме к Л. Н. Толстому), главу о смерти Достоевского, его похоронах и беседах с разными лицами о нем. Материалы для нескольких томов имеются и в личных архивах Достоевского и его покойной вдовы, где хранились неопубликованные письма Владимира Соловьева, Майкова, Победоносцева, Страхова, одного из коммунаров 1871 г. Жакляра (мужа Анны Васильевны Корвин-Круковской, родной сестры Софии Ковалевской) и многих других. Наконец, Анна Григорьевна продолжала свою работу над «Библиографическим указателем сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского», первый том которого вышел в

1906 году. Издание второго тома, пополненного литературой последних лет, дало бы полезнейшее подспорье для всех работающих по Достоевскому.

Образчиком этой долголетней и обширной работы мемуаристики, библиографа и комментатора являются публикуемые в настоящем сборнике «Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского». По этим фрагментарным заметкам можно судить, какой высокий интерес представят разработанные мемуары вдовы писателя в их полном виде.

К этому же отделу «материалов» относится и найденная в бывших архивах различных одесских ведомств секретная переписка III-го Отделения и различных местных управлений об «отставном инженер-поручике Федоре Достоевском» в бытность его в 1867 г. за границей.

Работа по розысканию новых страниц Достоевского должна направляться и в область *печатного материала*. Первая попытка в этом направлении была предпринята издательством «Просвещение», выпустившим в 1918 г. два тома «Забытых и неизвестных страниц Ф. М. Достоевского» (дополнительные 22-ой и 23-й томы Полного Собрания). Необходимо дальнейшая тщательная разработка анонимных отделов «Времени», «Эпохи», «Гражданина», а также сопоставление поздних редакций произведений Достоевского с их первопечатными текстами для обнаружения новых вариантов. В общем плане подобных розысканий мы даем в приложениях к настоящему сборнику не включенную до сих пор ни в одно собрание сочинений Достоевского его анонимную статью из «Времени» 1861 года «Не тронь меня». В ряду полемических выступлений Достоевского приводимая статья представляет интерес своими любопытными психологическими экскурсами, страницами живого бытового диалога, а главное, своей основной темой — отзывом Достоевского на возникший в печати спор о Белинском.

В предстоящей разработке печатных материалов и сличении разновременно опубликованных текстов существенную пользу могут оказать университетские семинарии по новейшей русской литературе. Один из таких семинариев разработал для настоящего сборника две темы по *библиографии* Достоевского. Пользуясь методом «Тургеневского кружка» проф. Н. К. Пиксанова, (а также его «Некрасовским сборником»), участницы семинария по новой русской литературе бывш. Одесских Высших Курсов (впоследствии Гуманитарно-Общественного Института) в 1920 – 21 учебном году разработали опыты библиографии воспоминаний о Достоевском и указатели к его письмам, не вошедшим в I-й том пегового посмертного издания («Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского» П., 1883). Указатель этот имеет в виду зарегистрировать только появившиеся с тех пор в печати письма и не распространяется, конечно, на многочисленные эпистолярные материалы, до сих пор не опубликованные. К сожалению, условия работы в провинциальных книгохранилищах, где представлены далеко не все необходимые печатные материалы, где даже ежемесячная журналистика недостаточно полна, где при этом крайне скудна иностранная литература и почти отсутствуют комплекты ежедневной печати, придают этим библиографическим работам характер опытов, не претендующих на исчерпывающую полноту. Тем не менее думается, что и в виде таких первоначальных списков для дальнейших дополнений и поправок, перечень новых писем Достоевского, охватывающий свыше 160 №№, и указатель мемуарной литературы, разработавший около ста книг и статей, может облегчить работу будущим исследователям.

По текущим техническим условиям, пришлось разработанные подробно указатели писем и мемуарной литературы с конспективным изложением каждого № свести к простым перечням, а специальные рубрики имен и заглавий в «Библи-

ографии воспоминаний» растворить в общих алфавитных указателях.

По условиям трудных сообщений с центром, нам не удалось представить в достаточно разработанном виде отдел *статей* и исследований о Достоевском. Стоящее на очереди изучение его художественных форм и литературных приемов, разработка различных проблем поэтики, композиционных заданий и стиля его писаний здесь, к сожалению, не представлены специальными статьями. Это в значительной степени вызвано и тем, что в настоящем юбилейном сборнике использованы исследовательские материалы, накопившиеся в течение ряда лет общей типографской разрухи и печатного затишья. Вот почему методологические запросы последнего времени недостаточно отразились на этом отделе.

Но все же, приближаясь к ним некоторыми своими заданиями, статьи настоящего сборника затрагивают вопросы или ведут к темам, которые во всяком случае все еще ждут своего полного разрешения в обширной критической и научной литературе о нашем писателе. Статья М. П. Алексеева «О драматических опытах Достоевского» представляет собой попытку реконструкции нескольких его утраченных произведений. Эта тема, близко затрагивая некоторые проблемы писательской техники Достоевского, ставит нас перед важным вопросом об его исчезнувших и совершенно затерянных страницах, из которых многие подлежат розысканию и со временем несомненно войдут в будущее полное собрание. Статья Ю. Г. Оксмана «Достоевский в редакции «Гражданина»» разрабатывает одну из глав интереснейшей темы о Достоевском-журналисте и редакторе. Новые рукописные материалы из Главного Цензурного Архива, положенные в основу статьи, намечают путь к розысканию аналогичных писем и официальных документов в архивах различных ведомств, журнальных редакций и учреждений. Наконец, статья «Путь Достоевского» ставит себе задачей

осветить философскую эволюцию Достоевского, сосредоточенную вокруг рано поразившего его конфликта двух идеологических планов — социализма и религии.

Мы нашли полезным включить в наш сборник отдел *хроники*, т. е. беглого обзора последних изданий Достоевского в России и на Западе, новейших переводов, приобретений текста, статей, исследований и проч. При отсутствии в настоящее время нормального обмена научно-литературной информацией, этот дополнительный отдел может оказаться небесполезным для всех интересующихся нашей темой.

Вопрос об орфографии текста был разрешен нами в том смысле, что все впервые публикуемые здесь рукописи Достоевского, как и различные неизданные документы о нем, печатаются по старому правописанию, т. е. с точным воспроизведением аутентичной орфографии подлинников. Прочие материалы сборника печатаются по новой орфографии.

В качестве иллюстрационного материала здесь воспроизводятся некоторые портреты Достоевского, снимки с титульных листов его журналов или первых страниц современных изданий и факсимиле относящихся к нему официальных документов.

В своем небольшом масштабе настоящий сборник намечает, быть может, предстоящие пути углубленного и детального изучения Достоевского — опубликования его неизданных рукописей, переиздания его забытых страниц, собирания различных материалов по истории его творчества, библиографической разработки многих относящихся сюда тем, наконец, всестороннего анализа его художественных форм и философских заданий.

Текущий год является в отношении Достоевского многократно юбилейным. Помимо столетия со дня его рождения (30 октября 1821 г.) исполняется 40-летие его смерти (28 января 1881 г.), 75-летие его литературного выступления («Петербургский сборник» Некрасова с «Бедными людьми» вышел 15 января

1846 г.) и 50-летие его романа «Бесы» (начал печататься в «Русском Вестнике» с января 1871 г.). Цель настоящего сборника почтить в этот «год Достоевского» одного из величайших мыслителей-художников минувшего столетия посильной разработкой его литературного наследия.

Л. Гроссман.

IX. 1921.

Ф. М. Достоевский в 1847 г.

Воспроизведение фототипии с рисунка кагандашом художника
К. А. Трутовского.

МАТЕРИАЛЫ

из Флоренции А. Н. Майкову: «...Здѣсь же у меня на умѣ теперь: 1) огромный романъ, названіе ему «Атеизмъ» (ради Бога между нами), но прежде чѣмъ приняться за который, мнѣ нужно прочесть чуть не цѣлую бібліотеку атеистовъ, католиковъ и православныхъ. Онъ поспѣетъ, даже при полномъ обезпеченіи въ работѣ, не раньше, чѣмъ черезъ два года. Лицо есть. Русский человѣкъ нашего общества, и въ лѣтахъ, не очень образованный, — но и не необразованный, — не безъ чиновъ, — вдругъ, уже въ лѣтахъ, теряетъ вѣру въ Бога. Всю жизнь онъ занимался одной только службой, изъ колен не выходилъ и до 45 лѣтъ ничѣмъ не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человѣкъ и русский человѣкъ). Поэзія вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально (собственно дѣйствіе въ романѣ, обстановка — очень большія). Онъ шныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителямъ, по священникамъ; сильно между прочимъ попадаетъ на крючекъ іезуиту пропагатору, поляку: спускается отъ него въ глубину хлыстовщины — и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа и русскую землю, и русскаго Бога (ради Бога, не говорите никому; а для меня такъ: написать этотъ послѣдній романъ, да хоть бы и умереть — весь выскажусь)»¹⁾.

Черезъ полтора года в письме от 25-го марта (6-го апреля) 1870 г. к тому же Майкову Достоевский подробно разворачиваетъ вызревший за это время план. Теперь, к моменту усиленной работы над «Бесами», давнишний замысел успелъ глубоко захватить его и даже несомненно отразиться на исторіи и образе Ставрогина. Достоевский придавалъ своему будущему созданию особое значеніе: «Это будетъ мой послѣдній романъ. Объемомъ въ «Войну и миръ», и идею вы бы похвалили... Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 въ каждой; въ 2 года планъ у меня весь созрѣлъ). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Кашпиреву²⁾: тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ (общее названіе романа есть «Житіе великаго грѣшника», но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно). Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ — тотъ самый, которымъ я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существованіе Божіе. Герой, въ продолженіе жизни, — то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. 2-ая повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ. На эту 2-ю повѣсть я возложилъ все мои надежды. Можетъ быть скажутъ, наконецъ, что не все писалъ пустяки. (Вамъ одному исповѣдуюсь, Аполлонъ Николаевичъ; хочу выставить во 2-й повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ на покоѣ). 13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, развитый и развращенный (я этотъ типъ знаю). будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волченочъ и нигилистъ — ребенокъ сходится съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и все лицо Тихона). Тутъ же въ монастырѣ посажу Чаадаева (конечно подъ другимъ тоже именемъ). Почему Чаадаеву не просидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую

¹⁾ «Биографія, письма и заметки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб., 1883, 2-ая пагинація, 202.

²⁾ В. В. Кашпирев, издатель журнала «Заря» (1869—1871 г.), выходившего под редакціей Н. Н. Страхова.

его свидѣтельствуютъ доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, на-примѣръ, заграницей, на французскомъ языкѣ, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы посидѣть въ монастырь. Къ Чаадаеву могутъ прѣхать въ гости и другіе, Вѣлинскій, на-примѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь у меня же не Чаадаевъ, я только въ романъ беру этотъ типъ. Въ монастырь есть и Павелъ Прусскій ¹⁾, есть и Голубовъ ²⁾, и инокъ Парфеній ³⁾. Въ этомъ мірѣ я знатокъ и монастырь русскій — знаю съ дѣтства). Но главное Тихонъ и мальчикъ. Ради Бога не передавайте никому содержанія этой — 2-й части. Я никогда впередъ не рассказываю никому моихъ темъ. стыдно какъ-то; а вамъ исповѣдуюсь. Для другихъ пусть это ни гроша не стоитъ, но для меня сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писалъ о монастырѣ Страхову, но про Тихона не писалъ. Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это уже не Костанжоглосъ ⁴⁾ и не нѣмецъ (забылъ фамилію), въ Обломовѣ; и не Лопуховы, не Рахметовы ⁵⁾. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важнымъ подвигомъ. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я долженъ быть въ Россіи. Ахъ, кабы удалось! Первая же повѣсть — дѣтство героя. Разумѣется, не дѣти на сценѣ; романъ есть». Представляетъ интерес и дальнейшее замечаніе: „Весь-то романъ, я думаю, я буду лѣтъ шесть писать.“⁶⁾

Таково наиболее полное сообщеніе Достоевскаго о замысле этого ненаписаннаго (или только частично осуществленнаго) романа, о котором он упоминаетъ и в другихъ своихъ письмахъ. В одной изъ записныхъ книжекъ Достоевскаго имеется подробная программа этого романа, раскрывающая несравненно полнее его замыселъ, фабулу и главные характеры. Запись эта относится къ 20/8 декабря 1870 г.

Любопытно отметить, что в первоначальныхъ записяхъ «Житія великаго грешника» Достоевскій на каждомъ шагѣ пользуется именами живыхъ лицъ, игравшихъ ту или иную роль в его собственной жизни. Такъ, пансіоны, в которыхъ учится его герой, обозначены именами педагоговъ, у которыхъ проходилъ школу сам Достоевскій. Николай Ивановичъ Сущар (впоследствии принявшій фамилію Драшусова) имелъ в Москвѣ подготовительный пансіонъ, в которомъ Достоевскій про

¹⁾ Известный у старообрядцевъ инокъ Павелъ, прозванный Прусскимъ, основалъ в Иоганнсбургѣ (Пруссія) в 1862 г. славянскую типографію для печатанія старообрядческой литературы и полемическихъ сочиненій противъ православія. Къ концу 60-хъ годовъ инокъ Павелъ пришелъ къ убѣжденію в истинѣ православія и присоединился къ церкви.

²⁾ Константинъ Ефимовичъ Голубовъ, ученикъ и последователь инока Павла, руководилъ старообрядческой типографіей в Иоганнсбургѣ, в которой печаталъ свой журналъ „Истина“. Подъ влияніемъ своего учителя в 1867 г. присоединился къ православной церкви.

³⁾ Постриженникъ горы Афонской, Иеромонахъ Парфеній, выпустившій рядъ полемическихъ сочиненій противъ раскола, сталъ известенъ широкому кругу читателей своимъ „Сказаніемъ о странствіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Св. Земле (М., 1856). Книгу эту высоко ценили Достоевскій, Аполлонъ Григорьевъ, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ.

⁴⁾ Одинъ изъ героев II-ой части „Мертвыхъ Душъ“

⁵⁾ Герои романа Н. Г. Чернышевскаго „Что дѣлать?“.

⁶⁾ „Биографія, письма...“, стр. 233 — 234.

был более полугода. Леонтий Иванович Чермак содержал один из лучших частных пансионов в Москве 30-х гг., в котором Достоевский провел около 3-х лет (1834—1837). Фамилия Умнов принадлежала товарищу школьных лет Достоевского, гимназисту Ваничке Умнову. Под обозначением Гас нужно иметь в виду знаменитого московского врача-филантропа Ф. П. Гааза, о котором Достоевский оставил такую проникновенную страницу в «Идиоте». Несомненный автобиографический характер носят указания на раннюю начитанность героя и его любимые книги: — Вальтер Скотт, Гоголь, Пушкин, Библия. Такой же характер носит запись плана об «Арабских сказках». По воспоминаниям родственников Достоевского, в детстве ему рассказывала сказки из «Тысячи и одной ночи» какая-то часто гостившая у них старушка Александра Николаевна. Сказка так и лилась за сказкой, и дети не отходили от нее...»¹⁾

Помимо обстоятельного плана «Жития великого грешника» тот же замысел разрабатывается и в других записях подготовительных тетрадей Достоевского. Его «Записные книжки» представляют обильный материал для понимания его мысли и художественной манеры последней поры. При изучении их следует иметь в виду, что многие будущие персонажи «Бесов» здесь фигурируют под другими, часто условными обозначениями. Под Нечаевым (или сокращенно Н—в) имеется всюду в виду Петр Верховенский, под Грановским (или сокращенно Гр., Гр—й) — Степан Верховенский, под князем — Ставрогин.

Рукопись «Бесов» дает также немало материалов для раскрытия многих не выявленных до конца раздумий Достоевского. В первоначальной непосредственной записи он выражал гораздо резче, острее и полнее мысль, которую часто не имел возможности довести в таком виде до печати. В этом отношении особенно показателен приводимый ниже вариант к 6-ой главе III-ей части «Бесов», где устами Кириллова Достоевский несравненно решительнее, чем в печатном тексте романа, утверждает, что «сказанное на кресте оказалось ложью».

Новый эпизод из «Подростка» относится к 9-ой главе II-ой части романа. Отрывок этот видимо является осуществлением одного давнишнего замысла Достоевского. Еще в 1865 г. в письме к А. А. Краевскому Достоевский сообщает тему своего будущего произведения: «Романъ мой называется Пьяненькіе и будетъ въ связи съ теперешнимъ вопросомъ о пьянствѣ. Разбирается не только вопросъ, но представляются и всѣ его развѣтвленія, преимущественно картины семействъ, воспитаніе дѣтей въ этой обстановкѣ и прочее, и прочее»²⁾. Очевидно, план этот частично был осуществлен в «Преступлении и наказании» (семейство Мармеладовых). Выпущенный из «Подростка» эпизод является новой попыткой разработки того же замысла.

Некоторые отрывки из неизданных рукописей Достоевского — преимущественно его отзывы о писателях (о Шекспире, Бальзаке, Пушкине, Гоголе, Льве Толстом) — были опубликованы нами в книге «Библиотека Достоевского» (Од., 1919) и не вошли в настоящий сборник.

Л. Г.

¹⁾ «Биография, письма...» стр. 9, 19, 20—22, 25.

²⁾ Письмо к А. А. Краевскому от 8 июня 1865 г. «Рус. Стар.», 1913, III, 486.

1. Планъ романа «Житіе великаго грѣшника».

20/8 декабря. Житіе великаго грѣшника.

— Накопленіе богатства.

— Зарождающіяся сильныя страсти.

— Усиленіе воли и внутренней силы.

— Гордость безмѣрная и борьба съ тщеславіемъ.

— Проза жизни и страстная вѣра, непрерывно ее побѣждающая.

— Чтобъ всѣ поклонились, а я прощу.

— Чтобъ ничего не бояться. Жертвы жизнью.

— Дѣйствіе разврата. Ужасъ и холодъ отъ него. Желаніе всѣхъ марать.

— Поэзія дѣтскихъ лѣтъ.

— Обученіе и первые идеалы.

— Тайно выучивается всему.

— Одинъ ко всему готовится (Все готовится непрерывно к чему-то, хотя и не знаетъ къ чему. И странно—объ этомъ мало заботится къ чему, какъ будто совершенно увѣренъ, что само найдется).

— Или рабство или владычество.

Вѣруеть. И только. Невѣріе въ первый разъ—страшнымъ эпизодомъ и только въ монастырѣ организуется.

Хроменькая. Катя. Братъ Миша. Украденныя деньги. Претерпѣлъ нападеніе. Безстрашіе. Нива. Не рѣжь меня, дяденька. Любовь къ Куликову. Іоганъ. Брутиловъ. Французъ Пуго. Ругаетъ Брутилова. Учится. Водолазъ. Albert. Тибо. Причащеніе. Albert въ Бога не вѣритъ. Старички. Любитъ втайнѣ многое и держитъ про себя. Его называютъ извергомъ и держитъ себя извергомъ. Страстное желаніе удивлять всѣхъ неожиданно наглыми выходками. Но не изъ самолюбія. Наединѣ. Старички. Пѣсни. Therèse-philosophe. Іоганъ Бринъ, Брутиловъ—Братъ, Albert. Друзья и мучаетъ друга, отталкиваетъ. Другъ смиренный, добрый и чистый, передъ которымъ онъ краснѣетъ. Воспитаніе себя мученіями и накопленіе денегъ. Humboldt.

Неуваженіе къ окружающимъ людямъ, но еще не по разсудку, а единственно по гадливости къ нимъ. Сильная и всегдашняя черта. Много гадливости. Ымъ виноградъ. Его бьютъ и сѣкутъ за гадливость. Онъ только заключается въ себя и ненавидитъ еще болѣе.—Высокомѣрное презрѣніе къ гонителямъ и скорость приговоровъ. Необыкновенная скорость приговоровъ обозначаетъ сильную страстную исключительность. Начинаетъ чувствовать, что не надо скорыхъ приговоровъ и что для этого нужно учиться волѣ.

Начало широкости.

— Ложь, топ Мушваръ.

Аркашка и французскіе разговоры.

Аркашка. Брутиловъ и онъ особнякомъ.

Матушкины дѣти у Сушара, у Чермака (ихъ гадливость отъ глупости).

НВ. У Сушара только Брутиловъ и его исторія; всего двѣ главы—кончено, что побилъ Сушара. Начало Albert'a.

Пансіонъ. Въ домѣ несправедливое наказаніе. Экзамень. Въ деревнѣ. Самоотверженіе. Катя.

Въ городѣ и въ пансіонѣ удивляетъ своимъ звѣрствомъ. Lambert. Подвиги. Бѣжить съ Катей.—Куликовъ с ними. Убіиство.

— Не прощаетъ ничего ложнаго и фальшиваго и бессмысленно тотчасъ же пускается бить.

— Долго не вѣрилъ Катѣ, потомъ испытывалъ ее и наконецъ испугалъ срамомъ.

— Силу воли—главное себѣ поставилъ.

— Послѣ Куликова идетъ тотчасъ же спрашивать о хроменькой. Тутъ-то его и поймали.

— Въ деревнѣ докторша въ него влюбляется. Поймалъ ее съ любовникомъ.

Самъ дивится себѣ, самъ испытываетъ себя и любитъ опускаться въ бездну. Бѣгство съ дѣвочкой...

Но нелюдимъ и необщителенъ, да и не можетъ быть иначе, помня и зная за собой такой ужасъ и смотря на всѣхъ остальныхъ дѣтей, напимѣръ, какъ [на] нѣчто совершенно себѣ чуждое и отъ-котораго онъ далеко отлетѣлъ въ сторону, въ худую или въ хорошую.—Кровь иногда его мучаетъ. Но главное: не одно это уединяетъ его отъ всѣхъ, а именно мечты власти и непомѣрной высоты надъ всѣмъ. Сбиваютъ его съ этой высоты науки, поэзія и проч. Главное: смыслъ первой части—колебаніе, ненасытимость замысла, инстинктивное сознаніе превосходства, власти и силы. Исканіе точки твердой опоры. Но во всякомъ случаѣ человѣкъ необыкновенный.

Въ отклоненіяхъ фантазіи мечты безконечныя, до ниспроверженія Бога и постановленія себя на мѣсто его.

Гадливость къ людямъ съ самаго перваго дѣтскаго сознанія—изъ страстности гордой и владычествующей натуры, изъ презрѣнія же:—„Возьму нахрапомъ, не стану унижаться до Бринской лести и

ловкости". И это тоже отъ гадливости къ людямъ и отъ презрѣнія къ нимъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ.

Самка и сатана. Подвиги.

[Вычисленіе: колонна цифръ]: 35 лѣтъ назадъ, родился въ 1835 году, послѣ этого исторія со срамомъ Кати и потомъ адскій разгуль съ Albert'омъ, злодѣйство и кощунство и доносъ о себѣ въ убійствѣ съ Куликовымъ—прямо въ бездну. Монастырь.

Albert и онъ срывають звѣзду съ вѣнца и бѣгутъ удачно (подбилъ онъ). Но когда Albert сталъ кощунствовать, онъ сталъ его бить. А потомъ самъ провозгласилъ себя передъ судомъ атеистомъ.

Одинъ, но подробный психологическій анализъ, какъ дѣйствуютъ на ребенка произведенія писателей, н. п. Герой нашего времени. Онъ ужасно много читаетъ (Вальтеръ Скоттъ и проч.).

О классическомъ образованіи у Чермака (Геръ Тайдеръ).

Полоса невѣрія въ Бога. NB. Непремѣнно о томъ, какъ дѣйствовало на него Евангеліе. Согласенъ съ Евангеліемъ.

Онъ сильно развитъ и много кое-чего знаетъ. Гоголя знаетъ и Пушкина.

Всю Библію зналъ...

Безпрерывная мысль его, какъ сталъ себѣ помнить: Чѣмъ я буду и какъ это все сдѣлаю..

Потомъ сомнѣніе: одна ли власть всего стоитъ и нельзя-ли быть рабомъ всѣхъ сильнѣе.

Сталъ упражнять силу воли. Укусили страсти.

Lambert и онъ. Полная картина разврата. Но Lambert упивается имъ и не находитъ ничего выше. Національное легкомысліе.

А онъ входитъ въ развратъ хотя и съ неотразимымъ желаніемъ, но и со страхомъ. Пустота, грязь и нелѣпость разврата поражаютъ его. Онъ бросается и послѣ ужасныхъ преступленій съ горечью предаетъ себя самъ.

Сухость разсказа иногда до Жиль Блаза. (Тонъ).

Первыя страницы. 1) Тонъ. 2) Втиснуть мысли художественно и сжато. NB. Тонъ (разсказъ Житіе — т. е. хоть и отъ автора, но сжато, не скупясь на изъясненія, но и представляя сценами. Тутъ надо гармонію). Сухость разсказа иногда до Жиль Блаза. На эффектныхъ и сценическихъ мѣстахъ—какъ бы вовсе этимъ нечего дорожить.

Но и владычествующая идея житія чтобъ видна была,—т. е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее въ загадкѣ, но чтобъ читатель всегда видѣлъ, что идея эта благочестива, что Житіе вещь до того важная, что стоило начинать даже съ ребяческихъ лѣтъ—Тоже—подборомъ того, объ чемъ пойдетъ рассказъ, всѣхъ фактовъ, какъ бы непрерывно выставляется что-то и непрерывно постановляется на видъ и на пьедесталъ будущаго человека.

Чтенія о Суворовѣ. Арабскія сказки. Мечты. Умновъ и Гоголь.

Полный развратъ. Мечты о силѣ воли. Умновъ. (Подглядываетъ голыхъ, посягаетъ на хроменькую).

Порѣзалъ себя для пробы.

[Сбоку на поляхъ обширнаго плана:] Все это втиснуть въ 4 листа (maximum).

Опасная и чрезвычайная мысль, что онъ будущій человекъ необыкновенный, охватила имъ еще съ дѣтства. Онъ непрерывно думаетъ объ этомъ. Умъ, храбрость, образование—все это онъ хочетъ приобрѣсть, какъ будущія средства къ необыкновенности... и наконецъ, онъ кается и мучается совѣстью о томъ, что ему такъ низко хочется быть необыкновеннымъ. Впрочемъ, онъ самъ не знаетъ, чѣмъ онъ будетъ. Чистый идеалъ свободнаго человека мелькаетъ передъ нимъ иногда; все это въ пансіонѣ.

Умновъ; знаетъ наизусть Гоголя.

3/15 мая. Главная Мысль.

Послѣ монастыря и Тихона великій грѣшникъ съ тѣмъ и выходитъ вновь на свѣтъ, чтобъ быть величайшимъ изъ людей. Онъ увѣренъ, что онъ будетъ величайшимъ изъ людей. Онъ такъ и ведетъ себя: онъ гордѣйшій изъ всѣхъ гордецовъ и съ величайшей надменностью относится къ людямъ. При этомъ неопредѣленность формы будущаго величія, что совершенно совпадаетъ съ молодостью. Но онъ (и это главное) черезъ Тихона овладѣлъ мыслью, убѣжденіемъ: что чтобъ побѣдить весь міръ надо побѣдить только себя. Побѣди себя и побѣдишь міръ. Карьера не избрана, но и некогда: онъ глубоко начинаетъ глядѣть за собою. Но рядомъ съ тѣмъ и противорѣчія: 1) Золото (накопленіе) (семейство на рукахъ). Накопленіе внушилъ ростовщикъ, человекъ ужасный, антитезъ Тихону. 2) Образование (Конть. Атеизмъ. Товарищи). Образование мучитъ его—и идеи, и философія. Но онъ овладѣваетъ тѣмъ, въ чемъ главное дѣло. Вдругъ

юношество и развратъ. Подвигъ и страшныя злодѣйства. Самоотверженіе. Безумная гордость. Отъ гордости идетъ въ схимники и въ странники. Путешествіе по Россіи (Романъ. Любовь. Жажда смиренія) и проч.

Паданіе и возстаніе.

Человѣкъ необычайный, но что же онъ сдѣлалъ и совершилъ.

Черты. Отъ гордости и отъ безмѣрной надменности къ людямъ, онъ становится до всѣхъ кротокъ и милостивъ—именно потому что уже безмѣрно выше всѣхъ.

НВ. Застрѣлиться хотѣлъ (подкинули младенца). Кончаетъ воспитательнымъ домомъ у себя и Гасомъ становится. Все ясниѣтъ.

Умираетъ, признаваясь въ преступленіи.

Сформировать, какъ можно сокращеніе планъ разсказа.

2. Варіантъ къ отрывку изъ «Бѣсовъ».

(Часть III, глава VI; „Многотрудная Ночь“).

— Неужели никто на всей планетѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволие, не осмѣлится заявить всего своеволія въ самомъ полномъ его проявленіи? Это такъ, какъ бы кто изъ бѣдныхъ, получивъ вдругъ наслѣдство, испугается и не осмѣлится подойти къ милліонамъ, считая себя недостойнымъ того. Я хочу заявить, пусть я одинъ осмѣлился, но я заявлю:

— Ну и заявляйте.

— Я кончилъ Бога и потому обязанъ стать Богомъ самъ. Я долженъ застрѣлить себя.

— Неужто только изъ этого? Видите, вы говорите, что я поддакиваю. Ей Богу не могу удержаться и говорю вопросы мнѣ невыгодные. Почему вы обязаны застрѣлить себя?

— Потому что самое полное проявленіе моего своеволія — это лишить себя жизни. Я и сдѣлаю самое полное.

— Да вы лучше убейте другого когонибудь.

— Это будетъ самымъ низшимъ проявленіемъ моего свсеволія и это — весь ты. А я хочу самое высшее,—и это весь я. Я обязанъ къ тому.

— Обязаны-то почему, не объяснили?

— Чтобъ вполнѣ заявить. Для меня нѣтъ выше идеи, что Бога нѣтъ. Если нѣтъ, не понимаю, какъ будетъ жить человѣчество, если не переродится въ другую форму и тѣло. Исторія за меня. Человѣкъ всегда выдумывалъ Бога, чтобъ возможно ему было не

убить себя. Я не хочу Бога выдумывать; я знаю, что нѣтъ его и не хочу лгать въ свою очередь. Я одинъ на землѣ и во всей всемірной исторіи не хочу Бога выдумывать, не покорюсь. Если нѣтъ Его, то я Богъ непремѣнно, ибо тогда выше меня нѣтъ ничего на планетѣ. Не можетъ быть. Наука за меня. Я занимаю и наслѣдую прежнее Божіе мѣсто, а стало быть я обязанъ убить себя, ибо безъ Бога быть не могу и самъ Богомъ быть не могу, если не проявлю всего своеволия, а въ прежняго Бога полного невѣрія... Я убью себя. Пусть узнаютъ.

— Кто же узнаетъ?

— Всѣ, всѣ узнаютъ. Ничего нѣтъ тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ; это Онъ сказалъ.

И онъ указалъ на образъ Спасителя, передъ которымъ горѣла лампада.

— Ну вотъ въ него же стало быть вѣруете? и лампадка горитъ?

— Въ него? Слушай. Я ровно въ той степени не вѣрую въ прежняго Бога, въ которой Онъ вѣровалъ. Былъ одинъ день на землѣ и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому за вѣру его: будешь сегодня со мною въ раю. Кончился день, оба померли—и не нашли ни рая, ни воскресенія. Сказанное на крестѣ оказалось ложью. Этотъ человѣкъ былъ высшій плодъ земли. Вся планета со всѣмъ, что на ней, и со всѣмъ, что было и будетъ, не стоитъ одного слова этого человѣка! Не было ни прежде ни послѣ подобнаго и никогда, даже до чуда. Въ этомъ чудо, что не было и не будетъ подобнаго. И вотъ, если ужъ съ этимъ случилась ложь, если законы природы не пожалѣли даже и этого и заставили даже его сказать ложь, вѣрить въ ложь и умереть за ложь—то стало быть вся планета стоитъ на лжи и насмѣшкѣ. Стало быть самый законъ планеты есть ложь, а вся жизнь есть дьяволовъ водевилъ—если бы дьяволъ былъ. А если такъ, для чего же жить, отвѣтъ, если ты человѣкъ, если ты честный человѣкъ, если ты серьезенъ и великъ. Пусть я одинъ сказалъ, что я Богъ, но если я Богъ, я хочу быть, какъ прежній Богъ, я хочу судить планету, измѣнить безобразную ложь закона ея, и если нельзя—истребить ее! Но такъ какъ я не знаю, какъ ее измѣнить, и не могу истребить, то я Богъ, хочу истребить себя, довольно, пора! [За черкнуто: пусть я одинъ противъ всѣхъ не лгу! Выдумывать дуракамъ Бога и обманывать ихъ всю жизнь, чтобы вѣздить на нихъ верхомъ, а сидѣнію моему было мягко сидѣть—не хочу того].

— Да развѣ вы одинъ атеистъ? Развѣ вы одинъ сознали, что нѣтъ Бога? И развѣ вы одинъ самоубійца?

— Одинъ. Только я созналъ, я одинъ. Я не понимаю, какъ можно сознать, что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ же. Сознать, что нѣтъ Бога, и не убить себя можетъ только дрянъ, не стоящая быть человѣкомъ. Нельзя согласиться на 10 или 15 лѣтъ жизни чтобъ потомъ уничтожиться. Да еще въ эти 15 лѣтъ знать, что нѣтъ Бога и выдумывать его дуракамъ. Сознать, что нѣтъ Бога, и не сознать, что самъ Богъ, невозможно. А созналъ—покажи атрибутъ. Мой атрибутъ своеволие—я застрѣлюсь, чтобъ показать своеволие. Это все, чѣмъ я могу заявить мой протестъ и мою непокорность. Мой атрибутъ—своеволие.

Онъ былъ какъ въ горячкѣ, онъ уже не ходилъ взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ, какъ прежде, а какъ-то кружился. Лицо его было неестественно блѣдно. Въ лицѣ П[етра] С[тепанови]ча опять выразилось чрезвычайное безпокойство. Онъ было тронулся посмотреть на часы, но удержалъ себя. Бумагу! Надо было выманить во что бы то ни стало бумагу. А то пожалуй Кирилловъ сойдетъ съ ума и кончить бѣлой горячкой.

— Давай перо, вдругъ совсѣмъ неожиданно крикнулъ Кирилловъ, останавливаясь среди комнаты въ какомъ то вдохновеніи, диктуй что угодно, все подпишу! Я докажу тебѣ, что хоть я и подпишу, но все тайное станетъ явнымъ [а ложь станетъ правдой]. Диктуй, говори, не боюсь. Я напишу, что убилъ Шатова.

Рукопись Вѣсовъ, III-я часть, Листъ 5-й, стр. 550, 554.

3. Изъ „Записныхъ книжекъ“.

Архіерей и Князь.

Князь уже выходитъ (послѣ вопроса «вѣрители въ Бога»). Архіерей призываетъ его:

— Скажите, заклинаю васъ, правду ли вы мнѣ сказали или же это солгали?

Князь смотритъ на него: Я все солгалъ?

Архіерей посмотрѣлъ на него, подумалъ, благословилъ: Гряди съ миромъ.

Послѣ чего, на завтра, отъ князя записка: Все это я вамъ солгалъ и вы можете убѣдиться, что теперь не лгу, уже потому что не изъ боязни огласки пишу вамъ, ибо вы не перескажете, а изъ одного лишь желанія хоть сколько нибудь смягчить мой недостойный поступокъ съ вами. Я немного былъ не въ своемъ умѣ; болѣзнь у меня такая; простите же меня и за меня помолитесь. Сынъ вашъ Ставрогинъ.

кто нынче вѣруеть). Нравственная сила прежде экономической. (NB. Не вѣрить въ Бога и имѣть въ умѣ подвигъ у Тихона). Знаете ли вы, сколь можетъ быть силенъ одинъ человѣкъ.

Вообще имѣть въ виду, что князь обворожителенъ, какъ демонъ, и ужасныя страсти борются съ... подвигомъ. При этомъ невѣріе и мука. Ростъ вѣры. Подвигъ осиливаетъ. Вѣра беретъ верхъ, но и бѣсы вѣрують и трепещутъ. „Поздно“, говоритъ князь и бѣжитъ въ Ури, а потомъ повѣсился.

[Вариантъ] Или такъ: приходитъ къ Шатову,—какъ же православіе? Шатовъ началъ излагать. Князь поддакиваетъ (и даже изъ Апокалипсиса). Шатовъ видитъ, что онъ съ нимъ сошелся въ убѣжденіяхъ.

— Какъ это могло случиться, говорить.

Князь говоритъ: Да вѣдь это вы старое, славянофильское.

Шатовъ объясняетъ разницу: славянофилы—барская затѣя, и ко на (Кирѣевскій), никогда они не могутъ вѣрить непосредственно.

Князь поддакиваетъ: да если не вѣрують непосредственно и вовсе, то ни во что не вѣрують и ужъ лучше все жечь, какъ говорить Нечаевъ.

— Какъ жечь?

Князь объясняетъ; пищеварительная философія, вопросъ времени, медленное вымирание. Видите ли: въ томъ и разница у насъ съ славянофилами, что мы такую важность даемъ вопросу и ставимъ его съ вами *sine qua non*. Православіе и Россія. Въ православіи мы считаемъ единственное храненіе Христова образа и нигдѣ больше, а Россію носительницей православія. Съ другой стороны я считаю, что христіанство заключаетъ въ себѣ всѣ разрѣшенія для міра, младенца, millenium, Апокалипсисъ, раненый звѣрь.

Кн. Весь вопросъ стало быть въ томъ, можно ли вѣровать?

Ш. Развѣ вы не вѣруете?

— Видите: или все въ вѣрѣ или ничего! Мы сознаемъ важность спасенія міра православіемъ, итакъ весь вопросъ, можно ли вѣровать въ православіе, откидывая всякую пищеварительную философію. Если можно, то все спасено, если нѣтъ, то лучше сжечь.

— Неужели вы не вѣруете?

— Зачѣмъ же вамъ я? я васъ спрашиваю, хотѣлъ и пришелъ только васъ спросить: вѣруете ли вы? мнѣ любопытно было.

— Я... кажется вѣрую.

— Значить не вѣруете.

Ш. Это же оттого, что я оторванъ отъ народа.

Кн. Но вѣдь опять же это вопросъ времени. Все равно черезъ сто лѣтъ не вѣровали бы, если бъ и не оторвались теперь.

— Скажите прямо: неужели, неужели вы не вѣруете?

Кн. Я буду учтивъ и отвѣчу вамъ: нѣтъ, не вѣрую. И вотъ что, Шатовъ: постараемся больше никогда не встрѣчаться. Вы говорите, отъ васъ не отстану—я строго говорю. Я не про пощечину, которую вы мнѣ дали.

Князь и Тихонъ. Тихонъ говорить: на землѣ должно быть счастливымъ.

— Я праздный умъ и мнѣ скучно. Я знаю, что на землѣ можно быть счастливымъ (и должно) и что есть что-то, въ чемъ счастье, чего я не знаю, что это за вещь. Нѣтъ, я не изъ разочарованныхъ, я думаю, что я изъ развратныхъ и праздныхъ.

Князь ему—я хочу испытать мою силу—и рассказываетъ про дѣвочку.

Тихонъ. Любящихъ много, вѣрующихъ очень мало. Что есть любящій? Тотъ, кто желаетъ, желалъ бы увѣровать. Но одна совершенная любовь совпадаетъ съ совершенной вѣрой. Это равнодушіе только совсѣмъ не вѣруетъ, атеизмъ самый полный болѣе всѣхъ можетъ быть къ вѣрѣ стоять.

Самое главное у Тихона. Князь сознается ему въ неистово страстной любви къ одной женщинѣ. Я получилъ извѣстіе, что она при-
детъ. Я не устою, одна мысль повергаетъ меня въ безуміе страсти.

Тихонъ, прощаясь: Страшно мнѣ.

Князь. Предоставьте мнѣ.

Тихонъ. Страшно, потому что вы ужасно близки теперь къ преступленію.

Тихонъ. Я представляю это себѣ такъ, будетъ душа блуждать и увидитъ свой грѣхъ, да не такъ, какъ теперь, а весь, и увидитъ, что Богъ объятія [къ] ней отверзетъ, и возмутится, и потребуетъ сама казни, и станетъ искать ее, а ей отвѣчаютъ любовью—и въ этомъ адѣ ея. Сознаніе любви неисполненной должно быть всего ужаснѣе, и въ этомъ-то адѣ и есть.

Кн. Я не вѣрю въ Бога, а вы вѣрите. Какъ вы можете сказать, что Богъ проститъ?

[Тихонъ]. Охъ, не понимаю и самъ. Безконеченъ грѣхъ, но и Богъ безконеченъ въ разумѣ своемъ.

Жена лежитъ, а Шатовъ ходитъ по каморкѣ и говоритъ: какъ хорошо жить тихо, любить, имѣть дѣтей.

Князь. Они всѣ на Христа (Ренанъ, Ге), считаютъ его за обыкновеннаго человѣка и критикуютъ его ученіе, какъ несостоятельное для нашего времени. А тамъ и ученія-то нѣтъ, тамъ только случайныя слова, а главное, образъ Христа—изъ котораго исходитъ всякое ученіе (съ другой стороны посмотрите тщеславіе и нравственное состояніе этихъ критиковъ. Ну, могутъ ли они критиковать Христа?) Изъ Христа выходитъ та мысль, что главное пріобрѣтеніе и цѣль человѣчества есть результатъ добытой нравственности. Вообразите, что всѣ Христы—ну, возможно ли были бы теперешнія шатанія, недоумѣнія, пауперизмъ?...

Посмотрите же теперь въ цивилизаціи: первый вопросъ есть опредѣленіе, въ чемъ счастье? Онъ не только не рѣшенъ цивилизаціей, но еще болѣе запутанъ.

[Къ характеристикѣ князя]. Это какъ иные грѣшники (говорятъ, что и бѣсы) могутъ увѣрять, а стало быть и понимать и ясно видѣть, во что они увѣрвали.

Князь исповѣдуетъ Ш[атову] свою подлость съ ребенкомъ (изнасиловалъ). Написалъ исповѣдь, хочетъ напечатать, показалъ Ш[атову] прося совѣта. Говоритъ, что хочетъ, чтобы ему плевали въ лицо. Но послѣ того возненавидѣлъ Ш[атова] и радъ, что его убили.

Нечаевъ—отчасти Петрашевскій.

Князь понимаетъ, что его могъ бы спасти энтузіазмъ (напр., монашество, самопожертвованіе исповѣдью), но для энтузіазма недостатъ нравственнаго чувства (частью отъ невѣрія). Ангелу сардійской церкви напиши. Частью отъ буйныхъ тѣлесныхъ инстинктовъ. Изъ горькой ироніи на несовладаніе съ самимъ собою онъ женился. Изъ страсти къ мучительству изнасиловалъ ребенка. Страсть къ угрызениямъ совѣсти. Страстность—Лиза. Овладѣвъ ею—убиваетъ хромоножку. Съ убійствомъ Шатова порывъ сумасшествія (рѣчи можетъ быть) и повѣсилъ. Тоска. Но главное все-таки безвѣріе. Ужасъ къ самому себѣ; на прим., отъ сознанія наслажденія въ страданіи другихъ.

Князь говоритъ Тихону прямо, что иногда онъ глубоко страдаетъ укорами совѣсти, иногда эти укоры обращаются въ наслажденіе. (Булавки подъ ногтями у ребенка).

Князь совершенно вѣруетъ и въ Антихриста, и въ спасеніе православіемъ. Но такъ какъ онъ по совѣсти недостаточно вѣруетъ, то и говоритъ формулу:

Коли недостаточно вѣрую—значить ничему не вѣрую.

Тихонъ ему между прочимъ на это :

— Да, это такъ съ иными людьми, сильно настаивающими и много требующими. Другіе же и малой вѣрой довольствуются и на колеблющейся почвѣ уживаются — лишь бы колебалась не слишкомъ.

Эстетическое начало зависитъ отъ религіи.

Тихонъ. Главная мысль. Единственная свобода—побѣдить себя. Рабъ и свободъ.

Все оттого, что не знаю, что лучше—булавки подъ ногтями или Христосъ.

Мысли новыхъ повѣстей. Настасья, высокая дворовая дѣвушка, даже рябая, тихая, пріѣхалъ помѣщикъ, жилъ, прижилъ ребенка, Григорій и Федосья, женился, умерла въ родахъ.

— Смотрю я на его лицо—онъ мнѣ напоминаетъ маленькаго Писарева, когда мы были въ Петербургѣ съ социалистами.

— Соціализмъ великая идея, вдругъ неожиданно сказалъ Шатовъ.

— Идея великая, но послѣдователи не всегда великаны, ты это хотѣлъ сказать *et restons là, mon chér*. Насчетъ же Писарева я нахожу, что онъ походить на него.

— Писаревъ былъ человѣкъ умный и благородный, отрѣзалъ вдругъ опять Шатовъ, опустивъ глаза. Всѣ опять посмотрѣли въ его сторону.

— *Mais sans doute, mon chér, sans doute, et quelle mouche vous pique?..* Онъ ко мнѣ нѣсколько разъ забѣгалъ, только больше мелькомъ. Кажется, онъ сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ... или гдѣ-то сидѣлъ. Онъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе чего-то маленькаго.

— Почему маленькаго, спросилъ Нечаевъ,— онъ былъ росту обыкновеннаго.

— Я не про ростъ и не про таланты его,—я—я не знаю почему, но онъ мнѣ показался маленькимъ, однимъ словомъ оставилъ впечатлѣніе чего-то маленькаго. Я сказалъ, что ты похожъ, не прими на свой счетъ—обратился онъ къ сыну.

Нечаевъ.—Ты-то, небось, великъ!

Грановскаго покоробила шутка.

— *Mon chér*, вы могли выразить это иначе.

Въ антрактахъ великій писатель говорить съ Писаревымъ.

Въ самомъ послѣднемъ свиданіи Грановскаго съ Н[ечае]вымъ въ деревнѣ Грановскій вдругъ восклицаетъ въ отчаяніи:

— О Боже! да ужъ если ты обрекъ весь міръ на гибель, если ужъ ты такъ убѣжденъ, и такъ нужно по твоему все низвергнуть и уничтожить, то неужели у тебя не достанетъ хоть слезы, хоть капли жалости и горя ко всему, что ты такъ уничтожаешь? Почему ты такъ покоенъ, почему ты такъ безчувственъ и безчеловѣченъ? Почему не заплачешь? Камень ли ты или человѣкъ, или ужъ я ничего не понимаю!

Духъ Святый есть непосредственное пониманіе красоты, пророческое сознаніе гармоніи, а стало быть неуклонное стремленіе къ ней.

Степанъ Трофимовичъ говоритъ о Богѣ: Дайте мнѣ Бога! Ужъ одно то, что я знаю, что есть существо выше меня, примиряетъ меня съ жизнью и не даетъ мнѣ впадать въ отчаяніе (а мелкому человѣку въ развратъ и грубость).

Идея князя (въ разговорѣ съ Шатовымъ) насчетъ огромнаго значенія православія и его новаго фазиса. Вліяніе Плевскаго Вселенскаго Ватиканскаго Собора. (Все мое мнѣніе о православіи, какъ самомъ полномъ и настоящемъ выраженіи Россіи съ послѣднею рѣзкостью). Будущая война изъ-за двухъ религій (Франція и Россія)... Россія и Европа косвенно будутъ увѣрены можетъ быть, что воюють не за вѣру, а между тѣмъ это будетъ за вѣру. Духъ войны и необходимость ея выйдутъ изъ-за вѣры, какъ изъ-за новой идеи.

4. Эпизодъ изъ „Подростка“.

(Неизданный отрывокъ изъ части II-ой, гл. IX).

Присматриваясь, какъ мнѣ влѣзть по воротамъ, я вдругъ въ правомъ углу воротъ, въ глубинѣ выступа, замѣтилъ какую-то темную массу: что-то лежало или сидѣло скорчившись, «меньше человѣка, больше собаки» — мелькнуло во мнѣ. Я нагнулся и дотронулся рукой; это былъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ девяти или десяти, она сидѣла сжавшись и скорчившись, глаза были закрыты. «Замерзла!» проговорилъ я, и схвативъ ее обѣими руками за плечи, сталъ подымать. Я приподнялъ ее, но не удержалъ, и она, какъ деревянная колода, шлепнулась опять въ снѣгъ, но отъ сотрясенія, должно быть, открыла глаза. «А, не успѣла заснуть!» вскричалъ я. Она глядѣла на меня прямо, большими глазами, но кажется ничего не понимала.

Это было худенькое, стянутое холодомъ, посинѣвшее личико ребенка съ странно-большими, какъ показалось мнѣ тогда, глазами и чрезвычайно длиннымъ ртомъ, при очень маленькомъ подбородкѣ. На лицѣ ея были пятна, въ родѣ болячекъ. Все это я мелькомъ запомнилъ. Она видимо ничего не понимала и вдругъ опять закрыла глаза. Я схватилъ ее опять за руки и изо всѣхъ силъ сталъ поднимать, наконецъ, поставилъ и началъ трясти за плечи; нѣсколько разъ она обнаруживала стремленіе опять скорчиться, но, наконецъ, вдругъ сама стала на ноги, и любопытство сверкнуло въ ея взглядѣ. Она проснулась; я не ошибся: ей было не болѣе десяти лѣтъ, но она была очень дурно и легко одѣта, въ какомъ-то старенькомъ, изорванномъ, нагольномъ ватномъ капотикѣ, служившемъ, можетъ быть, третій годъ, судя по короткимъ рукавамъ, далеко не прикрывавшимъ маленькихъ синебагровыхъ отъ холоду рукъ. На ногахъ ея, впрочемъ, были толстые башмаки сверхъ толстыхъ шерстяныхъ чулковъ. На шеѣ ея было надѣто длинное суровсе полотенце, концы котораго выходили на оба плеча, а къ каждому концу были привязаны или пришиты по плетеной изъ древесной кожи продолговатой формы корзинкѣ, въ родѣ футляра для бутылки, и изъ каждой корзинки дѣйствительно торчало по бутылкѣ. Это приспособленіе я уже зналъ прежде: мальчишекъ и дѣвчонокъ дѣйствительно посылаютъ изъ артелей съ такимъ снарядомъ въ кабаки за виномъ, а корзинки тутъ, чтобъ ребяташки не разбили бутылокъ. Но однако дѣвчонка усѣлась у забора и заснула. Какъ это могло случиться?

Она долго ничего не понимала на мои вопросы: гдѣ она живетъ и куда ее доставить, и только все глядѣла на меня своими большими черными глазенками, но взглядъ ея становился все вострѣе и вострѣе. Наконецъ, вдругъ шевельнулись ея губы, и она прошептала:

— Озябла!

Выговорила она быстро, и не то что жалуясь, а какъ-то бессмысленно, точно выпалила, и не «озябла», а какъ-то «аззьябла»! рѣзко ударяя на я и при этомъ ни на мигъ не переставая смотрѣть мнѣ въ глаза.

— Ты замерзнешь, гдѣ ты живешь? пойдѣмъ, я доведу, пойдѣмъ! повторялъ я все настойчивѣе.

— Аззьябла! выпалила она вдругъ опять.

Я взялъ ее за ручку и потащилъ, она не шла. Я сталъ уговаривать, вынулъ изъ жилетнаго кармана двугривенный и далъ ей не знаю для чего. Она вдругъ точно одумалась, повернулась и быстро пошла по направлению къ бульвару, я за ней. Переулокъ былъ ма-

ленькій, и мы скоро вышли на бульваръ, она перебѣжала его поперекъ, перешла на противоположный тротуаръ и, пройдя нѣсколько домовъ, стала передъ одними воротами и проговорила: вотъ!‡

Я достучался дворника, онъ вышелъ заспанный, увидѣлъ дѣвочку и, что-то грубо проворчавъ, пропустилъ насъ. Дѣвочка перешла большой дворъ, и потомъ черезъ подворотню вошла на другой и въ самомъ заднемъ углу, показавъ на окна подвального этажа и на крылечко, вдругъ проговорила:

— Не пойду.

Я схватилъ ее за руку, и придерживая, чтобъ она не упала, сталъ стучать въ окна. Я стучалъ долго, наконецъ, послышалось чье то ругательство, а за нимъ вдругъ женскій голосъ прокричалъ:

— Это вѣдь Аришка, свѣтъ мой, это вѣдь Аришка!

Я ступилъ на крылечко, двѣ ступеньки котораго шли внизъ, а не вверхъ, дверь отворилась, и я шагнулъ куда-то внизъ въ комнату. Душный, сырой, мефитическій воздухъ охватилъ меня.

— Да кто такой, да кто вы такой, эй, кто такой! закричала женщина, замѣтивъ меня.

— Я дѣвочку вашу привелъ, она замерзла! прокричалъ я.

— Гдѣ же шельма, гдѣ извергъ,—ухватила ее женщина, и я слышалъ въ темнотѣ, какъ начала ее таскать за волосы. А дѣвчонка молчала. Вдругъ блеснулъ свѣтъ, кто-то зажегъ свѣчу.

Это была довольно большая комната, изба, съ русской печью въ углу, съ деревяннымъ тесовымъ столомъ и съ двумя такими же стульями въ другомъ углу, съ лавками по двумъ стѣнамъ, съ двумя малыми окнами во дворъ, съ грязнымъ поломъ, съ платьемъ и разной рухлядью, разбросанными по стѣнамъ. Въ избѣ этой спало, должно быть, человѣкъ семь или восемь, и кажется всѣ были пьяны, а размѣщались на лавкахъ, на печкѣ и даже на полу. Вздунъ огонь какой-то въ рубахѣ, а поверхъ рубахи въ сертукѣ, уже сѣдой и плотный человѣкъ. Онъ былъ пьяненькій, но серьезенъ и важенъ. Разглядѣвъ, что женщина, таская, свалила дѣвочку на полъ, онъ сипло крикнулъ:

— Бутылки-то! бутылки-то не разбей!

Баба перестала бить, дѣвочка вскочила, выпрямилась, и дико оглядываясь, вдругъ проговорила опять, какъ давеча:

— Аз-зьябла!

Въ это мгновеніе сползъ съ лавки какой-то парень, очень пьяный и хромой. Онъ былъ въ одномъ бѣлѣ и босой. Подковылявъ прямо къ дѣвчкѣ, онъ молча поднялъ руку и изо всѣхъ силъ опустилъ

на нее кулакъ. Дѣвочка свалилась, какъ подрѣзанная, а обидчикъ покачнулся, замычалъ и самъ упалъ на полъ. Онъ былъ очень пьянъ.

— Ишь вѣдь, прошепталъ сѣдой, экъ нарѣзался!

Я вскрикнулъ и бросился къ дѣвочкѣ, но она вскочила сама; я не помню хорошо, что со мной тогда случилось. Я плакалъ навзрыдъ и кричалъ имъ, что „вѣдь такъ нельзя, она замерзла, за что? за что?“ Я ломалъ руки, просилъ, умолялъ. Стали просыпаться, двѣ три головы поднялись съ наръ, раздались голоса; сѣдой сталъ передо мной, держа огарокъ въ рукѣ, и съ пьяною важностью меня осматривалъ. Только баба была, кажется, мало пьяна и очень, кажется, на меня дивилась.

— Да вы чего же такъ, проговорила она вдругъ,—да вѣдь это извергъ какъ есть, вы не знаете, вѣдь она, какъ не захочетъ, такъ полѣномъ колоти не прошибешь, ее въ одиннадцатомъ часу послала, не хотѣла идти, не пойду, да и вотъ тебѣ. Гдѣ она была до сего часу, сука? Анаеема, она ребенку въ спину булавку воткнула—не хотѣла таскать! Мать померла, ничья она теперь, да хошь бы здохла проклятая, на рукахъ сидить.

— Такъ у ней и матери нѣтъ, она сирота? завопилъ я,—и вдругъ, не знаю, что со мной сдѣлалось, но весь въ слезахъ я припалъ къ Аришѣ, обхватилъ ее и сталъ цѣловать ее.

Я хоть не описываю подробно, но стараюсь сочинить по оставшемуся впечатлѣнію. Можетъ, я многого не помню, да и тогда не замѣтилъ. Помню только, что Ариша, быстро, какъ кошка, взобралась на печку и, скорчившись въ углу, смотрѣла на меня оттуда любопытными, дикими, какъ у звѣря, глазенками.

— Изъ какихъ такой? проговорилъ кто-то.

— А пьяный, можетъ.

Женщина молчала, но смотрѣла пристально, наконецъ, подошла ко мнѣ вплотъ.

— Вамъ тутъ нечего... одно безобразіе... Тутъ ночь, теперь спать надоть, вотъ Богъ, а вотъ и пороги.

Она надвинулась на меня и поперла меня къ дверямъ. Я вдругъ вспомнилъ все мое, и вдругъ на себя удивился:—Да что жъ это я, что мнѣ тутъ! мелькнуло у меня въ головѣ. Затѣмъ повернулся и поскорѣе выбѣжалъ. Очень торопясь и заботясь, отыскалъ я дворника, и какъ выскочилъ на улицу, тотчасъ же перебѣжалъ тротуаръ и вышелъ опять въ тотъ самый переулокъ. Дойдя до тѣхъ глухихъ воротъ, я запахнулся въ шубу и присѣлъ на снѣгъ въ тотъ самый уголъ, въ которомъ сидѣла дѣвочка.

— Что-жъ, думалъ я, тутъ и засну, какъ Ариша.

Я тутъ вспомнилъ, что когда-то читалъ въ газетахъ, что одинъ извозчикъ сталъ со своей лошадыю въ одну морозную ночь, такъ и заснулъ въ саняхъ и замерзъ. Стало быть можно заснуть и замерзнуть и въ шубкѣ. Что-жъ, и я буду сидѣть, и засну, и замерзну. Все умерло, такъ и я умру.

Рукопись „Подростка“, ч. II, гл. IX, стр. рукописи 47—49.

5. Отрывки изъ разныхъ рукописей.

Изъ рукописи „Бѣсовъ“.

Никогда еще нашъ городъ не доходилъ до такого великолѣпія въ дамскихъ туалетахъ, начиная съ парижскихъ, тамъ и сдѣланныхъ и оттуда вывезенныхъ, до произведеній нашего Семенова-Вармилкова, жепскаго портного на Троицкой улицѣ. Шелка, бархаты, брильянты сверкали и горѣли со всѣхъ сторонъ, задвигались въ гантированныхъ ручкахъ опахала, и по воздуху понеслось благовоніе. Мущины были въ самыхъ торжественныхъ костюмахъ и при всѣхъ орденахъ, а иные, которые посолднѣе, были въ мундирахъ.

«Пятнадцать лѣтъ реформъ! Но никогда, никогда Россія не доходила до такой степени позора, униженія и безтолковщины, какъ въ эти пятнадцать лѣтъ позорныхъ реформъ на бумагѣ... [зачеркнуто: на срамъ себѣ, на смѣхъ и униженіе передъ Европою, что я тотчасъ же вамъ, господа, докажу] даже во времена шагистики».

Вдругъ ораторъ послѣ нѣкотораго молчанія поднялъ опять вверхъ кулакъ и, ступивъ на полшага впередъ, началъ мотать кулакомъ надъ головою:

„Но никогда Россія, провизжалъ онъ вновь, не доходила до такой степени позора и униженія, какъ въ эти пятнадцать лѣтъ своихъ пресловутыхъ и позорныхъ реформъ на бумагѣ!“

И онъ изо всѣхъ силъ неистово опустилъ внизъ кулакъ.

Увольняю себя заранѣе отъ описанія нашего города послѣ всѣхъ этихъ приключившихся и описанныхъ катастрофъ: задача это невозможная. Все хаосъ, все верхъ дномъ: Лембке больной, начальство другое, временное, робкое и озадаченное; очи всѣхъ, устремленные на Петербургъ: Юлія М[ихайлов]на, затворившаяся и всѣми оставленная, домъ ея въ родѣ чумнаго мѣста. Страхъ и тревога, вопросы и отвѣты, испугъ и цинизмъ, междуцарствіе мысли, и такъ недѣли съ три,

вплоть до того времени, когда въ наши дѣла ввязалась новая грозная сила, давно всѣми ожидаемая и про себя призываемая.

Вариантъ начала гл. 7-ой, III-й ч. „Бѣсовъ“. Приложеніе къ стр. 499 рукописи.

[Къ главѣ VII ч. III, „Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича“].

Я, какъ тамъ, dans ce petit livre, я пойду сражаться съ Голиафами разврата и невѣжества... Я избранъ... Не избралъ Богъ красивѣе и выше меня, comme dans ce petit livre, а избралъ бѣднаго Степана Трофимовича, и я ихъ разможу... и cette ingrate увидитъ—oh, je suis comme dans la lune. И зачѣмъ они насъ повезли оттуда?

— Я хочу, чтобъ она ударила меня в другую щеку, я ей поставлю другую мою щеку, comme dans votre livre, и буду цѣловать слѣды ея ногъ. О, я теперь понялъ, что значить подставить другую ланиту! Я никогда, никогда не понималъ этого, а теперь только сталъ понимать. И если она, ударивъ, не проститъ меня, то я все же буду цѣловать слѣды ея ногъ, всю жизнь, всегда, каждую минуту.

Много тревогъ и заботы въ сердцѣ, но онъ хотѣлъ лишь опять поцѣловать полу ея платья и былъ счастливъ этимъ желаніемъ.

[Послѣ заключительныхъ словъ: „наши медики... отвергли помѣшательство“, проведена черта и приписано:] Послѣ Николая Всеволодовича оказались, говорятъ, какія-то записки. Я очень ищу ихъ. [Можетъ быть найду и если возможно будетъ]

Finis.

Изъ „Записныхъ книжекъ“.

1-е ноября 1870. Главнѣйшее замѣчаніе.

... И однако-же мнѣ надо разъ на всегда оговориться: пусть читатель съ самаго начала приметъ и допустить мое извиненіе:

Я не описываю города, обстановки, быта, людей, должностей, отношеній и любопытныхъ колебаній въ этихъ отношеніяхъ, собственно частной губернской жизни нашего города, какъ вслѣдствіе древнихъ, всегдашнихъ порядковъ быта, подъ которыми сложился городъ, такъ и вслѣдствіе новыхъ возмущеній этихъ порядковъ преобразованіями послѣднихъ временъ. Заниматься собственно картиною нашего уголка мнѣ некогда. Я считаю себя хроникеромъ одного частнаго любопытнаго событія, происшедшаго у насъ вдругъ, неожиданно, въ послѣднее

время, и обдавшего всѣхъ насъ удивленіемъ. Само собою, такъ какъ дѣло происходило не на небѣ, а все-таки у насъ, то нельзя же, чтобъ и я не коснулся иногда чисто картинно-бытовой стороны нашей губернской жизни; но предупреждаю, что сдѣлаю это лишь ровно настолько, насколько понадобится самую неотложную необходимостью. Специально же описательною частью нашего современнаго быта заниматься не стану.

— Ну, ты въ слезахъ найдешь утѣшеніе. Читалъ я разъ книгу инока Парфенія о путешествіи на Афонъ—что инокъ Николай имѣлъ даръ слезный—ну, вотъ ты и есть инокъ Николай, который имѣлъ даръ слезный.

Главная же идея (то-есть пафосъ романа) это князь и воспитанница—новые люди, выдержавшіе искушеніе и рѣшающіеся начать новую обновленную жизнь.

Ш[атовъ] безпокойный продуктъ книги, столкнувшійся съ дѣйствительностью, увѣровавшій страстно и незнающій, что дѣлать. Много красоты.

Великій писатель говорить: Ужъ въ Бога то я не вѣрю (Тургеневъ). Гр[ановскій] говорить про великаго писателя: онъ кричалъ о, моя мать, когда на паровозѣ случилось несчастье.

Въ пользу ксендза Гр[ановскій] читаетъ объ Отелло:

О, Яго, какъ жаль, какъ жаль!

Тутъ уже онъ вспомнилъ про лицо Дездемоны—крикъ такой высокой облагороженной любви (онъ не могъ произойти безъ воспоминанія о лицѣ Дездемоны)...

И вѣдь понималъ же это Гр[ановскій], самъ же онъ былъ чрезвычайно отвлеченнымъ эгоистомъ на дѣлѣ.

Сама же розга солдата не унизила, а унизила духъ тѣхъ (надолго), которые его сѣкли. Я по фактамъ говорю. (У Гр[ановскаго] это Ш[атовъ] говоритъ)... Никакія розги высокаго духа не унизятъ (это уже говорить князь у Ш[атова]).

Тирана о русскомъ солдатѣ, что онъ и прежде былъ высокаго и твердаго духа (это Ш[атовъ] говоритъ у Гр[ановскаго]. Князь запомнилъ и въ разговорѣ съ Ш[атовымъ] сталъ говорить съ нимъ о свободѣ, хотя бы и подъ розгами (Апостоль Павелъ); всѣмъ этимъ и такимъ

глубокимъ пониманіемъ воспламеняетъ III[атова] окончательно. Это тотъ самый бѣглый солдатъ, который оказалъ такой великій духъ, защищая Севастополь.

Изъ рукописи „Подростка“.

Еслибъ я сочинялъ оперу, то знаете я бы взялъ сюжетъ Фауста. Я очень люблю эту тему, у Гуно хорошо, но я, знаете, я все создаю сцену въ соборѣ. Знаете, готическій соборъ, внутренность, хоры, гимны, входитъ Гретхенъ, и знаете, хоры средневѣковые, какъ у Мейербергера, у котораго такъ и слышится десятый вѣкъ въ Робертѣ, пахнетъ, пахнетъ десятимъ вѣкомъ.

[Въ рѣчи Вересилова „Любить людей невозможно“... послѣ фразы „кто лишь чуть-чуть неглупъ... — честенъ онъ или безчестенъ — все равно“... слѣдуетъ незачеркнутый отрывокъ:] Безъ сомнѣнія, Христосъ не могъ насъ любить, такихъ какъ мы есть. Онъ насъ терпѣлъ, Онъ насъ прощалъ, но конечно презиралъ; я по крайней мѣрѣ не могу понять его лика иначе. Любить своего ближняго и не презирать его невозможно...

Рукопись «Подростка», 2-ая тетрадь, стр. 13.

Изъ «Рѣчи о Пушкинѣ».

Это почти чудесная сила, совершенно оригинальное и никогда не виданное до Пушкина въ Европейскихъ литературахъ; тамъ громадные гении—[здѣсь] чудесное и оригинальное явленіе.

О, онъ долго еще собирался работать на великолѣпномъ пути своемъ, и кто знаетъ, какія богатства могъ бы оставить и завѣщать намъ. Но того, что и оставилъ онъ, уже довольно — для указанія, для доказательства правды возрѣній его на Россію и на русскаго человека. И все это сокровища, оставленные имъ для грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на этой же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдующихъ талантовъ, по крайней мѣрѣ не проявились бы они въ такой мѣрѣ и въ такой же степени, въ какой удалось имъ выразиться послѣ Пушкина, уже въ наши дни, даже несмотря на великія ихъ дарованія. Но не въ поэзіи лишь одной, не въ творчествѣ лишь художественномъ только: не было бы Пушкина, не опредѣлилась бы, можетъ

быть, въ такой самостоятельной силѣ (въ какой это явилось потомъ) наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже жизнь, надежда на наши народныя силы.

Изъ „Отвѣта Градовскому“.

Я утверждаю, что народъ нашъ просвѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Вы скажете: онъ ученія Христова не знаетъ, и проповѣди ему не говорятъ. На это отвѣчу: все знаетъ, самую суть ученія принялъ въ себя въ вѣка своихъ страданій, все, и именно то, что нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса наизусть. Въ храмахъ, гдѣ слышатся молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей, научился этими молитвами и гимнами, въ житіяхъ святыхъ, научился вѣками своихъ страданій еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ „Господи силъ съ нами буди!“ и съ тѣхъ поръ еще, можетъ быть, заучилъ этотъ гимнъ, а въ томъ уже въ одномъ вся правда Христова, и что въ томъ, что ему мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочатъ неразборчиво.

О, конечно, мнѣ сейчасъ возразятъ (и вы, и всѣ ваши), что народъ нашъ вовсе не просвѣщенъ въ такой степени христіанствомъ, что народъ нашъ грубъ и невѣжественъ, что это лишь крещенное язычество и не больше. Это неправда, и если вы возразите мнѣ, что грубое отрицаніе: „это неправда“ не есть доказательство, то пусть такъ пока и останется. Всего разомъ не выскажешь.

Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского.

Подготовив к изданию в 1906 году, к 25-ти летней годовщине смерти Достоевского, полное собрание его сочинений (так называемое „юбилейное“), А. Г. Достоевская не снабжала его какими либо примечаниями или справками. Но на одном из экземпляров этого издания она сделала на полях книг ряд заметок, представляющих высокий комментаторский интерес. С этого экземпляра, хранящегося в комнате Достоевского в Московском Историческом Музее, воспроизводятся главные „маргиналии“ А. Г. Достоевской, с указанием мест, вызвавших эти примечания. Страницы указаны всюду по Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского, изд. 7-ое, СПб., 1906. К этим «заметкам на полях» мы присоединили несколько аналогичных записей А. Г. Достоевской из ее тетради — каталога: «Книга для записывания книг и газет по моей библиотеке».

Преступление и наказание (т. V).

(Стр. 5.... „въ С—мъ переулкѣкъ К—ну мосту“). Столярный переулокъ, Кокушкинъ мостъ.

(Стр. 57. Т—въ мостъ). Тучковъ мостъ.

(Стр. 99. „.... по В—му проспекту“). Вознесенскій проспектъ. *О. М.*—чѣ въ первыя недѣли нашей брачной жизни, гуляя со мною, завелъ меня во дворъ одного дома и показалъ камень, подъ который его Раскольниковъ спряталъ украденныя у старухи вещи. Дворъ этотъ находился по Вознесенскому проспекту, второй отъ Максимиліановскаго переулка; на его мѣстѣ построены громадныя дома, гдѣ теперь редакція нѣмецкой газеты.

(Стр. 119. „Что значить у Шармера-то заказывать!“). Шармеръ—извѣстный въ то время портной въ Петербургѣ, у котораго *О. М.* заказывалъ свое платье.

(Стр. 142. „Миновалъ площадь, онъ попалъ въ переулокъ“). Таировъ переулокъ, около Сѣнной.

(Стр. 144. — „Ба, хрустальный дворецъ!“)... Трактиръ (подъ другимъ названіемъ) во второмъ домѣ по Забалканскому проспекту, въ домѣ Вяземской Лавры.

(Стр. 389. — «Безпокойный бредъ охватывалъ ее болѣе и болѣе»). Сцену смерти чахоточной Θεодоръ Михайловичъ могъ наблюдать у одра болѣзни его первой жены Маріи Дмитріевны. Да и вообще надо сказать, что въ лицѣ Катерины Ивановны изображены многія черты характера Маріи Дмитріевны. Насколько я могла судить по рассказамъ Θεодора Михайловича, а также родственниковъ и знакомыхъ его, послѣдніе два года Марія Дмитріевна была не вполне нормальна. О предсмертныхъ приступахъ помѣшательства Маріи Дмитріевны говорилъ мнѣ въ 1867 г. лѣчившій ее въ Москвѣ врачъ Александръ Павловичъ Ивановъ, мужъ сестры Θεодора Михайловича, Вѣры Михайловны. Ивановъ говорилъ, на примѣръ, о томъ, что Марія Дмитріевна любила заводить стѣнные часы и заводила ихъ до того, что пружина лопалась. Часто она жаловалась врачу, что въ комнатѣ много чертей. Тогда Ивановъ отворялъ форточку, платкомъ выгонялъ чертей и послѣ этого бѣдная больная успокаивалась.

(Стр. 395. — «Въ сознаніи о смерти и въ ощущеніи присутствія смерти...»). Ощущенія Θεодора Михайловича въ случаяхъ, когда ему приходилось присутствовать при кончинѣ кого-либо и бывать на похородахъ.

Стр. 451 — «Онъ [Свидригайловъ] шагаль по безконечному проспекту». По Большому проспекту, Петербургской стороны.

(Стр. 459. — «Тутъ-то стоялъ большой домъ съ каланчой»). Полицейскій домъ Петербургской стороны (Пожарный отдѣлъ). На углу Съѣзжинской и Большого проспекта.

Униженные и оскорбленные (т. IV).

(Стр. 185. — „И пришло мнѣ тогда на умъ: что если-бы ты, на примѣръ, отъ чего-нибудь заболѣла и умерла...“). Таковы были чувства (Θ. М.) въ отношеніи лицъ, которыхъ онъ любилъ. Таковы были его чувства и ко мнѣ, о чемъ свидѣлствуютъ его письма ко мнѣ.

(Стр. 309. — «У меня вырабатывается въ такую напряженную работу...»). Такъ говорилъ Θ. М. о своемъ настроеніи, когда ему приходилось напряженно работать.

(Стр. 5. — „Я замѣтилъ, что въ тѣсной кварирѣ...“). Θεодоръ Михайловичъ готовъ былъ отказаться себѣ во всемъ, лишь бы имѣть въ своей квартирѣ хоть двѣ просторныя комнаты.

Вѣчный мужъ (т. IV).

(Стр. 334. — „Вельчаниновъ жаловался... на потерю памяти“). Все это случалось съ Θεодоромъ Михайловичемъ: онъ до того забывалъ

лица знакомыхъ ему людей, что иногда не узнавалъ даже моего брата, котораго искренне любилъ. Его безпамятство создало ему много враговъ, принимавшихъ за личную обиду то, что онъ ихъ не узнавалъ. Самыя недавнія событія совершенно имъ забывались, а между тѣмъ онъ отлично помнилъ давно прошедшее и изумлялъ своихъ родныхъ яркостью своихъ воспоминаній.

(Стр. 378). Θεодоръ Михайловичъ плохо различалъ цвѣта.

(Стр. 400. — «Былъ ясный вечеръ, солнце закатывалось... сочная трава...»). Подобное ощущение испыталъ Θεодоръ Михайловичъ, когда въ 1868 году пришелъ въ первый разъ послѣ похоронъ своей дочери Сони на ея могилку. „Соня послала мнѣ это спокойствіе“, сказалъ онъ мнѣ.

(Стр. 408, гл. XII). Въ лицѣ семейства Захлебныхъ Θεодоръ Михайловичъ изобразилъ семью своей родной сестры Вѣры Михайловны Ивановой. В этой семьѣ, когда я съ нею познакомилась, было три взрослыхъ барышни, а у тѣхъ было много подругъ.

(Стр. 410. — «Въ сопровожденіи одной бойкой и вострой подружки Марьи Никитичны...»). В лицѣ Марьи Никитичны Θεодоръ Михайловичъ изобразилъ Марью Сергѣевну Иванчину-Писареву, очень близкую къ семьѣ Ивановыхъ дѣвушку, очень милую и остроумную.

(Стр. 421. «Вельчаниновъ выбралъ романсъ Глинки: „Когда въ часъ веселый...»). Θεодоръ Михайловичъ нѣсколько разъ рассказывалъ при мнѣ о томъ поразительномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него этотъ романсъ въ исполненіи самого Глинки, котораго онъ встрѣчалъ въ молодости.

(Стр. 430. — „В комнату вошелъ очень молодой человѣкъ...“). Въ лицѣ этого молодого человѣка Θεодоръ Михайловичъ изобразилъ своего пасынка Павла Александровича Исаева.

Бѣсы (т. VII).

(Стр. 60. — «От Женевского озера зубы болятъ»). Въ зиму 1667 — 68 гг. у Θεодора Михайловича часто болѣли зубы (зимою мы жили въ Женевѣ, весной в Vevey), и онъ увѣрялъ, что зубы болятъ отъ близости Женевского озера и что объ этомъ свойствѣ Женевского озера онъ гдѣ-то читалъ.

(Стр. 101. — „Я чай люблю, — сказалъ онъ, — ночью...“). Θεодоръ Михайловичъ любилъ крѣпкій, почти какъ пиво, чай. Самоваръ съ 12-ти часовъ дня не сходилъ съ обѣденнаго стола. Но особенно любилъ чай ночью во время работы.

(Стр. 116.—«Литературное предпріятіе было такого рода...») О такомъ литературномъ предпріятіи мечталъ Ѳеодоръ Михайловичъ и былъ увѣренъ, что подобная книга могла бы имѣть значеніе и разойтись въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Звалъ меня въ сотрудницы по классификаціи вырѣзокъ.

(Стр. 292.—«Прибыли къ Семену Яковлевичу...») Ѳеодоръ Михайловичъ описываетъ посѣщеніе имъ извѣстнаго московскаго юрида Ивана Яковлевича Корѣйши.

(Стр. 520. — «Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть...») Ощущенія, испытанныя Ѳеодоромъ Михайловичемъ, о которыхъ онъ говорилъ мнѣ и дѣтямъ.

(Стр. 521, 522.—Роды Шатовой). Ѳеодоръ Михайловичъ описываетъ свое душевное состояніе въ тѣ часы, когда произошло появленіе на свѣтъ нашей старшей дочери Сони.

(Стр. 568. — «Изъ общины подвели ихъ прямо къ большой избѣ...») Ѳеодоръ Михайловичъ описываетъ село «Устрику» на берегу озера Ильмень, гдѣ намъ всей семьей приходилось иногда ждать парохода, возвращаясь изъ Старой Руссы въ Петербургъ, въ сентябрѣ. Случалось, что оставались въ „Устрикѣ“ два дня сряду.

Братья Карамазовы (т. XII).

(Стр. 22. — «Такія воспоминанія могутъ запоминаться...»). Такое воспоминаніе отъ 2-хъ лѣтняго возраста сохранилось у Ѳеодора Михайловича о томъ, какъ мать причащала его въ ихъ деревенской церкви, и голубокъ пролетѣлъ черезъ церковь изъ одного окна въ другое.

(Стр. 32.—«Одинъ изъ нашихъ современныхъ иноковъ спасался на Афонѣ...») Книга „Странствія Инока Парфенія“. Книгу эту Ѳеодоръ Михайловичъ имѣлъ въ своей библіотекѣ и иногда перечитывалъ.

(Стр. 53.—«Сыночка жаль, Борюшка, трехлѣточекъ былъ...»). Отраженіе впечатлѣній Ѳеодора Михайловича послѣ смерти нашего сына Алеши, умершаго въ 1878 году. Было ему безъ 3-хъ мѣсяцевъ 3 г. Въ этомъ же году былъ начатъ романъ „Братья Карамазовы“.

(Стр. 54-57.—«Вотъ что, мать, проговорилъ старецъ... это древняя Рахиль плачетъ...») Эти слова передалъ мнѣ Ѳеодоръ Михайловичъ, возвратившись въ 1878 году изъ Оптиной Пустыни; тамъ онъ бесѣдовалъ со старцемъ Амвросіемъ и рассказалъ ему о томъ, какъ мы горюемъ и плачемъ по недавно умершему нашему мальчику. Старецъ Амвросій общалъ Ѳеодору Михайловичу „помянуть на молитвѣ Алешу и „печаль мою“, а также помянуть насъ и дѣтей нашихъ за здра-

віе“. Ѳеодоръ Михайловичъ былъ глубоко тронутъ бесѣдою со старцемъ и его общаніемъ за насъ помолиться.

(Стр. 186.— „Весь городъ нашъ пронизанъ канавками...“). Ѳеодоръ Михайловичъ говоритъ про Старую Руссу. Мѣсто, гдѣ произошло побоище мальчиговъ, извѣстно семьѣ Достоевскихъ.

(Стр. 96).— „Чермашня“, небольшой лѣсъ, часть имѣнія „Дарового“, Тульской губерніи, находящагося теперь во владѣніи наслѣдниковъ Вѣры Михайловны, сестры Ѳеодора Михайловича“.

(Стр. 302-303.— „Чудно это, отцы и учителя, что не бывъ столь похожъ на него лицомъ...“). Такъ смотрѣлъ Ѳеодоръ Михайловичъ на Владиміра Сергѣевича Соловьева, который душевнымъ складомъ своимъ напоминалъ ему Ивана Николаевича Шидловскаго, имѣвшаго столь благотворное вліяніе на Ѳеодора Михайловича во дни его юности.

(Стр. 308.— „Въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное еще восьми лѣтъ отъ роду...“). Это личныя воспоминанія Ѳеодора Михайловича изъ своего дѣтства; нѣсколько разъ отъ него слышала. Ѳеодоръ Михайловичъ былъ радъ, когда наши дѣти присутствовали на богослуженіяхъ Страстной недѣли.

(Стр. 426.— „Лавка Плотниковыхъ...“). Ѳеодоръ Михайловичъ говоритъ о бакалейномъ магазинѣ Павла Ивановича Плотникова въ Старой Руссѣ, въ который самъ любилъ заходить за закусками и сластями.

(Стр. 472.— „Черная шаль...“). [Черныя шали] въ 60-хъ годахъ были въ большой модѣ, Ѳеодоръ Михайловичъ настоялъ, чтобы я въ Дрезденѣ купила себѣ такую-же, и самъ выбралъ шаль изъ числа мнѣ показанныхъ.

(Стр. 657.— „Подробности, главное, подробности...“). Любимое выраженіе Ѳеодора Михайловича, если онъ былъ чѣмъ-либо заинтересованъ. *

„Дневникъ писателя“ за 1876 г.

(Стр. 60.— „Когда однажды, редактируя одну газету“...) Дни ареста Ѳеодоръ Михайловичъ высидѣлъ на абвахтѣ на Сѣнной площади. Было это съ четверга 11 часовъ утра по субботу 11 часовъ, на вербной недѣлѣ 1873 года.

(Стр. 76).— Въ декабрѣ 1875 г. сынъ Ѳедя былъ боленъ scarlatina со многими осложненіями.

(Стр. 76.— „Столѣтняя“). Разсказъ „Столѣтняя“ основанъ на дѣйствительномъ случаѣ, со мной происшедшемъ. Вернувшись изъ типо-

графин, я рассказала Теодору Михайловичу мою встрѣчу со старушкой, а Теодоръ Михайловичъ написалъ на эту тему рассказъ.

(Стр. 114.—„Лордъ Редстокъ“). У Юліи Денисовны Засѣцкой, дочери партизана Дениса Давыдова. Она была ревностной редстокисткой и много спорила и говорила съ Теодоромъ Михайловичемъ о религіозныхъ вопросахъ. У наслѣдниковъ Юліи Денисовны (ея сыновей и дочерей) или сестры ея графини Висконти могли бы найтись и отвѣты Теодора Михайловича на письма Засѣцкой, преимущественно по вопросамъ религіи.

(Стр. 149.—„...одинъ человѣкъ, сужденіемъ котораго я глубоко дорожу:“) Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, мнѣніемъ котораго Теодоръ Михайловичъ очень дорожилъ.

(Стр. 222.—„О воинственности нѣмцевъ.“—„Хоть я и дурно говорю по нѣмецки...“). Теодоръ Михайловичъ говорилъ по нѣмецки, съ трудомъ подыскивая слова, но если онъ воодушевлялся и особенно если сердился, то приходилось удивляться, откуда у него брались такія язвительныя и мудренныя фразы. Особенно я припоминаю споръ Теодора Михайловича въ вагонѣ со старикомъ-нѣмцемъ, безцеремонно занявшимъ мое мѣсто. Я просто диву далась знанію имъ нѣмецкаго языка.

(Стр. 275.—Piccola Bestia. — „И вотъ, разъ, въ іюль мѣсяцъ...“). Истинное происшествіе, случившееся съ нами во Флоренціи въ 1869 г.

(Стр. 317.—„Два самоубійства“. — „Недавно... съ однимъ изъ нашихъ писателей...“). Съ Гончаровымъ или съ Салтыковымъ.

(Стр. 318.—„Самоубійца молодая дѣвушка“). Убившая себя дочь Герцена.

(Стр. 342.—„Кроткая“. — „Я же у ней принялъ однажды камей...“) Теодоръ Михайловичъ подарилъ мнѣ во Флоренціи камей.

(Тамъ же: „Сигарный янтарный мундштукъ...“). Теодоръ Михайловичъ купилъ въ Эмсѣ янтарный мундштукъ.

(Стр. 397.—„Анекдотъ изъ дѣтской жизни“). Дѣйствительный случай, происшедшій съ дочерью г-жи Хохряковой; сообщенъ матерью дѣвочки. Г-жа Хохрякова служила на телеграфной станціи... Послѣ смерти Теодора Михайловича г-жа Хохрякова написала свои воспоминанія о немъ и помѣстила ихъ въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ за 1881 годъ подъ псевдонимомъ Л. Симоновой.

Замѣтки изъ „Книги для записыванія книгъ и газетъ по моей библіотекѣ“ А. Г. Достоевской.

По словамъ К. И. Иванова, въ которгѣ человекъ, убившій своего отца, былъ Ильинскій, другой, который совершилъ гнусный поступокъ и котораго прогнали сквозь строй, назывался Аристовымъ.

Сначала главнымъ былъ князь Горчаковъ, а затѣмъ Гасфордъ. Горчаковъ милостиво относился, Гасфордъ же строже.

По словамъ Θεод. Мих., въ училищѣ [онъ] написалъ сочиненіе, въ которомъ изобразилъ Романовскаго и Андрея Никол. Иванова, и подалъ это сочиненіе Плаксину, но тотъ, видя, что всѣ сошлись читать, понялъ и, сказавъ, что здѣсь заключаются личности, не сталъ читать.

Поискать письмо Тютчева къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, гдѣ говорится о Достоевскомъ.

Секретные инструкции о Достоевском

(Материалы Одесского Архивного фонда) ¹⁾.

Арестованный и привлеченный 23 апреля 1849 г. к следствию по делу Петрашевского и его сообщников „отставной инженеръ-поручикъ“ Ф. М. Достоевский „за участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніи письма литератора Вѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе, вмѣстѣ съ прочими, къ распространенію сочиненій противъ правительства“ был по Высочайшей конфирмации приговорен к разжалованию, лишению всех прав состоянія и ссылке в Сибирь, в каторжную работу на четыре года, с зачислением, по истечении срока работ, в рядовые одного из дальних гарнизонов.

По отбытіи наказания, восстановлении в некоторых правах и получении после долгих хлопот, разрешения на печатание своих произведений, Ф. М. Достоевский 18 марта 1859 г. добился, наконец, увольнения от обязательной службы и — с некоторыми ограничениями — возможности выбора себе нового „мѣста жительства“.

Как бывший государственный преступник, он, однако, едва ли не до последних лет своей жизни продолжал оставаться под негласным надзором полиции.

За границей наблюдение за великим писателем, очевидно, не прерывалось, и ко времени особенно продолжительного пребывания Достоевского в 1867 г. в Женеве, одном из центров тогдашней революционной эмиграции, относятся сохранившиеся в Одесских архивах особые секретные инструкции о нем III-го Отделения всем пограничным властям ²⁾.

Юл. О.

¹⁾ „Дѣло Одесскаго Жандармскаго Управленія о лицахъ, которыя имѣютъ прибыть в Россію с политической цѣлью. 1866—1867 г., № 12, листы 109 и 110“; „Дѣло канцеляріи Одесскаго Градоначальника от 28 декабря 1867 г., № 103 по секрет. столу, л. 1“.

²⁾ При печатании этих документов точно соблюдена орфография и пунктуация подлинника.

3 - Е ОТДѢЛЕНІЕ
СОБСТВЕННОЙ
Его Императорскаго

Величества
Канцеляріи
экспедиція 3.

28 Ноября 1867 г.

№ 1292.

СЕКРЕТНО.

Господину Начальнику Одесскаго
Жандармскаго Управленія.

Поручаю Вашему Высокоблагородію, при возвращеніи изъ за границы въ Россію отставнаго Поручика Федора Достоевскаго, произвести у него самый тщательный осмотръ и если что окажется предосудительное, то таковое немедленно представить въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, препроводивъ въ такомъ случаѣ и самаго Достоевскаго, арестованнымъ въ это Отдѣленіе.

Управляющій Отдѣленіемъ
Свиты Его Величества
Генераль - Маіоръ Мезенцовъ.

МИНИСТЕРСТВО
ФИНАНСОВЪ
НАЧАЛЬНИКЪ
ОДЕССКАГО ТАМОЖЕННАГО

ОКРУГА
20 Декабря 1867 г.
№ 49.

Одесса.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Господину Одесскому Градоначальнику.

Въ слѣдствіе требованія Г. Управляющаго III-имъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Г. Директоръ Департамента Таможенныхъ Сборовъ поручилъ мнѣ сдѣлать распоряженіе по Таможеннымъ мѣстамъ ввѣреннаго мнѣ Округа, чтобы при возвращеніи въ Россію отставнаго Поручика Федора Достоевскаго онъ былъ задержанъ на границѣ, тщательнымъ образомъ осмотрѣнъ и если при томъ у него окажется что либо предосудительное, то чтобы со всѣмъ при немъ найденнымъ не-

медленно былъ представленъ арестованнымъ мѣстному начальству для доставленія въ 3-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Такъ какъ разсмотрѣніе паспортовъ отправляющихся за границу и пріѣзжающихъ оттуда лицъ возложено въ Одессѣ на Портовое Начальство, а въ Очаковѣ на Карантиннаго Агента, то имѣю честь о вышеизложенномъ сообщить Вашему Превосходительству по принадлежности, присовокупляя, что объ осмотрѣ вышеупомянутаго лица вмѣстѣ съ симъ предложено мною Одесской и Николаевской Таможнямъ.

Начальникъ Округа С. Мордвиновъ.

М. В. Д.

ОДЕССКАГО
ГРАДОНАЧАЛЬНИКА.

по

КАНЦЕЛЯРИИ.

Часть Секр.
29 Декабря 1867 г.

№ 807.

Одесса.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Господину Начальнику
Жандармскаго Управленія
г. Одессы.

III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи требуется, что бы при возвращеніи въ Россію отставнаго Поручика Федора Достоевскаго онъ былъ задержанъ на границѣ, тщательнымъ образомъ осмотрѣнъ и если при томъ у него окажется что-либо предосудительное, то чтобы со всѣмъ при немъ найденнымъ немедленно былъ представленъ въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Вслѣдствіе сего Начальникомъ Таможеннаго Округа, сообщившимъ мнѣ упомянутое требованіе, сдѣлано распоряженіе по ввѣренному ему управленію, мною же дано надлежащее предложеніе Капитану надъ Карантиннымъ портомъ, съ тѣмъ самымъ вмѣстѣ считаю не лишнимъ имѣть честь сообщить Вашему Высокоблагородію все изложенное, на тотъ конецъ, что не изволите ли признать нужнымъ поручить требуемое наблюденіе и исполненіе о Достоевскомъ офицеру Вашего Управленія, наблюдающему за заграничными пассажирами.

И. д. Градоначальника А. Митьковъ.

СТАТЬИ

О драматических опытах Достоевского.

I.

Среди затерянных страниц Достоевского особенное внимание могли бы привлечь несколько его драматических опытов: известия о начатых и оконченных драматических произведениях разбросаны в его переписке, о них помнили друзья его юности. Нужно думать, что все эти опыты исчезли бесследно¹⁾, но несколько случайных сближений, кажется, могли бы помочь если не гипотетическому раскрытию их плана и замысла, то уяснению всего типического образа Достоевского-юноши. Не случайным кажется то, что именно в них Достоевский хотел видеть первое осуществление своих литературных мечтаний, и что именно в драматическую форму облечены были первые создания его творческой воли. История литературы знает ряд примеров такого первоначального обращения к драматической форме, когда она предпочтена и выделена первым сознательным актом творческого усилия. Пушкинский „Escamoteur“, ряд юношеских трагедий Жуковского, „Очарованный лес“ А. Бестужева, „Дмитрий Калинин“ Белинского, драматические опыты Лермонтова, „Стéно“ Тургенева—вот несколько примеров, собранных в пределах, хронологически близких к опытам Достоевского. Нетрудно подметить общую причинность этих литературных явлений: ранние театральные впечатления оказываются наиболее сильными, сильнее повествования, вообще книги²⁾; потому и первый творческий опыт воспроизводит эту литературную форму: недаром и Пушкин и Жуковский играют свои драмы в ин-

¹⁾ „Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского“, СПб 1883, стр. 41.

²⁾ I. H. Fowler. The influence of the theatre on life and character, Lond. 1886, 5—6 sq.

тимной семейной обстановке, а юный Достоевский «непременно» хочет видеть свою драму на сцене. Позднейшее обращение к повествованию вызывается и общим движением литературных идей, и тенденциями времени, которые всегда сильнее личных склонностей. В сложном вопросе о предпочтении писателем той или иной литературной формы, в соответствии-ли с его личной склонностью, с признаками-ли его национальной или расовой принадлежности, или, наконец, в перспективе общей литературной эволюции, покажется немаловажным, что это первое предпочтение редко бывает случайным и бесследным. Диккенс, начавший с „Мисмара, индийского султана“, драмы, написанной для избранного круга школьных друзей, и Достоевский—с его юношескими драмами—навсегда остаются мастерами диалога, количественно и качественно превышающего описание¹⁾, постоянно пользующимися приемами, перенесенными из области сценической в область повествовательную. Свою юношескую страсть к сценической работе, так и оставшуюся неудовлетворенной, Диккенс в зрелые годы подменяет страстью к публичным чтениям своих произведений, в которых мастерство чтеца должно было еще резче оттенить сценическую пригодность некоторых его созданий. К идее таких публичных чтений был не безразличен и Достоевский—столь же искусный и опытный чтец, каким был и любимый им Диккенс²⁾. Это деталь, но она кажется характерной. Драматические опыты Достоевского приобретают особый интерес именно потому, что во всем его творчестве нетрудно проследить всепроницающую его драматическую стихию. Если формула Достоевского, что „все внутреннее должно быть обнаружено в действии“, сценична по своему существу, если во всех его крупных произведениях трагичен по существу сам поэтический замысел, то вполне целесообразно квалифицировать роман Достоевского, как „роман-трагедию“—новый и своеобразный вид формы романа в общей перспективе литературно-исторической

¹⁾ По подсчетам М. Лопатто. Опыт введения в теорию прозы. Одесса, 1919, 42—43 (анализ „Униженных и оскорбленных“), диалог у Достоевского более чем в 1 $\frac{1}{2}$ раза превосходит описание. В этом своем *количественном* значении он несравним с диалогом Тургенева или Толстого.

²⁾ О мастерстве чтений Достоевского см. свидетельства Н. Н. Страхова, Биограф., письма..., 312; А. А. Зеленецкого, Трп. встречи, „Ист. Вестн.“ 1901, II, 1025 (чтение Достоевским Пушкинского „Пророка“); Е. А. Штакенишнейдер в 1860 г. находила, что „у Достоевского голос слабый и однообразный, повидимому не применившийся еще к подобному чтению“ (О чтении „Неточки Незвановой“ в пользу воскресных школ), „Русск. Вестн.“ 1901, VIII, 416. Ср. однако, ее восторженный отзыв, относящийся к 1860 году: „Голос Минувшего“ 1919, № 1—4, 177—181 (о чтении произведений Пушкина). О публичных чтениях Д-м собственных произведений с благотворительной целью см. „Указатель“ А. Г. Достоевской.

эволюции, как это делает Вяч. Иванов¹⁾. Если внимательно взглянуть в писательскую технику Достоевского, в приемы его письма, может показаться, что некоторые из его созданий освещены светом рампы и потому создают типично сценическую иллюзию, так часты, однообразны и типичны для его манеры эти приемы театральной техники. Может показаться, что свое литературное воспитание Достоевский получил в театре, а мастерству писателя обучался на драматических образцах. Здесь же причина того тяготения к инсценировкам его романов, с которыми мы встретимся и в России и на Западе²⁾.

В такой перспективе не безынтересно проследить, с какой последовательностью и страстью Достоевский отдавался театру, с каким несомненным интересом он следил за русской театральной жизнью. С детских лет он приучается любить театр и испытывает на себе волнующее влияние театральных впечатлений. Андрей Михайлович Достоевский вспоминал о семейных выездах в театр: они не были часты, но тем значительнее были возбужденные ими восторги. Однажды семья Достоевских смотрела „Жако, бразильскую обезьяну“: „в памяти моей сохранилось только то, что артист, игравший обезьяну, был замечательный эквилибрист; брат Федор долгое время бредил им и пытался подражать ему“³⁾. Сам Ф. М. рассказывал Анне Григорьевне о том сильном впечатлении, какое произвело на него, десятилетнего мальчика, представление „Разбойников“ Шиллера с Мочаловым в роли К. Моора—и, конечно, это театральное событие, оказавшее столь сильное влияние на динамику русского увлечения

¹⁾ Вяч. Иванов, Достоевский и роман-трагедия, „Рус. Мысль“ 1911. V—VI, перепеч. в Сборнике „Возроды и межи“, М., 1916. Ср. С. Н. Булгаков, Русская трагедия—„Русск. Мысль“ 1914, IV, I: „Хоть Достоевский не написал ни одной страницы в драматической форме, тем не менее, по существу дела, в своих больших романах он является великим трагиком. Это выступает с полной очевидностью при сценической постановке его романов...“ Статья написана по поводу постановки инсценированных „Бесов“ в Моск. Худож. Театре.

²⁾ В России инсценировка романов Достоевского началась задолго до постановок Моск. Худ. Театра. Инсценированы не только крупные, но и более мелкие вещи. Многочисленные указания в „Музее памяти Достоевского“, изд. А. Г. Достоевской, №№ 3922—3982. С 80-х г.г. начались инсценировки и на Западе. „Преступление и наказание“ во французской перделке играно на сцене „Одеона“ в Париже в 1888 г. (см. „Гражданин“, 1888, № 253, и за этот же год: „Русск. Вестн.“, № 252, „Новости“, № 252; „Нов. Время“, № 450); в немецкой—в 1890 г. в Лейпциге, на театре Лессинга, в Берлине, в 1896 г. на Гамбургском театре; в итальянской—на сцене Джербино в Турине в 1894 г.

³⁾ „Биография, письма“... 11.—„Жако, бразильская обезьяна“ мелодрама в 5 д. и 6 карт, пер. с франц. Зотова. Рукописный экземпляр этой пьесы встретился мне в театральном (Ширяевском) отделе Одесск. Публ. Библиотеки, № 814

Шиллером (вспомним Лермонтова и Белинского)¹⁾ могло для Достоевского оказаться одним из тех центров, вокруг которого потом сгустились другие впечатления от прикосновения к любимому поэту. Позднее, после ссылки, любовь к театру,—не только к праздникам театрального искусства, но и к однообразию его будней,—не остывает, но входит как часть в сферу его наблюдательности, в общий план его „изучения современности“. Отсюда и его напряженный интерес к новостям русского репертуара, о котором он спорит, наводит справки, и та внимательность к мелочам театральной жизни, которая на первый взгляд кажется в нем необъяснимой и странной. В неустанном стремлении охватить всю полноту русской литературной жизни, Достоевский не проходит мимо и драматических новинок; близкое знакомство связывает его с Аполлоном Григорьевым, драматургом Аверкиевым и другими; он беседует с Островским о „драматичности“ Чаевской хроники „Александр Тверской“ и пишет о ней брату; неодобрительно отзывается о „Минине“ Островского, „с удовольствием“ читает театральный фельетон „Зари“ и спрашивается у Страхова об его авторе хвалит, „Фрола Скобеева“ Аверкиева, отдавая его таланту предпочтение перед Островским; отвечает В. В. Самойлову на его письмо, вспоминая о том влиянии, какое Самойлов оказал в юности на его „ум и душу“²⁾. Это письмо, во всяком случае, интересное свидетельство его привязанности к театральному искусству: недаром таким возвышающим для этого искусства и в то же время таким гордым самоутверждением звучат заключительные слова письма: „Вашим гениальным талантом, Вы, конечно и наверно, не мало имели влияния на мою душу и ум. На склоне дней моих мне приятно об этом засвидетельствовать. Дай Бог нам обоим жить долго“ (17 декабря 1879 года). Но это не единственное указание. Среди бумаг Достоевского 1863 года находится статья „об игре Васильева в „Грех да Беда“ Островского“, до сих пор не входящая в собрание его сочинений³⁾. Эта статья, кажется, единственный, по

¹⁾ Ср. также в „Воспоминаниях“ Д. В. Григоревича (Полн. собр. соч., XII, 223). близкого к Достоевскому в школьные годы: «После чтения пьесы Шиллера «Разбойники» я тотчас же принялся сочинять пьесу из итальянских нравов; прежде всего, я позаботился присказать название—«Замок Марвено». Написав первую сцену, я тут же остановился: с одной стороны, помешало бессилие воображения, с другой—неумение выражать на русском языке то, что хотелось».

²⁾ «Письма»..., 147, 154, 197, 226, 278, 339.

³⁾ Эта статья напечатана в «Северн. Вестн.» 1891, XI, 32—34. Она не перепечатана и в «Забытых и неизвестных страницах Ф. М. Достоевского» П., 1918. Васильев, Павел Васильевич (1832—1878), известный актер martyновской школы, служивший с 1860 г. на Александринской сцене.

крайней мере, сохранившийся опыт театральной рецензии Достоевского. Вся она в высшей степени характерна. „Вы хотите, чтобы я описал Вам мое впечатление от игры Васильева в роли Краснова? Прежде всего (признаюсь откровенно), до этого раза я не видал его никогда. Знаете ли что? я вошел в театр с предубеждением к Васильеву. Я слышал такие похвалы ему от тех, которые уже видели его в „Грех да беда...“ Островского, что во мне невольно родилось сомнение. „Мочаловская игра“—ведь это уже слишком много сказать. А между тем для меня его игра оказалась чем то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актера, подобного Васильеву“. Несколько далее: „Драму Островского я читал два раза и был на первом представлении, в котором играл Краснова Бурдин“. Следует разбор игры Бурдина и Васильева и подробный анализ драматических характеров. Эти строки, бесспорно, принадлежат записному театралу, хорошему ценителю и опытному знатоку: ручается за это и авторитетный тон суждений и их убедительная аргументация. Во всем разнообразии интересов Достоевского, во всей многогранности его долгих трудов и дней, среди непрестанных отвлечений и обилия очередной работы—не трудно выделить те же проявления его любви к театру, далеко не обычные даже для рядового театрала: и если на страницах „Мертвого Дома“ можно встретить ряд замечаний о народном театре¹⁾, то и незначительное известие об исполнении Достоевским роли почтмейстера в Гоголевском „Ревизоре“ (14 апреля 1860 года)²⁾ может показаться немало-важной деталью для этой общей картины.

II.

Только на таком фоне, в общей перспективе увлечения Достоевского театром, в уверенности, что театральная техника оставила заметный след в образовании его литературной манеры—может показаться интересным изучение его драматических опытов: вне этих соображений они могли бы показаться „пробой пера“, случайным эпизодом в работе еще несложившегося миросозерцания, первым напряжением творческого усилия—в ряду тех первых литературных свершений,

¹⁾ О них см. *Ив. Щеглов. О народном театре*, М. 1895, стр. 133—141 (У меня под руками было первое издание этой книги).

²⁾ „Саратовский Листок“ 1895 № 87. Сюда же можно прибавить указание *Н. Н. Фонта* („К биографии Достоевского“ — „Ист. Вестн.“ 1901, XII) Летом 1866 г. на даче Достоевский в кругу молодежи устроил „нечто в роде открытого театра“, на котором „в пародии и постановке“ Достоевского шел „Гамлет“. Достоевский выступал в роли короля.

относительный интерес которых всегда ограничен заранее предвидимой близостью их к какому-нибудь любимому и предпочтенному образцу. Вопрос о таких образцах неизбежно поставить и в данном случае; важно, однако, что три первых драматических опыта Достоевского созданы были под знаком тех же литературных симпатий, которым он остался верен всю жизнь. Но эта непрерывающаяся линия интереса Достоевского к театру позволит нам сделать также несколько обобщений и сопоставлений с примерами из его позднейших произведений: эти же сопоставления, в свою очередь, готовы убедить нас в том, что от первых литературных замыслов Достоевского ясно различимые нити тянутся к проблемам „Преступления и наказания“ и „Братьев Карамазовых“.

Первые литературные замыслы Достоевского стоят в теснейшей связи с книжными увлечениями его юности. Шекспир, Шиллер и Пушкин — вот три имени, давно им выделенных и предпочтенных. Он ценит в эту пору преимущественно Шиллера-драматурга. Читая вместе с Шидловским немецкого поэта, Достоевский „поверял над ним и благородного пламенного дона Карлоса, и маркиза Позу и Мортимера“¹⁾. Здесь интересно подчеркнуть не случайное обращение Шиллера к драматической форме. Оно было неизбежно для страстно напряженной, возвышенной и действенной фантазии поэта и потому его драмы были набросками, изображающими его самого или его противоположность, самопризнаниями в драматической форме. Справедливо указано, что „драматическая форма есть метод самоизображения. Шиллер не может обойтись без нее, так как его сильной натуре непременно нужно было высказаться самым живым, самым деятельным образом и, так сказать, удвоиться в своем самоизображении“²⁾. Естественно подобные импульсы предположить и в самом Достоевском, напитанном и возбужденном Шиллером и романтическими мечтаниями Шидловского. В частности, это влияние — один из крупнейших факторов, определивших все уклоны юношеского романтизма Достоевского, надолго оставшийся у него в памяти³⁾. От него же он мог получить интерес к драматической форме. Описывая весну 1839 года, Достоевский пишет про Шидловского: „Наступила весна; она оживила его. Воображение его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой. Ты бы переменял мнение о них, ежели бы прочел переделанную „Марию Симонову“. Он пере-

¹⁾ «Письма», стр. 16.

²⁾ К. Фишер. Публичные лекции о Шиллере, М. 1890, стр. 24.

³⁾ Изложению этого эпизода его биографии посвящена моя статья: «Ранний друг Достоевского», подготовляемая к печати.

делывал ее всю зиму, старую же ее форму сам называл уродливою¹⁾. Характерно, что Мих. Мих. Достоевский в эту же пору также замыслил ряд драматических произведений. Ф. М. пишет брату: „Говоришь, что у тебя есть мысль о драме... Радуюсь... Пиши ее...“. В обращении к драме романтизм Шидловского играл не последнюю роль. Лирика и драма—преобладающие формы романтизма. „Презренная проза“ на образном языке французских романтиков — „природный язык лавочников“: исключение делается только для исторического романа

Любопытно еще подчеркнуть, что в литературных памятниках, с которыми знакомился Достоевский, его привлекали прежде всего характеры. Характер, однако, не раз оценивается им с точки зрения личных самопризнаний; в поисках такого цельного характера, соответствующего сложному единству собственной его личности, он имеет право одинаково восхищаться и Бальзаком, и Гофманом, и Корнелем: это не партийная оценка литературной школы и литературного мастерства и не специально литературное, но скорее чисто идейное увлечение, в работе над собственной личностью, собственным мирозерцанием. Но характерно, что его особенную симпатию получают характеры драматические, в себе самих таящие законы своих действий. Он пишет брату: „Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной“... „Если ты читал Гофмана, то наверно помнишь характер Альбана“... Восторженно отзываясь об „Орасе“ Корнеля, он находит, что „разве у Гомера найдешь такие характеры“. Это последнее признание во всяком случае достойно любопытства. „Говоря о форме, пишет Достоевский брату М. М., с чего ты взял сказать: нам не могут нравиться ни Расин, ни Корнель (?!?!), оттого что у них форма дурна. Жалкий ты человек!“ И он упрекает брата в легкомыслии, упоминая „Ифигению“ и „Федру“. „A Phèdre? Брат! ты Бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это Шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора“. Те же упреки за хуление Корнеля. „Ты не читал его и оттого так промахнулся. Да знаешь-ли, что он по гигантским характерам, духу романтизма, почти Шекспир“. „Читал-ли ты „Le Cid“. Прочти, жалкий человек, прочти и пади в прах перед Корнелем. Ты оскорбил его! Прочти, прочти его! Чего же требует романтизм, ежели высшие идеи его не развиты в „Cid'e“. Каков характер! Don Rodrigue'a, молодого сына его и его любовницы! А каков конец.“ В своем интересе к классической форме Достоевский не был един-

¹⁾ „Письма“, 15. В дальнейшем, цитаты из писем привожу из указанного издания без ссылки на страницы.

ственным из романтиков¹⁾, но отзыв его знаменателен в высшей степени. Классическая поэтика, как известно, в драме выдвинула личность героя: исключительное значение было придано личному началу. Развитие драматического действия было обусловлено характерами действующих лиц. Формы и условия сцены привели классическую трагедию к форме поэмы в диалогах. Романтики старались выдвинуть интерес действия внешнего, сложных и чрезвычайных событий, исключительность обстоятельств. Точки соприкосновения классической и романтической драмы — в характерах, в интересе изображения личности. Достоевский не знал еще манифестов романтической драматургии²⁾, но отзыв его о Корнеле и Расине ставит нас в самый центр его личной драматической поэтики. Брату он пишет: „Напиши мне главную мысль твоей драмы. Я уверен, что она прелестна, хотя для обдумывания драматических характеров мало десяти лет. Так, по крайней мере, я думаю“. Это свидетельство лишний раз подтверждает, что центр драмы лежал для него не в сложности внешнего действия, но именно в характере героя. Из последующего письма мы узнаем, наконец, сюжет драмы Михаила Михайловича: „Сюжет твоей драмы прелестен, видна верная мысль, а особенно то нравится мне, что твой герой, как Фауст, ища беспредельного, необъятного, делается сумасшедшим именно тогда, когда он нашел это беспредельное и необъятное — когда он любим. Это прекрасно. Я рад, что тебя чему нибудь научил Шекспир“. Если оставить в стороне те ясно различимые нити, которые тянутся от этого сюжета к Гофману и Полевому („Блаженство безумия“), т. е. типическое для романтизма презрение к здравому житейскому смыслу, которое Достоевский пережил сам³⁾, то мы увидим в произведении его брата ту же „drame de caractère“, с центральным лицом обобщенного типа, симпатия к которым Достоевского выяснилась из предыдущих сопоставлений. Таким образом, формальными симпа-

¹⁾ Французские романтики XIX века признавали в Корнеле своего отдаленного предшественника: *Ф. Ватюшков*. Корнелев „Сид“, „Ж. М. Нар. Просв.“ 1895, VIII, 363) Установление этого преемства базируется, однако, на совершенно иных основаниях, чем в лекциях Дешанеля („Le romantisme des classiques“, P. 1863, 73 et sv.) или в известной книге Стендаля („Racine et Shakespeare“, 1823). Причина этого векового спора — в терминологических неясностях, либо в партийно-литературном гиперболизме. В России Пушкин приветствует Катенина, переведшего „Сиду“, говоря, что старый Корнель „один остался представителем романтической трагедии, которую он так славно вывел на французскую сцену“. Интересно уважение Дельвига к Расину, показательное для скрытой и глухой оппозиции романтизму со стороны „Литературной Газеты“.

²⁾ В 1838 г. Достоевский еще не читал „Кромвеля“ и „Эрнани“ („Письма“, 9) но, уже недоволен Низаром, который „ничтожно выставляет его драмы и романы“ (Ibid, 11).

³⁾ Характерное признание в письме брату от 9-го авг. 1838 г.: „У меня есть проект: сделаться сумасшедшим. Пусть люди бесятся, пусть лечат, пусть делают умным“.

тиями к драме Достоевский был обязан Шидловскому и своему брату¹⁾, опередившим и увлекшим его в опытах сочинения в драматическом роде, а также всей той системе романтических чувствований, какая была им воспринята из бесед и чтений. Естественно, что он обратился к самостоятельному творчеству, и что его первые произведения были драматическими.

Накануне отъезда Мих. Мих. из Петербурга, 16 февраля 1841 г., на его маленькой квартирке состоялась интимная литературная вечеринка. На этом вечере был и Федор Михайлович и читал отрывки из своих драматических опытов—„Марии Стюарт“ и „Бориса Годунова“. Наброски Достоевского исчезли бесследно, но не может быть сомнения, что они привели бы нас к Шиллеру и Пушкину. По свидетельству Ризенкампа, „Марией Стюарт“ Достоевский „продолжал ревностно заниматься и в 1842 году, чему способствовало сильное впечатление, произведенное на него немецкою трагическою актрисой Лилли Леве. Достоевский хотел обработать эту трагическую тему по своему, для чего тщательно принялся за приготовленное историческое чтение“²⁾.

Самая идея обработать по своему два значительных трагических замысла кажется характерной для романтизма Достоевского. Необъятность замысла, несоразмерного с еще слабыми авторскими силами, типична для юных романтиков. Момент состязательства с признанными образцами также играет не последнюю роль: он предполагает уверенность в успехе, гордое самопризнание. Недаром Стендаль в юности писал: „я могу написать прелестное произведение под заглавием „Дон Карлос“, в трех актах... Правда, с тех пор как я умею писать, мне кажется, что все сюжеты были бы хороши в моих руках“³⁾. Та же романтическая самоуверенность, надменное и гордое признание своего творческого дара звучат у Достоевского в эпоху создания „Бедных Людей“, как неизбежное следствие романтического миросозерцания, и не покидают его уже всю жизнь.

Но обращение Достоевского к этим двум сюжетам было едва-ли произвольно и случайно. „Марию Стюарт“ Шиллера и „Бориса Годунова“ Пушкина сближает некоторое единство драматической коллизии: здесь и там—проблема власти, разрешенная на широком историческом фоне. Центральные лица этих замыслов—властители: Годунов, убивший

¹⁾ Некоторые из драматич. произведений М. М. перепечатаны в «Собрании Сочинений Мих. Мих. Достоевского» тт. I—II, Петрогр. 1915.

²⁾ «Биография», 41.

³⁾ Л. Мэгрон. Романтизм и нравы, русск. перев., стр. 90.

Дмитрия, и Елисавета, казнящая Марию Стюарт. Это сходство внешнее и не распространяется далее, но важно, что оно существует. Замечательно, что обоими своими поэтическими пересозданиями Достоевский занимается одновременно, а на прощальном вечере перед отъездом брата читает отрывки из них обоих. То историческое чтение, за которое принялся Достоевский, было вызвано естественным стремлением вникнуть в исторический образ. Известно, что Мария Стюарт Шиллеровой драмы не такова, какою она живет в исторических летописях¹⁾. Для романтика было заманчиво и привлекательно погружение в историческое прошлое, в драматические моменты английской и русской истории XVI—XVII веков. Царствование Годунова в России, Елисаветы в Англии были излюбленными эпохами романтизма. История Марии Стюарт, в частности, давно уже служила предметом поэтического воспроизведения в романе и драме²⁾.

Если мысль о самостоятельной переработке сюжета о Марии Стюарт возникла все-таки в атмосфере Шиллеровского культа, то „Борис Годунов“ обязан культу Пушкина: с ранних лет Достоевский привык благоговейно чтить его память. Но здесь свое влияние могли оказать и общие критические суждения этой эпохи. Как известно, „Борис Годунов“, это любимое произведение поэта, было плохо понято критикой. В 1833 г. Полевой находил драму неудачной, а причину этой неудачи видел в безусловной зависимости Пушкина от Карамзина. „Борис Годунов“, через 12 лет писал Белинский, может быть, больше, чем какое либо другое лицо русской истории, годилось бы если не для драмы, то хоть для поэмы в драматической форме. Для этого поэту необходимо было бы самостоятельно проникнуть в тайну личности Годунова и поэтическим инстинктом разгадать тайну его исторического значения, не увлекаясь никаким авторитетом, никакими

¹⁾ P. Muller. La Tragédie de Marie Stuart dans l'idée de Schiller et dans l'histoire, Genève 1880.

²⁾ Почти современная Шиллеру драматическая обработка сюжета принадлежит Альфиери. Драматическую обработку сюжета находим и в числе ранних произведений Словацкого. Для истории сюжета см. Marquigny «Marie Stuart dans l'histoire, dans le drame et le roman»—«Études religieuses... par les Pères de la congrégation de Jésus» 1864 №№ 21, 22. В более поздней работе P. Fockens'a «Maria Stuart, eine Literarhistorische Studie» Лpz. 1887, рассмотрены обработки этого сюжета у Шиллера, Vondel'я, Бьернсона (1864), в драматической трилогии Свинберна (1865—1891). В России—самостоятельной обработкой сюжета занимался Н. В. Кукольник (Романтич. поэма «Давид Рипццо». Отрывок «Прогулка Марии Стюарт в С.-Жерменском парке».—«Новогодник» СПб 1839, 43—56). Из Робертсона А. Бестужев переводит статью: «Характер Марии Стюарт и Елисаветы», «Соревнователь»... 1824, № 5, 222-229. Русские переводы Шиллеровой драмы группируются, главным образом, около 30-х годов. Указания см. Шиллер, под ред. С. А. Венгера, изд. Брокг. Ефрон. Более важно, что в «Аббате» В. Скотта дан привлекательный по своему благородству образ Марии Стюарт. Этот роман Достоевский мог знать благодаря тому напряженному интересу, который он обнаруживал к В. Скотту в эту пору.

влияниями. Но Пушкин во всем рабски последовал Карамзину¹. Авторитетное мнение Белинского было лишь точным отображением господствующего мнения¹). В его словах была большая приманка для всякого писателя, и характерно, что Пушкинский «Борис» вызвал немало переработок, самостоятельных пересозданий. В списке состязавшихся в «самостоятельном проникновении в тайну личности Годунова» мы найдем Булгарина, Лобанова, Станкевича, Хомякова, Погодина, Чаева, Островского, А. Толстого; характерно, что центр этого драматического эпизода в литературном изображении перемещался на самозванца и даже на Шуйского (Станкевич), но первенствующей идеей всякой обработки оставалась идея самозванства, увенчанного, или добывающегося увенчания. Интересно отметить общность источников этих переработок. По словам Пушкина, источником для «Бориса Годунова» были «Шекспир, Карамзин и наши старые летописи». Новейшая критика внесла в список этих источников Расина и ряд исторических сочинений, но вплоть до трилогии А. Толстого источники, указанные Пушкиным, оставались главными для всех, бравшихся за этот сюжет. Любопытно, что и Карамзин, и Шекспир были в ряду первых книжных увлечений Достоевского²). «История» Карамзина (именно XI и XII томы) — одна из настольных книг его детства³). В числе Шекспировских источников Пушкинского «Бориса» давно уже отмечена хроника «Генрих IV», и замечательно, что в «Бесах» Достоевский благоговейно помянул Шекспира именно за эту хронику. Если к этим случайным сближениям прибавить возможность знакомства Достоевского с «Demetrius»-ом Шиллера, что вполне правдоподобно, если принять во внимание его замыслы издать всего Шиллера⁴), то мы получим приблизительную картину тех чтений Достоевского, которые могли вызвать его интерес к одновременной работе над «Борисом Годуновым» и «Марией Стюарт». Он давно уже выделил Пуш-

¹) Ошибочность этих приговоров вскрыта акад. И. Н. Ждановым: Сочинения, т. II, 106, след.

²) Интерес Достоевского к Шекспиру подчеркивает его школьный товарищ К. А. Трутовский. «Воспом. о Ф. М. Достоевском» — «Русск. Обзор.» 1893, I, 214—215.

³) «Биография», 24; «Письма», 4.

⁴) «Письма», стр. 29, 30, 36. В первое посмертное издание соч. Шиллера (1815) были включены отрывки «Demetrius»-а и связующее их изложение трагедии, сделанное Кернером. Это изложение перешло и в популярные издания Шиллера. Но уже в 1817 г. была сделана попытка окончить трагедию, оставшаяся не единственной. (См. А. Лютер. «Лебединая песнь Шиллера» — «Под знаменем науки» М. 1902, 350) Русский перевод был сделан впервые Меем (1860), но в «Москвитяине» 1841, № 1, 67 помещена одна сцена в переводе К. Павловой. Возможность знакомства Пушкина с трагедией Шиллера предполагал А. Д. Галахов. Хрестоматия т. II (изд 1896 г.), 605—606, сопоставление двух трагедий сделано было, однако, уже Н. Полевым: Очерки русской литературы, СПб., 1859, 210. Ср. В. Чернышев. Трагедия Шиллера из русской истории — «Ж. М. Нар. Просв.» 1898, VII, 49.

кина и Шиллера в избранном пантеоне любимых авторов¹⁾, и его привлекла мысль поэтического состязания с ними.

В центре мирозерцания Достоевского 30-х—40-х годов, романтического по существу, стоит проблема личности и проблема призвания, — отсюда и его интерес к самозванчеству. Недаром новейшая критика в Пушкинских созданиях и в том же „Борисе Годунове“ видела его великие догадки и прорицания. Ставрогин, Раскольников развивают Алеко, Самозванца. Ясно различимые нити тянутся от монолога самозванца к основной проблеме „Преступления и Наказания“: Отрепьев, видящий сон, Раскольников, которого после убийства старухи схватывает тот же „стыд неудачного посягательства, смехотворного самовозвеличения“²⁾, — незванные честолюбцы, сами себя казнящие своим бесправием. Давно уже подчеркнуто сходство общего абриса Пушкинского Бориса и Раскольникова, разрешающих общую для них проблему „возможности произвольного насилия над единицами, хотя бы для блага массы“³⁾. Таким образом, приблизительно можно наметить ряд нитей, которые тянутся от первых опытов Достоевского к проблемам его будущих созданий. Можно было бы продолжать сопоставления, чтобы вплотную подойти к основным вопросам философских исканий Достоевского; но в данном случае важны не эти сопоставления, а лишь их конечный вывод: два первых драматических опыта Достоевского тесно связаны с его последующей творческой работой; проблемы основных созданий Достоевского выросли и созрели на романтической закваске, значение которой еще не подчеркнуто с полной определенностью.

Два первых драматических опыта Достоевского, однако, оказались не единственными. В начале 1844 года Достоевский случайно упоминает про оконченную драму „Жид Янкель“. Прося у брата взаймы небольшую сумму для переписки „Евгении Гранде“, Достоевский пишет: «Клянусь Олимпом и моим жидом Янкелем (оконченной

¹⁾ Ср. письмо от 1-го января 1840 г.

²⁾ Интересные сопоставления у Дарского. Маленькие трагедии Пушкина. СПб., 1915, 15.

³⁾ Ф. Батюшков. Пушкин и Расин, стр. 30—31 (Сборн. „Памяти Пушкина“ СПб., 1900). В „Борисе Годунове“ Пушкина критик видит первообраз «Преступления и Наказания», строя историческую перспективу для героического характера Бориса в сопоставлении с Гетевским «Гецом», «Фиеско» Шиллера, «Сарданапалом» и «Марио Фальеро» Байрона. Интерес Достоевского к Пушкинскому «Борису» засвидетельствован в тех местах «Речи о Пушкине», где Достоевский говорит, что о характере Пимена можно написать целую книгу. Это увлечение могло сказываться и в эпоху работы Достоевского над своим «Борисом». Русский монастырь, который Д. «знал с детства», проповедь Шадловского и его проблема смиренного мудрия — вот побудительные причины этого увлечения. И как знать, не занимал ли и Пушкинский Пимен своего места в пересоздании Достоевским Пушкинского замысла?

драмой), и чем еще? разве усами, кои надеюсь еще когда нибудь вырастут, что половина того, что возьму за Евгению, будет твоя». Если видеть в этом свидетельстве не простую шутку (которая казалась бы уместной по контексту), не простую похвальбу,—то оно несомненное свидетельство о новом и на этот раз завершенном драматическом замысле. Но в этом убеждают меня еще и следующие соображения. Цитуемое письмо—без даты и отнесено издателями к 1844-му году. Из некоторых данных письма видно, что его можно датировать точнее: оно писано не позже конца января или начала февраля. Между тем, в письме от 3-го сентября 1844-го года к тому же Михаилу Михайловичу, обрисовав свое затруднительное материальное положение, Достоевский пишет: «Ты говоришь: спасение мое—драма. Да ведь постановка требует времени. Плата также. А у меня на носу отставка», и далее: «Драму поставлю непременно. Я этим жить буду». Слова эти могут быть отнесены только к этому оконченному драматическому произведению, так как первые два опыта остались не завершенными. В противном случае, следует предположить, что в промежуток между февралем и сентябрем, Достоевский окончил еще одну драму, о которой известий не сохранилось. Между тем, именно в этот период Достоевский был занят переводами из Жорж-Занд¹⁾, а главное, кончил роман «в объеме Eugénie Grandet» Известие о том, что он «уже переписывает» роман, находится как раз в том письме, где он говорит о постановке своей драмы. Если принять в соображение, что в это время Достоевский еще находился на службе, которая отнимала у него «лучшее время даром»²⁾, то станет ясно, что приведенные слова могут относиться только к «Жиду Янкелю».

Если первые два его драматических опыта достаточно определенно указали на Пушкина и Шиллера, то третий драматический замысел Достоевского приводит нас к Гоголю³⁾. «Жид Янкель»—это типичное лицо Гоголевской повести, встающее из толпы буйствующих запорожцев и льстивой речью умеряющее воинственный жар расшатавшегося Тараса Бульбы, мелькающее в картине сонного запорожского лагеря, перед стенами осажденной польской крепости, подающее Тарасу весть о передавшемся Андрее, наконец, провожающее Бульбу в Варшаву,—лицо это могло запомниться внимательному читателю Гоголевского повествования. Услужливый, покорный, льстивый,

¹⁾ Письмо, отнесенное к началу 1844 г., Ibid, 28.

²⁾ Ibid, 30.

³⁾ Оговорюсь, однако, что я не нашел никаких прямых подтверждений этому предположению. Имя «Янкель» было довольно распространено в литературе 20–30-х годов; его носит еще заглавие драмы Иффланда.

сребролюбец,—он не выставлен у Гоголя ни одной не-карикатурной чертой, ни одним искренним, участливым движением сердца. Но эта Гоголевская характеристика шаблонна, и традиционности изображения не придано ничего, обязанного изучению действительности. Сходный образ Пушкинского Соломона в «Скупом Рыцаре», сжатый до густоты Пушкинской характеристики, и противопоставленный образу «рыцарской скупости», наконец, Шекспировский Шейлок («Венецианский купец») — могли Достоевскому открыть некоторые соответствия в традиционности изображения еврейства. И характерно, что в позднейших произведениях Достоевский несколько не отступил от этой традиции¹⁾. Чем оправдан интерес Достоевского к этому Гоголевскому персонажу, если именно его он имел перед глазами в процессе работы над своей драмой — сказать трудно. Был ли основной образ его драмы написан на фоне европейского средневековья, романтически освещенной эпохи казацкой сечи, как у Пушкина и Гоголя, или на том фоне грязной обстановки столичных задворков и предместий, какой уже чудился ему в одновременной работе над «Бедными людьми»?

Для Достоевского 40-ые годы — эпоха медленного отказа от старой манеры, время наибольшего влияния Гоголя. Иные литературные формы чудятся ему; к концу 1844-го года уже почти созревает план первого романа. В начале 1845-го года Достоевский вновь пишет брату, которому он привык верить свои литературные замыслы: «Писать драмы, ну брат, — на это нужны годы трудов и спокойствия, по крайней мере, для меня. Писать ныне хорошо. Драма теперь ударила в мелодраму. Шекспир бледнеет в сумраке и сквозь туман слепондасов драматургов кажется Богом, как явление духа на Брокене или Гарце. Впрочем, летом я, может быть, буду писать. 2—3 года, и посмотрим, а теперь подождем. Брат, в отношении литературы я не тот, что был назад тому два года. Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли».

III.

Еще больше принесли Достоевскому годы каторги. Этот внешний предел делит творческую жизнь Достоевского как бы на две половины. Однако, перерыв в писательской работе, на долгие

¹⁾ Исая Фомич Бумштейн в «Записках из Мертвого дома», ювелир по профессии «разумеется, в то же время был и ростовщиком и снабжал под проценты и залоги всю каторгу деньгами»; Лямшин в «Бесах» — «жалкий трус, издевающийся над теми, перед кем подхалимствует и, наконец, ростовщик». Еврей, покупающий краденную ложку, есть и в «Преступлении и Наказании» (ч. V, гл. VI). Ср. энзвотические фигуры в «Подорожке», «Идиоте» и «Бр. Карамазовых». Подробнее: А. Горнфельд, Еврейск. Энциклоп., т. VII, 310—313.

годы оторвавший его от литературных знакомств, кружков, близости к журнальному делу—с внешней стороны кажется лишь поводом к той сосредоточенности, какая была ему необходима, чтобы в нем отстоялись бурные идеи его молодости. Всегда побуждаемый к работе, но неизменно строгий к своим созданиям, вечно мучающийся неизбежной и утомительной поспешностью своей производительности, Достоевский получил возможность уйти в себя. Казалось, нерасторжимая связь его с литературной деятельностью прервалась; страстному читателю открылась книга жизни: и он прочел ее трагические страницы. И все-таки кажется, что этот перерыв в работе отразился на нем лишь в смене его литературной манеры, в большей углубленности и значительности его мысли, а отстоявшиеся, сгущенные, пережитые идеи его юности остаются руководящими им и впредь. Здесь уже было подчеркнуто, что всем литературным предпочтениям своей молодости Достоевский остался верен всю свою жизнь. Не могла пройти бесследно и его любовь к драматической форме.

С возбужденной и радостной поспешностью Достоевский возвращался к литературной жизни: он спешил узнать Петербургские и Московские литературные новости, спешил читать, чтобы, как Пушкин в своем Кишиневском изгнании, впросвещении «стать с веком наравне». В замечательном письме к брату, в котором подведен итог всему тому, что было пережито, и высказаны планы на будущее, Достоевский пишет: «Теперь буду писать романы и драмы, да много еще, очень много надо читать»¹⁾. Это свидетельство не случайная обмолвка, но последовательное развитие тех же литературных замыслов, какие одушевляли его в юности. И мы знаем, что, возвращаясь к литературной жизни, Достоевский вновь избрал драматическую форму внешней оградой своей мысли. В письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 года, рассказывая о событиях своей жизни по выходе из каторги, Достоевский писал: «Я работал, но отложил мое главное произведение в сторону. Нужно более спокойствия духа. Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц, и так понравился мне мой новый герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор все писал отдельные приключения, написал довольно, теперь все сшиваю в

¹⁾ «Русск. Стар.» 1885, IX, 520.

целое» ¹⁾. Так, в эпоху, когда как-бы вторично начиналась его литературная деятельность—драматическая форма вновь привлекла его внимание.

Конечно, этот комический роман—«Село Степанчиково и его обитатели», в своей окончательной отделке появившийся в «Отечественных Записках» 1859 г. (т. 127, ноябрь и декабрь) ²⁾. Как ни мастерски с повествовательной стороны обработано это произведение, его первоначальная комедийная форма чувствуется сразу. Оживленный, веселый и характерный диалог безусловно господствует во всем произведении; связующие диалог фразы нередко напоминают авторские ремарки; особенно рельефно выступает наружу округление отдельных сцен завершительными эффектами действия, каковы, например, появление Фомы, Коровкина. Недаром и критика, почти прошедшая мимо этого произведения, нашла, что оно отмечено «натянутым мелодраматизмом» ³⁾. Наконец, несмотря на значительный объем произведения, все события его рассказа происходят в два дня. Верный своему писательскому навыку первоначально набрасывать отдельные сцены, а потом «сшивать их в одно целое», Достоевский и здесь воспользовался этим приемом, но трудности этой заключительной работы могли быть облегчены тем, что для всей композиции его пьесы был готов комедийный образец, о котором он не мог не знать.

В центре этого комического романа стоит Фома Фомич, хитрый и ловкий плут, лицемер, завладевший путем своего показного благочестия и смиренности всем домом помещика Ростанева и всем селом Степанчиковым. Ему противопоставлен владелец села, хозяин дома,

¹⁾ «Письма...», 86.

²⁾ В Семипалатинске Достоевским были написаны «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон». (А. В. Скандин. Достоевский в Семипалатинске—«Истор. Вестн.» 1903, I, 224) Предположение Ор. Миллера («Биография, письма...», 155), относящего работу над «Селом Степанчиковым» лишь к 1858 г., ошибочно. Слова Достоевского в письме к Майкову относятся, повидимому, к «Степанчикову». Сценическая пригодность этого произведения была замечена давно. В «Музее памяти Ф. М. Достоевского» сохраняются две рукописных переделки «Села Степанчикова». 1) «Фома» в 3-х д. Н. Алексеева, 1887 г. (№ 3908) и 2) «Обитатели села Катюшина» в 4-х д. А. М. Свечина, 1895 г. (№ 3913). Когда настоящая статья уже была набрана, несколько спорных, но интересных замечаний о «Селе Степанчикове» я нашел в книге Юрия Тынянова «Достоевский и Гоголь». Изд. «Опояз», Петерб. 1921, стр. 27-48. Утверждение, что Фома Опискин—пародия на Гоголя эпохи «Переписки с друзьями»—давно живет в устной легенде. Вопрос, однако, еще не решен окончательно. Статья Тынянова дает ряд интересных наблюдений и сопоставлений, которые все же подлежат пересмотру. Справедливо, однако, что Фома «не только плут, но только Тартюф, ханжа, притворщик, но это человек непрактический, это тоже в своем роде поэт», по выражению Мизинчикова» (стр. 32). Оговорюсь, что я не имею в виду показать полное тождество «Тартюфа» и «Села Степанчикова», особенно в характерах героев, но имею в виду, главным образом, подчеркнуть тождество композиционной схемы, а также ее сценичность.

³⁾ «Отч. Зап.» 1863, т. 116, февраль, 70.

Ростанев — искренний, слабый, добряк в душе и на деле, легковёрный, способный стать жертвою первого проходимца, неуравновешенный в своих решениях и в своих предрассудках. Его мать, старая генеральша, упрямая и капризная старуха — во всем на стороне Фомы. Племянник его, пылкий и дерзкий юноша, вызывающе держит себя по отношению к Фоме, но недостаточно уравновешен, чтобы способствовать его изгнанию. Наконец, Настенька, до последней минуты остающаяся как бы в тени — незримо вплетена в искусную интригу. Вокруг этих главных лиц группируется несколько второстепенных. Фома Фомич — центральное лицо романа. Этому типу можно было бы подыскать множество соответствий в смежных литературных областях: «тип ловкого и искусного притворщика, вполне владеющего мастерством действовать на слабые стороны людей и под смиренной личиной твердо идти к намеченной цели — этот тип входит в круг древнейших и неизменных типов во всемирной литературе»¹⁾. Но центральный герой романа Достоевского ведет нас прямо к Мольеровскому «Тартюфу», минуя некоторые промежуточные литературные звенья²⁾: за это ручается не только сходство этих двух типических характеров, которое само по себе не служит еще доказательством наличия влияния, но и вся композиция мольеровской комедии. Композиция «Тартюфа» построена на нескольких лицах: две морали противопоставлены одна другой; хитрости, ловкости и неуклонному стремлению к цели, прикрытому личиной внешнего благочестия Тартюфа, противопоставлено непостоянство, нерешительность, искренность и слабость Оргона (у Достоевского Ростанева). Клеант представляет собой «несокрушимую грань, проведенную через всю пьесу, чтобы сделать ложь от истины». Рядом с ними стоят образы Марианы и Валера, упрямой старухи г-жи Пернель, матери Оргона (у Достоевского — старая генеральша), Дамиса, юноши, стремящегося к добру и справедливости, наконец, Эльмиры, жены Оргона. Динамике «Тартюфа» Достоевский следует почти буквально. Фома, подобно «Тартюфу», завладевает домом Ростанева — Оргона. В глубине сцены остается несколько лиц, которые подготавливают его падение: Дамис и Эльмира, роли которых принимают на себя племянник и Настенька; Бахчеев принимает на себя роль Клеанта — подготавливая племянника к действиям и появляясь в доме Ростанева-Оргона в решительную минуту. Еще поодаль стоят несколько слуг,

¹⁾ Алексей Веселовский. Тартюф. История типа и пьесы, М. 1879, 55.

²⁾ Я здесь имею в виду, главным образом, помимо общепозвестной комедии К. Гюкова, те видоизменения, какие в тип Тартюфа внесены были Стендалем, Бальзаком и др. См. *Gustave Kahn. De Tartuffe a ces messieurs* — «Revue Blanche» 1902, I.

как и у Мольера принимающих участие в ходе дела. Достоевский, как и Мольер, начинает с момента наивысшей власти и влияния Фомы-Тартюфа. До переработки в роман комедия Достоевского, конечно начиналась с приезда племянника в Степанчиково: до этого момента ведется повествование, и только с 3-ей главы начинается действие, так как именно здесь завязывается тот оживленный и полный комедийной силы диалог, который так характерен для всего произведения. Только в 12-й главе, где напряжение действия (высшая точка в композиции комедии) достигает высшего предела¹⁾, он обрывается для того, чтобы уступить место краткому послесловию о дальнейших и заключительных событиях рассказа.

Характер Тартюфа, как было замечено уже старой эстетической критикой, всецело господствует над всем действием даже тогда, когда он еще не появлялся на сцене. «Два первых акта проходят без него, но вы чувствуете его губительное присутствие в этом затишии: о нем все говорят, превознося или порицая этого диктатора, и вы ждете, что сейчас отворится дверь и послышится его смиренно-лукавая речь. Но его нет, и это отсутствие уже показывает великую проницательность автора; лукавя и издеваясь в течение всех 5-ти актов, Тартюф стал бы невыносим и по своему вопиющему нравственному безобразию и по медлительной растянутости его бичевания. Но хотя он еще не показывался перед зрителем, его характер, внешность, привычки уже хорошо известны из разговоров остальных действующих лиц, которые вскользь набрасывают нам предшествующий период знакомства Оргона с Тартюфом, вступление его в дом и постепенный захват власти. В этом отношении первый акт Мольеровой комедии давно уже считается образцовой экспозицией сюжета»²⁾. Достоевский вполне следует примеру Мольера: медленно он подготавливает читателя к встрече с Фомой, вполне познакомив с его биографией, и как бы медлит, непрерывно подготавливая встречу. Герой повести спешит в Степанчиково, чтобы поскорей повидать этого злодея или чудака; по дороге он встречается с Бахчевым, крестьянами: имя Фомы у всех на устах. Но, приехав в Степанчиково, горя нетерпением повидать Фому, он добивается этого не сразу: Фома молится. Все вокруг говорят о нем, и вы чувствуете его приближение. Достоевский верно оценил этот Мольеровский прием. Напряженности интереса к развитию действия, подобно Мольеру, Достоевский сознательно противопоставил медленные и долгие диалоги Фомы, уверенного в своей силе, спокой-

¹⁾ Это отчетливо подчеркнуто самим Достоевским. См. письмо от 29-го окт. 1859 г.

²⁾ *Веселовский*, *оп.* с. 189.

ствие и размеренность его поступков и движений. Они именно и создают то впечатление предгрозового затишья, которое заставляет напряженно ждать внезапной развязки. Достоевский отчетливо подчеркивает этот момент высшего напряжения немаловажной в общей композиции деталью, чисто сценическим эффектом. В момент решительной ссоры Ростанева с Фомой разражается гроза, во время которой Фома, в припадке смирения, решает покинуть Степанчиково, побуждаемый к этому гневом и криком Ростанева. Казалось, что именно здесь Достоевский кончит повествование... Мольеров „Тартюф“ кончается полным изгнанием Тартюфа и решительным, хотя и внезапным, торжеством правосудия. Но, вероятно, в плане комедии Достоевского, за сценой высшего трагического напряжения, разряженной комическим появлением Коровкина, следовала сцена торжественного возвращения Фомы: это возвращение было обусловлено общей концепцией типа. Ростанев, как есть, без шапки, верхом отправляется в погоню за беглецом, об'ятый порывом великодушия, готовый вновь принять на себя всю вину, и мало тревожась о тех последствиях, которые влечет за собой возвращение Фомы. Но Фома сам идет обратно, уже актом своего возвращения признав себя побежденным. Здесь кончается драма. Занавес опущен, и Достоевский быстро и решительно стремится распутать все нити интриги в повествовании, уже мало напоминающем сценическую игру. Мольеровский «Тартюф» в его теперешнем виде, как известно, кончается арестом Тартюфа в ту минуту, когда он грозит отнять у Оргона его дом и состояние, в минуту восхищения перед смиренностью лицемера. (У Достоевского сходные моменты: пожалование Фоме значительной суммы, которая составляет все богатство Ростанева).

Но характерно, что осторожный, уже предчувствующий будущие нападки на пьесу Мольер, набрасывает первоначально только три акта комедии, которые должны закончить пьесу. Два последних акта, полные вынужденных моралистических сентенций, дописаны были после. Пьесу кончал ловкий изворот Тартюфа, в ответ на обвинения прибегающего к публичному покаянию, оставляя в зрителе тяжелое предчувствие последствий неограниченного господства ханжи в доме Оргона. Нужно думать, что эта эффектная сцена, заимствованная Мольером из „Иппокритов“ Скаррона, которую воспроизвел и Достоевский, была последней сценой „Тартюфа“. ¹⁾ Это несколько не портило-бы сценичности комедии. Нужно думать, что это принимал во внимание и Сумароков, говоривший о сцениче-

¹⁾ Веселовский, *op. cit.*, 116, 117.

ской пригодности трех-актного „Тартюфа“¹⁾. Этот факт был широко известен, между прочим, и в России, и Достоевский мог его знать²⁾. Со стороны Достоевского, во всяком случае, не было художественной ошибкой оставить комедию без катастрофической развязки (наказание Фомы), только смягчив картину безраздельного владычества Фомы и всего неустройства в доме картиной семейного счастья, которому даже присутствие Фомы не может помешать. Он мог самостоятельно сделать этот шаг художника, даже если не знал первоначальной редакции „Тартюфа“. Характерно, однако, что этого не поняли его критики. Брату он пишет, что Катков и Леонтьев „от начала... просто были в восторге, но что конец, по их мнению, слаб и что вообще роман требует сокращений“³⁾.

В истории драматических замыслов Достоевского этот его опыт останется наиболее интересным; характерно, однако, что его первоначальная форма была изменена. На это имелись свои причины. Достоевский определенно высказал их в письме к Майкову: ему так понравился его новый герой, что он бросил форму комедии „собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями этого героя и самому хохотать над ним“. Это произведение было начато „шутя“, как побочное, („главное отложено в сторону“); оно должно было служить некоторым исходом творческой силы и некоторым отвлечением посреди тяжкого горя и душевных томлений⁴⁾, но вскоре оно превратилось в создание, над которым Достоевский работал упорно и долго, и которому сам знал цену. Это авторское признание Достоевского крайне характерно для писателя, стремящегося как можно пристальнее и детальнее анализировать каждое лицо и каждый характер. Эта его способность удивляла уже его ранних друзей⁵⁾. Не в этом ли и причина оставления им поприща драматурга — в стремлении как можно дольше, в более крупных пространственных и временных пределах — вглядываться в каждое лицо или группу лиц, употребляя те

¹⁾ Этот отзыв приведен у *Веселовского*. *op cit*, 181 и примеч.

²⁾ В „Чтениях о словесности“ Ив. Лавыдова, курс четвертый, М. 1838, стр. 192, конечно, хорошо известного Достоевскому (Лавыдов, между прочим, был преподавателем словесности в пансионе Чермака), говорится по этому поводу следующее: „Тартюф поразительная картина ханжи и пустосвята; это превосходная, возвышенная сатира, и кроме некоторых сцен, почти не комедия. Развязку многие порицают, потому что она производится посторонним средством. Но она и потому еще не хороша, что слепая доверчивость Оргона не заслуживает наказания — опасения быть удаленным от двора, изгнанным из собственного дома, посаженным в темницу“.

³⁾ См. в „письмах“ стр. 130, 129, 131—132.

⁴⁾ См. все письмо. *Ibid*, 86.

⁵⁾ *С. Д. Яновский*. (Воспоминания о Достоевском „Русск. Вестн.“ 1895. IV, 799, 806), для 40-х годов отмечал „его неудержимую страсть к анализу, в самую душу заглявавшемуся“, „любимый предмет его изучения был — душа человека“.

сопоставления, какие желательны, вне назойливой заботливости об оптическом единстве сценического действия? Но таково и основное требование реалистической поэтики: характерно, что с такой точки зрения был осужден и Мольеров «Тартюф»; французский критик реалистической поры замечает по поводу Мольеровой комедии, что она страдает общими недостатками классической драмы; с ее законами единства, она не позволяет шаг за шагом следить за развитием действия или страсти ¹⁾. Эта оценка типична; в эпоху величайшего влияния гигантских построений Бальзака, аналитических исканий, первых опытов натуралистического повествования, даже правдивая жизненность Мольеровских изображений могла показаться сценическим воплощением абстрагированных портретов Лабрюйера. Роман был долгое время единственной формой реализма. Реализм обращается к театру только с большим запозданием, потому что основные требования драматического единства как бы исключают детальный и мелочный анализ — суть реалистического романа. И характерно, что одна из первых попыток в этом направлении принадлежит Бальзаку, который в последние годы своей жизни попробовал перенести на сцену те же характеры и ту же картину нравов, которые он с таким могуществом изобразил в своих романах. Его попытка была неудачна: «Quinola», «Pamela Giraud», «La Marâtre» были приняты частью холодно, частью враждебно. «Mercadet» увидела сцену только после его смерти, и то после больших переделок. Бальзак не был создан для театра, и если он открыл новую форму комедии, то не как драматург, а как романист ²⁾. Ему нужны были пространство и время. В общей схеме романа, который позволял ему какие угодно сопоставления, он не умел выбрать такое, которое лучше всего приспособилось бы к оптическому единству сценического действия.

Пример Бальзака типичен. В истории реалистического романа цикл созданий Достоевского занимает совсем своеобразное место и потому, что при всех превосходствах своего реалистического стиля — их общая композиция, группировка лиц, восходящая линия действия слишком напоминают сцену, чтобы не быть от нее зависимой. По наблюдению Вяч. Иванова роман Достоевского отличается от трагедии лишь тем, что „вместо немногих простых линий одного действия мы имеем перед собою как бы трагедию потенцированную, внутренне-осложненную и умноженную в пределах одного действия: как будто мы смотрим на трагедию в лупу и видим в ее молекулярном строении

¹⁾ P. Janet. La philosophie de Molière. «Revue des D. Mondes» 1881, 15 Mars, p. 336.

²⁾ Q. Pellissien. Le mouvement littéraire au XIX s. Paris 1889 p. 356 — 357.

отражение и повторение того же трагического принципа, какому подчинен весь организм". Грузная и громоздкая форма реалистического романа под пером Достоевского приобретает строгую архитектурно-созмерность; в „необычайно, казалось бы, даже чрезмерно развитом и мелочно обстоятельном прагматизме Достоевского нельзя устранить ни одной малейшей частности: в такой мере все частности подчинены, прежде всего, малому единству отдельных перипетий рассказа, а эти перипетии, в свою очередь, группируясь как бы в акты драмы, являются железными звеньями логической цепи, на которой висит, как некое планетное тело, основное событие, цель всего рассказа, со всеми его многообразными последствиями, со всею его монументальной и тяжеловесной содержательностью“¹⁾. Но этому искусству Достоевский научился в театре и на драматических образцах, а его драматические опыты, с которых он начал свою литературную деятельность, были той его первой творческой задачей, разрешение которой во многом обусловило и последующую его литературную деятельность.

¹⁾ „Русск. Мысль“. 1911, V, 54—55.

Ф.М.Достоевский в редакции „Гражданина“

(По неизданным материалам).

Несколько новых документальных данных о Достоевском, его собственноручные письма, объяснительные записки, официальные отношения, свидетельства и справки, извлеченные нами из запретных до последнего времени архивов Главного Управления по Делах Печати и С. Петербургского Цензурного Комитета ¹⁾, относятся к одному из наименее освещенных в историографии моментов деятельности великого писателя—его творческой и редакционной работе в еженедельном издании кн. В. П. Мецержского „Гражданин“.

Вдохновеннейшие страницы здесь начатого „Дневника Писателя“ вместе с оживленной хроникой европейской политической жизни за 1873 год определяют значение этого издания, как общепризнанной трибуны Достоевского-публициста и, при крайней скудости достоверных свидетельств о Федоре Михайловиче в эту пору, оправдывают интерес к фактической стороне истории „Гражданина“ под его руководством.

¹⁾ Архив цензуры и печати (I Петерб. отд. IV сек. Гос. Арх. Фонда: Дело канцелярии Главного Управления по делам печати „по изданию газеты „Гражданин“, 1871 г., № 95, ч. I, л. 64-67, 69-70, 73, 87-88, 96, 103, 112, 123; Дело Спб. Цензурного Комитета по изданию Г. Градовским журналу „Гражданин“, 1871 г., № 74, л. 29-30, 35-37, 78-79.

I.

Утверждение Ф. М. Достоевского ответственным редактором «Гражданина».

Несколько строк «вступления», которыми начал Достоевский свой «Дневник Писателя» в первом номере «Гражданина» за 1873 год, являясь единственным доселе известным автобиографическим показанием великого писателя об обстоятельствах, связанных с его появлением в «политическом и литературном» журнале кн. В. П. Мещерского. Пресловутый лозунг последнего о необходимости поставить к либеральным реформам «точку», определив очень скоро физиономию нового органа и отношение к нему прочей прессы, обусловил, как известно, в конце первого же года издания разрыв фактического его вдохновителя с приглашенным в журнал в качестве ответственного редактора молодым публицистом Г. К. Градовским. «Осенью 1872 года — вспоминал впоследствии Градовский — я предложил кн. Мещерскому или передать мне вполне право на «Гражданин», или освободить меня от выполнения заключенного нами на два года контракта. Переговоры по этому поводу длились до конца года, когда Ф. М. Достоевский согласился занять мое место. Какие причины побудили Достоевского принять на себя ту роль, от которой я отказывался, — мне неизвестно. Он не заговаривал об этом, а я не считал уместным навязывать ему те впечатления и выводы, которые вынесены были мною из сношений с кн. Мещерским»¹⁾).

«Положение было критическое — рассказывал об этом моменте в истории «Гражданина» его издатель и вдохновитель — и в эту-то трудную минуту, в одну из сред, когда за чашкою чая мы говорили об этом вопросе, никогда не забуду, с каким добродушным и в то же время вдохновенным лицом Ф. М. Достоевский обратился ко мне и говорит мне: хотите, я пойду в редакторы? В первый миг мы подумали, что он шутит, но затем явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевский решился на это из сочувствия к цели издания... Но этого мало, решимость Достоевского имела свою духовную красоту. Достоевский был, не взирая на то, что он был Достоевский, — беден; он знал, что мои личные и издательские средства ограничены, и потому сказал мне, что он желает для себя только самого нужного гонорара, как средств к жизни, сам назначил 3.000

¹⁾ «Публицист-Гражданин», Лит. сборн., посвящ. памяти Г. К. Градовского. Петроград. 1916, стр. 7.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

I.

Вступленіе.

Двадцатаго декабря я узналъ что уже все рѣшено, что и редакторъ „Гражданина“. Это чрезвычайное событие, т. е., чрезвычайное для меня (и никого не хочу обижать),—произошло однако довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“ о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и повидимому весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрено и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ переплетеній. Сравнѣвъ громадность китайскаго события съ моимъ назначеніемъ въ редакторы,—я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установившимся, не смотря на то, что мнѣ такъ легко утвердился и подумалъ, что намъ, т. е., мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было бы несомнѣнно выгодно, чѣмъ здѣсь, издавать „Гражданина“. Тамъ все такъ ясно... Мы оба предстали бы въ назначенный день въ тамошнее главное управленіе по дѣламъ печати. Ступившиша ногами въ полъ и подививъ пользѣ лаякомъ, мы бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, потнѣтельно склонили головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно сдѣлалъ бы видъ что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ вальсѣвшихъ мухъ. Но всталъ бы третій помощникъ, третій его секретари и держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ бы намъ внушительнымъ, но-ласковымъ голосомъ опредѣленное перемолвѣніе наставленіе. Оно было бы такъ ясно и такъ ново, что обоимъ намъ было бы немнѣнно пріятно слушать. На случай, еслибы въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редакторству и сознавая слабость моихъ способностей, опугнулъ бы въ себѣ страхъ и угрозына съ собою,—мы бы тотчасъ же было доказало что я одною глупою питая такия чувства. Что именно съ этого момента мы все не надо ума, еслибы даже и былъ; напротивъ того, несравненно благодарнѣе если его нѣтъ вовсе. И ужъ безъ сомнѣнія это было бы весьма пріятно выслушать. Заклѣчивъ прекрасными словами: „Иды, редакторъ, отнынѣ ты можешь бѣть рѣсь и пить чай съ моимъ спокойствіемъ твоей констѣ“, третій помощникъ третью секретаря вручилъ бы мнѣ красивый дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ бы полновѣсную пзтѣу, и оба мы, возвративъ домой, тотчасъ же бы издали великолѣпнѣйшій № „Гражданина“, такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы бы издавали отлично.

Подозрѣвая однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непремѣнно бы со мною схирился, пригласилъ меня въ редакторы въобщѣ съ тою цѣлью, чтобы я заимѣлъ его лицо въ главномъ управленіи по дѣламъ печати каждый разъ, когда бы его приглашали туда получать удары по штангѣ бамбуковыми дощечками. Но и нехитрилъ бы его: я бы тотчасъ пересталъ печатать „Васмарка“, самъ же, напротивъ, началъ отлично писать статьи,—такъ что къ бамбуку призывали бы меня всего лишь черезъ пумеръ. За то я бы научился писать.

Въ Китаѣ я бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предсхотрѣнно и все расчитано на тысячулѣтъ; здѣсь же все поверхъ дюмъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже не попалъ нискогда бы понятю; такъ что не знаю что бы мнѣ стать и читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгодно писать непонятно. Только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, пер-

довидя статьи вышутся въ полтора столбца п—къ удивленію—понатю; да и то если принадлежатъ извѣстному перу. Въ „Голосѣ“ онѣ вышутся въ восемь; въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо едѣсь испортить столбцовъ, чтобы заставить указать себя.

У насъ говорятъ съ другими—наука, т. е., съ перваго взгляда, пожалуй также какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ присковъ. Прежде, наиримѣръ, слова: „а ничего не понимаю“ означала только глупость произносившаго ихъ; теперь же приносятъ великую честь. Строить мысли произвистъ съ открытымъ видомъ и съ гордостью: „Я не понимаю религіи, а ничего не понимаю въ Россіи, а ровно ничего не понимаю въ искусствѣ“—и въ тотъ-часъ же ставите себя на отъѣдную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этого упрощеннаго пріема ничего не доказиваетъ. Въ сущности у насъ каждый подозреваетъ другое за глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обретага вопроса на себя: „да ужъ не я ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?“ Положеніе вселовальное, и однако же никто не довольснъ кимъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоитъ. Правда, покупаютъ готовые идеи. Онѣ продаются нездѣ, дае даромъ; но даромъ то еще дороже обходится, и это уже начинаютъ предчувствовать. Въ результатѣ никакой выгоды и но прежнему безпорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ же Китаѣ, по только бѣе его порядка. Мы едѣа лишь начинаемъ то, что въ Китаѣ уже оканчиваеся. Несомнѣнно придемъ къ тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ „Исременій“ съ тѣмъ, чтобы уже опочительно выиграть право ни о чемъ не задумываться,—намъ надо прожить по крайней мѣрѣ еще тысячелѣтіе задумчивости. И что же—никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издатель, который въ наше время задумывается. Еще горше тому кто самъ захотѣлъ бы учиться и понимать; по еще горше тому, который объявляетъ оѣ этомъ искренно; а если заявить что уже капельку ноналъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣмъ оставляется. Ему остается лишь подписать какого нибудь одного подходящаго человѣчка, или даже написать его, и только съ нимъ, однимъ и разговаривать; можетъ быть для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозреваю, что „Гражданину“ еще долго придется говорить самому съ собой для собственнаго удовольствія. Вить уже то, что по медленнѣ разговору съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ пошлостельству. „Гражданинъ“ долженъ непремѣнно говорить съ гражданами а вотъ въ томъ вся бѣда его!

И такъ вотъ къ какому изданію я приобщилъ себя. Положеніе мое въ высшей степени неопредѣленное. Но буду и я говорить самъ съ собой и для собственнаго удовольствія, въ формѣ этого дневника, а тамъ что-бы ни вышло. Обѣ чѣмъ говорить? Обо всемъ что поразитъ меня или заставитъ задуматься. Если же выйдутъ чигатели, а Боже сохрани, оппонента, то повиною что надо уметь разговаривать и знать съ чѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь научиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому же и оппоненты бывають различные; не со всякимъ можно павать разговоръ. Расскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ что басня древняя, чѣтъ не индіискаго происхожденія, что весьма утѣшительно.

рублей в годъ и построчную плату. Горизонт «Гражданина», потускневший к концу года, прояснился с этим отрадным фактом, и, понятно, явились надежды на успех «Гражданина», благодаря имени отб. Достоевского»¹⁾.

Официальное положение, репутация и связи кн. Мещерского сравнительно легко обеспечили формальное утверждение Достоевского ответственным редактором выходящего без предварительной цензуры журнала—задание, при других условиях, едва ли осуществимое: Федор Михайлович продолжал, как известно, и после амнистии состоять под секретным надзором полиции, и ни во «Времени», ни в «Эпохе» имя его ни как редактора, ни как издателя выставить не удалось. Правда, и на этот раз III Отделение официально отказалось «принять на себя ответственность за деятельность этого лица», но для тогдашнего начальника Главного Управления по делам печати М. Н. Лонгинова достаточным оказалось и «неимения препятствий». Сам Достоевский не преминул отметить в «Дневнике» эту неожиданную легкость своего утверждения редактором, двусмысленное положение которого в сфере действия «отечественных установлений» он тут же, впрочем, необычайно ядовито очертил в фантастической юмореске якобы из китайских нравов («Дневник писателя» за 1873 г., № 1).

Оглашение вступления Достоевского в «Гражданин» последовало 25 декабря в последнем номере журнала за 1872 г.: обычное место передовой статьи целиком занято было лаконическим извещением, напечатанным крупным шрифтом во всю страницу—«С 1-го января 1873 г. редактором журнала «Гражданин» будет Ф. М. Достоевский».

1.

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Статскаго Совѣтника Князя Владиміра Петровича Мещерскаго, Надворнаго Совѣтника Григорія Константиновича Градовскаго и отставнаго Подпоручика Фёдора Михайловича Достоевскаго

ПРОШЕНІЕ.

На основаніи взаимнаго нашего соглашенія, я, Градовскій по обстоятельствамъ предполагая оставить утвержденное за мною званіе Редактора Журнала «Гражданинъ»

¹⁾ Кн. В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. II, СПб. 1898, стр. 175-176.

и уступая всѣ права свои по сему изданію Отставному Подпоручику Достоевскому; я, Ѳеодоръ Достоевскій, желая принять на себя какъ званіе отвѣтственного редактора, такъ и всѣ права по изданію «Гражданинъ» его Градовскаго, и я, князь Мещерскій, соглашаясь на всѣ вышеозначенныя перемѣны, — имѣемъ честь покорнѣйше просить Главное Управленіе по дѣламъ печати разрѣшить предполагаемую нами перемѣну, утвердивъ Отставнаго Подпоручика Достоевскаго въ званіи отвѣтственного Редактора журнала «Гражданинъ». При семъ прилагается подписка Ѳеодора Достоевскаго, требуемая правилами по дѣламъ печати. Копія же съ условія, имѣющаго быть заключеннымъ между Княземъ Мещерскимъ и Ѳеодоромъ Достоевскимъ, будетъ представлена въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, въ замѣнъ таковой же копіи съ условія между Княземъ Мещерскимъ и Надворнымъ Совѣтникомъ Градовскимъ. Къ сему прошенію руку приложили: *Статскій Совѣтникъ Князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій. Надворный Совѣтникъ Градовскій. Отставной Подпоручикъ Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій* ¹⁾.

2.

Даю сію подписку въ томъ что въ случаѣ утвержденія меня редакторомъ Журнала «Гражданинъ», я, Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій, принимаю на себя всѣ обязательства по сему изданію въ качествѣ Отвѣтственного Редактора.

Отставной Подпоручикъ

Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій.

1872 года
Декабря 15-го.
С.-Петербургъ.

3.

16 Декабря 1872 г.
№ 5587.

В. НУЖНОЕ.

Въ III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

Собственникъ журнала «Гражданинъ» Ст. Сов. Князь Мещерскій, издатель-редакторъ онаго Надв. Сов. Градовскій и Отставной Подпоручикъ Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій

¹⁾ Канцелярская помета на этом прошеніи: 16 Декабря 1872 г. № 6544.

заявили Гл. Упр. по д. п. о передачѣ изданія означеннаго журнала изъ нихъ Градовскимъ Достоевскому и принять объ утвержденіи сего послѣдняго въ званіи редактора журнала.

Предварительно какихъ либо распоряженій, Гл. Упр. по д. п. имѣетъ честь покорн. просить III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи объ увѣдомленіи, не встрѣчается ли съ его стороны препятствій къ удовлетворенію вышеизложеннаго ходатайства.

И. д. Нач. Гл. Упр. по д. печ. М. Лонгиновъ.

Скрѣп.: Пр. Дѣлѣ Ю. Богусевичъ.

4.

3-Е ОТДѢЛЕНІЕ
СОБСТВЕННОЙ
Его ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

В. НУЖНОЕ

КАНЦЕЛЯРИИ
3-я экспедиція
С. Петербургъ
Декабря 18 дня 1872 г.
№ 2616.

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Вслѣдствіе отношенія отъ 15-го т. Декабря за № 5587, имѣю честь увѣдомить, что со стороны III-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи не встрѣчается препятствій къ утвержденію редакторомъ журнала „Гражданинъ“ отставнаго Подпоручика Ѳедора Михайловича Достоевскаго.

Но III-е Отдѣленіе не принимаетъ на себя отвѣтственности за будущую дѣятельность этаго лица въ званіи редактора.

Управляющій Отдѣленіемъ А. Шульцъ.

5.

20 Декабря 1872
№ 5759.

СПБ. Ц. К-ту.

Собственникъ журнала „Гражданинъ“, Ст. Сов. Князь Мещерскій, издатель-редакторъ онаго Надв. Сов. Градовскій и Отставной Подпоручикъ Ѳедоръ Достоевскій заявили Гл.

Упр. по д. п. о переходѣ права изданія означеннаго журнала отъ Градовскаго къ Достоевскому, который вмѣстѣ съ симъ утвержденъ Г. М-ромъ Вн. Дѣлъ и въ званіи редактора сего журнала.

Гл. Упр. по д. п. сообщаетъ о семъ СПБ. Ц. К-ту къ надлежащему свѣдѣнію.

Подп.: И. д. Нач. Гл. Упр. по д. печ. М. Лонгиновъ.

Скрѣп. Пр. Дѣль Ю. Богушевичъ.

6.

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Надворнаго Совѣтника Григорія
Константиновича Градовскаго

ПРОШЕНІЕ.

Имѣю честь возвратить при семъ Главному Управленію по дѣламъ печати два выданныя на мое имя свидѣтельства на изданіе журнала „Гражданинъ“ (№№ 5244 и 5245, для выдачи, взамѣнъ ихъ, таковыхъ-же свидѣтельствъ на имя Федора Михайловича Достоевскаго.

Надворный Совѣтникъ Григорій Градовскій.

С. Петербургъ.
28 Декабря 1872 г.

7.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Выдано изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, на основаніи ст. 14 гл. II Высочайше утвержденнаго 6 Апрѣля 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ удостовѣреніе того, что согласно 4-7 ст. той же главы, отставному Подпоручику Ф. М. Достоевскому Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшено издавать въ С. Пб-гѣ, безъ предварительной цензуры, журналъ, подъ названіемъ „Гражданинъ“, по утвержденной программѣ, 31 Декабря дня 1872 года.

И. д. Начальника Главнаго Управленія
по дѣламъ печати

Правитель Дѣлъ

II.

Привлечение Достоевского к судебной ответственности за помещение 29 января 1873 г. статьи „Киргизские депутаты в С. Петербурге“.

Первое серьезное столкновение Достоевского, как ответственного редактора выходящего без предварительной цензуры издания, произошло с СПб. Цензурным Комитетом из-за информационной заметки в одном из первых подписанных им номеров „Гражданина“.

Заметка эта, озаглавленная „Киргизские депутаты в С. Петербурге“ (№ 5, стр. 153-4), и доставленная в „Гражданин“, очевидно, одним из свидетелей представления этой делегации императору Александру, заключала в себе следующий анекдотический эпизод: „Старший из депутатов Султан Магомет, султан Киргиз начал произносить речь, которая была им самим от имени всего народа составлена; произнес первоначально твердо и правильно: „Ваше Императорское Величество“ — но на этих словах, когда Государь возразил: „А ты говоришь по русски?“ Магомет до того переконфузился, что далее мог произнести тихо только несколько слов по киргизски из приготовленной благодарственной речи и потом положительно онемел“.

Сам по себе совершенно невинный, этот эпизод не мог быть, однако, оглашен без особого разрешения министра императорского двора, каковым редакция журнала тогда не располагала. Осведомившись об этом, председатель СПб. Цензурного Комитета обратился к Прокурору СПб. Окружного суда с предложением, на основании Высочайшего повеления от 28 апреля 1870 г., о возбуждении преследования против „отставного подпоручика Ф. М. Достоевского“ по ст. 1024 Уложения о Наказаниях. „Около Святой, мне помнится — говорит в своих „Воспоминаниях“ Н. Н. Страхов, произошла в кружке „Гражданина“ большая тревога; говорили, что издание невозможно продолжать, и Федор Михайлович был некоторое время в большом беспокойстве“ (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, стр. 299). Очевидно, к тому же моменту относится интереснейшее, но в одном месте не совсем точное указание А. Ф. Кони: „...в бытность мою прокурором Окружного Суда в Петербурге, сестра моего друга Н. Н. Куликова, лично знакомая с Достоевским, написала мне, что Федор Михайлович находится в крайне затруднительном положении. Он был в это время редактором „Гражданина“ и допустил напечатание в нем сведения о путешествии Государя, не испросив на то предварительного разрешения министра

двора, как то требуется цензурными правилами, вследствие чего суду пришлось приговорить его к аресту на несколько дней на гауптвахте. Приговор, войдя в законную силу, был обращен к исполнению. Между тем, предпринятое Достоевским лечение и разные другие обстоятельства личного характера делали для него это кратковременное лишение свободы до крайности неудобным именно в то время, когда приговор подлежал осуществлению. Отвечая Куликовой, я просил ее передать Федору Михайловичу, что приговор будет обращен к исполнению лишь тогда, когда он сам найдет это по своим соображениям удобным. За любезным письмом Достоевского, с выражением благодарности, последовало его посещение, отвечая на которое, я убедился воочию, в какой скромной и даже бедной обстановке жил, мыслил и творил один из величайших русских писателей¹⁾.

1.

Нужное.

М. В. Д.

С. ПЕТЕРБУРГСКИЙ

ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТЪ

30 Января 1873 г.

№ 87.

Канцелярія С.П.Б. Цензурнаго Комитета, по приказанію Г. Предсѣдателя, имѣетъ честь покорнѣйше просить редакцію газеты „Гражданинъ“, въ возможно непродолжительномъ времени, сообщить Комитету свѣдѣніе: имѣла ли редакція въ виду разрѣшеніе Г. Министра Императорскаго Двора на напечатаніе статьи „Киргизскіе депутаты въ С. Петербургъ“, помѣщенной въ № 5 «Гражданина» за настоящій годъ, въ которой приведены слова Государя Императора и обращенная къ Его Величеству депутатами рѣчь; буде же разрѣшеніе Г. Министра имѣется въ редакціи, то предъявить таковое Комитету.

¹⁾ А. Ф. Коні: „На жизненномъ пути“, М. 1916, стр. 103 и, в несколько, иной редакціи, с включеніемъ письма Ф. М., в „Вестнике Литературы“, 1921, № 2, стр. 7 и № 3, стр. 9. Ср. воспоминанія В. В. Тимофеевой, где сам Достоевскій ссылается на „маленькій редакторскій грех“, за который ему пришлось поплатиться „арестомъ при гауптвахтѣ на Сенной“ („Истор. Вест.“, 1904, II, 535). Какъ свидѣтельствуетъ Анна Григорьевна, „было это съ четверга 11 часовъ утра по субботу 11 часовъ на Вербной недѣлѣ 1873 г.“. См. настоящій сборникъ, стр. 33.

2.

„7“ февраля 1873 г.
№ 111.

Г. Прокурору СПБ. Окружного Суда.

Въ № 5, отъ 29 января 1875 года, журнала „Гражданинъ“, выходящаго безъ предварительной цензуры въ СПБ-гѣ подъ редакціею отставнаго подпоручика Ѳедора Достоевскаго, на стр. 153 и 154 помѣщена статья подъ заглавіемъ: «К и р г и з с к і е д е п у т а т ы въ С. П е т е р б у р г ѣ».

Въ статьѣ этой, описывающей представленіе киргизскихъ депутатовъ Государю Императору, между прочимъ, приведены слова, обращенныя Его И. Величествомъ къ одному изъ депутатовъ, и начало рѣчи послѣдняго.

На основаніи п. I, Высочайшаго повелѣнія отъ 28 Апрѣля 1870 года (Примѣч. къ ст. 9 т. XIV Уст. Ценз. по продолж. 1871 года), статьи и сочиненія, оригинальныя и переводныя, въ коихъ описываются личныя дѣйствія или излагаются изустныя выраженія Государя Императора и Особъ Императорской Фамиліи или же приводятся обращенныя къ нимъ рѣчи, могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра И. Двора; къ случаямъ нарушенія сего постановленія (п. 3 того же Высочайшаго повелѣнія) должна быть примѣняема ст. 1024 Улож. о Наказ. изд. 1866 г.

Такъ какъ, по словесному отзыву редакціи на обращенное къ ней требованіе Канцеляріи Комитета, поименованная выше статья „Киргизскіе депутаты“ напечатана безъ разрѣшенія Г. Министра Двора, то СПБ. Цензурный Комитетъ, препровождая при семъ № 5 журнала „Гражданинъ“, имѣетъ честь обратиться къ В. В-дію съ покорнѣйшей просьбой о возбужденіи судебного преслѣдованія, на основ. 1024 ст. Гражд. Улож. о Наказ. изд. 1866 г., противъ редакціи журнала „Гражданинъ“, въ лицѣ редактора отставнаго поручика Ѳедора Михайловича Достоевскаго.

Помѣшеніе редакціи журнала „Гражданинъ“ находится на Невскомъ проспектѣ, № 77.

Прилагаемый номеръ журнала Комитетъ проситъ возвратить по минованіи надобности, а также не оставить увѣдомленіемъ объ исходѣ настоящаго дѣла.

Предсѣдатель А. Петровъ

Секретарь Н. Пантелеевъ.

III.

Воспрещение 18 октября 1873 г. розничной продажи номеров «Гражданина» „за предосудительное направление“.

В одной из своих поминальных статей — «Роковое пятилетие» — (Г. К. Градовский, «Итоги», Киев, 1908, стр. 5) предшественник Достоевского в редакции «Гражданина» не мог не отметить несколько дисгармонирующей с основным направлением оставленного им издания черты — его несомненной оппозиционности некоторым проявлениям бюрократического режима и «несмотря на пресловутую точку к реформам и известные чудачества издателя» нередко совершенно определенного сочувствия иземскому делу, и новому суду, и народному образованию. В этих вопросах для Достоевского не могло быть тогда ни сомнений, ни колебаний: приняв на себя ответственность не только за литературно-художественную, но и за общественно-политическую платформу издания, он очень скоро решительно парализовал своим мощным влиянием спорадические реставрационные лозунги закулисных вдохновителей «Гражданина».

«Читатели, которые вздумают перечесть «Гражданин» за этот год, тотчас увидят — писал Н. Н. Страхов — как много старания и труда положено было на журнал его редактором. Заботливость была величайшая» (ор. cit. стр. 299). И связывалась она не только с технической стороной издания, с необходимостью приведения его к общепринятым литературным формам, но и с неизбежными при двух фактических распорядителях редакционными трениями и тяжелой ответственностью за малейшее несоответствие журнального материала изменчивым и условным рамкам действующих цензурных уставов.

После кары, постигшей журнал в самом начале деятельности в нем Достоевского, редакция «Гражданина» в течение нескольких месяцев с успехом устраняла возможность каких бы то ни было столкновений с предрежащей властью, и лишь живой отклик ее на бедствия голода в Самарской губернии, обнаружившие полное банкротство правительственных мероприятий в деле организации народного продовольствия, неожиданно поставил 15 октября 1873 г. перед Главным Управлением по делам печати вопрос о „предосудительном направлении сего издания“.

Основанием для подобного заключения явился рапорт наблюдающего за журналом цензора А. Юфорова о передовице № 72-го „О голоде“ (*Св. Сол.—ский*, стр. 1112—1114), «сетующей на отсутствие

у нас центрального земства и на неудобство говорить о нем» и указание его же на «два анекдота из мира нашей современной педагогики, в которых в весьма неблагоприятном свете выставлено одно высокопоставленное лицо»¹⁾.

Выводы А. Юферова, поддержанные СПб. Цензурным Комитетом и принятые Главным Управлением, определили характер представления начальника последнего М. Н. Лонгинова Министру Внутренних Дел, который 18 октября, на основании Высочайше утвержденного 14 июня 1868 г. положения Комитета Министров, признал необходимым воспретить розничную продажу номеров «Гражданина». О состоявшемся «определении» в тот же день уведомлено было III Отделение, СПб. Градоначальник и Московский Генерал-Губернатор.

Подрывая материальные ресурсы издания, запрет розничной продажи его номеров не был снят и после особого полуофициального обращения Достоевского к М. Н. Лонгинову. 13 ноября Совет Главного Управления по делам печати признал удовлетворение этого ходатайства преждевременным и лишь 5 декабря «в виду благонамеренного общего направления» «Гражданина» Лонгинов сделал новое представление и получил согласие министра на освобождение журнала от наложенного на него административного взыскания.

1.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ

Цензурный Комитетъ Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

С. Петербургъ

15 Октября 1873 г.

№ 881.

Цензоръ, наблюдающій за безцензурнымъ журналомъ «Гражданинъ», доложилъ Комитету, что въ передовой статьѣ № 42 сего изданія помѣщена статья подъ заглавіемъ: «О голодѣ».

¹⁾ «Один знатный и высокопоставленный педагог посещает одно из петербургских училищ, входит в кухню, видит—несут чем-то полную большую чашку, останавливает, берет ложку, черпает, делает гримасу.—Это помой!!!—Точно так, ваше с—тво,—отвечает несущий чашку.

Тот же знатный педагог не любит разнообразия в вопросах, задаваемых воспитанникам. Целые годы он задавал каждому из учеников при встрече те же вопросы. Так, одному из них, хромому от рождения, он постоянно задавал два вопроса; первый: ну, что нога? второй вопрос: что сестра? Ответ был также неизменен; на первый вопрос: «все хромает», на второй: «в институте». Однажды вышло так: Что сестра?—Все хромает, ваше с—тво. А нога?—В институте».

Въ этой статьѣ авторъ упрекаетъ наше правительство въ томъ, что оно не дѣлаетъ никакихъ официальныхъ заявленій по поводу голода въ Самарской губерніи, и допускаетъ, что вопросъ объ устраненіи голода разрѣшается путемъ общественной благотворительности, а не путемъ государственной или земской помощи. Заявивъ, что неурожай и голодъ составляютъ у насъ явленія періодическія, посѣщающія то ту, то другую полосу Россіи, авторъ находитъ, что у насъ нѣтъ никакой системы по отношенію къ вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія и что всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры отличаются характеромъ случайности. Въ этомъ отношеніи авторъ находитъ, что вопросъ о народномъ продовольствіи до введенія земской реформы разрѣшался путемъ несравненно болѣе рациональнымъ, чѣмъ теперь, такъ какъ теперь земство голодающей губерніи не можетъ прибѣгнуть къ помощи продовольственныхъ капиталовъ смежныхъ губерній безъ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и длиннѣйшей переписки.

Сѣтуя на отсутствіе у насъ центральнаго земства и на неудобство говорить о немъ, авторъ статьи тѣмъ не менѣе полагалъ бы, что правительству надлежитъ позаботиться объ учрежденіи какого-либо совѣщательнаго органа, съ допущеніемъ въ него представителей земства, съ тѣмъ, чтобы они сговорились на счетъ правильнаго распредѣленія ссуды между земствами на случай неурожая.

Приступить къ разрѣшенію этого вопроса, по мнѣнію автора, болѣе чѣмъ своевременно и во всякомъ случаѣ намъ нужнѣе, чѣмъ обсуждать отдѣльно и безъ связи съ общимъ состояніемъ государства такія тѣмы, какъ напр. вопросъ: «Улучшилось или ухудшилось состояніе помѣщичьихъ имѣній?»

Въ томъ же № 42 «Гражданина» на стр. 1138 помѣщены два анекдота изъ міра нашей современной педагогики, въ которыхъ въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ выставлено одно высокопоставленное лице.

Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ Цензора о вышеприведенныхъ статьяхъ № 42 журнала «Гражданинъ», какъ опредѣляющихъ предосудительное направленіе сего изданія, долгомъ считаетъ заявить Главному Управленію по дѣламъ печати.

Предсѣдатель А. Петровъ.

Секретарь Н. Пантелеевъ.

2.

Ваше Превосходительство

Михаилъ Николаевичъ,

Предполагая за собою вину неумышленного допущенія въ какой либо статьѣ послѣднихъ номеровъ издаваемаго мною журнала «Гражданинъ» такихъ выраженій, которыя могли послужить поводомъ къ запрещенію розничной продажи, искренно сожалья о томъ, что въ слѣдствіе таковаго моего недосмотра, на основаніи таковыхъ выраженій, дѣйствительно можно приписать моему изданію мысли, которыя противорѣчатъ всему его направленію, — я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство: не признаете ли возможнымъ, въ виду того на сколько принятая относительно изданія моего мѣра, въ концѣ года, ощутительна въ матерьяльномъ отношеніи, принять на себя любезный трудъ исходатайствовать у Г. Министра внутреннихъ дѣлъ распоряженіе вновь пользоваться моему изданію правомъ розничной продажи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности

Вашъ покорный слуга Федоръ Достоевскій.

11 Ноября 1873 г.

IV.

Официальная переписка, связанная с появлением в № 2 „Гражданина“ за 1874 г. сведений о „высочайших особах“ без разрешения министра императорского двора.

Творческая—художественная и публицистическая—работа Достоевского в „Гражданине“, первоначально являясь одним из неотъемлемых элементов общего направления его деятельности в этом издании, к осени 1873 года начинает давать заметные перебои: проникновенные суждения, автобиографические признания и оценки „Дневника Писателя“ постепенно исчезают со страниц журнала и только потому, что „писать было надо, потому что писательство было и стихиею и единственным средством существования Ф. М.“, он вместо „Дневника“ с № 42-го принимает целиком на себя политическое обозрение иностранных событий.

Сначала, как свидетельствует внимательный наблюдатель Достоевского в эту пору М. А. Александров, Ф. М. был очень доволен, что ему и в этой области работа удалась вполне; однако, составление еженедельных политических обзоров являлось делом хотя и менее сложным, чем „Дневник“, но зато еще более ответственным и срочным. Последнее условие было для Ф. М. особенно тяжело, оно—в обстановке мелочных редакционных трений—„изнуряло его и нравственно и физически“. „Он очень скоро стал ощущать—говорит М. А. Александров—как бы давление тяжелого кошмара, освободиться от которого ему представлялось действительным одно средство—сложить с себя редакторство Гражданина“. В конце года это решение уже было, очевидно, принято Достоевским, и лишь отсутствие подходящего заместителя, да боязнь подорвать бюджет издания оставлением его в начале новой подписки, отсрочило на некоторое время уход Ф. М. из „Гражданина“. Не давая в журнал после первого номера за своей подписью уже ни одной строчки, он продолжал по прежнему, однако, отправлять свои редакторские обязанности и нести вместе с тем общую ответственность за издание. В связи с последней органами надзора зафиксирован был в середине января 1874 г. новый редакционный „грех“ Достоевского—по существу очень напоминающий его первое столкновение с цензурой. Из приводимых ниже документов с несомненностью устанавливается, что лишь мастерская объяснительная записка ¹⁾ об обстоятельствах появления во втором номере журнала за 1874 г. „известий о высочайших особах“ без предварительного разрешения министра императорского двора, отвратила от Достоевского опасность грозы, уже готовой над ним разразиться.

I.

16 Января 1874 г.

№ 58.

Канцелярія СПБ. Ценз. К-та, по приказанію г. Предсѣдателя имѣть честь покорнѣйше просить редакцію журнала „Гражданинъ“ сообщить К-ту свѣдѣніе, имѣется ли въ редакціи разрѣшеніе г. Министра Императорскаго Двора на напечатаніе помѣщенныхъ въ № 2 „Гражданина“ статьи „Великая Княгиня Марія Александровна“, а также извѣстія о Высочайшихъ Особахъ, изложеннаго въ „Петербургскомъ Обозрѣніи“.

¹⁾ Возможно, что эта объяснительная записка составлена не самим Достоевским, так как им она только подписана.

2.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
„ГРАЖДАНИНЪ“

С.-Петербургъ. Въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ.
Малая Итальянская, д № 21.
19 Января 1874 года.

Вслѣдствіе запроса относительно статей, помѣщенныхъ въ № 2-мъ журнала „Гражданинъ“, были ли таковыя представлены на утвержденіе Министра Императорскаго Двора, имѣю честь увѣдомить, что такъ какъ ни въ Петербургскомъ обозрѣніи не заключались какія либо рѣчи, Августѣйшими особами сказанныя, ни подробности интимной жизни тѣхъ же особъ, то я считалъ себя вправѣ полагать, что на напечатаніе ихъ не слѣдовало испрашивать позволенія Министра Двора, тѣмъ болѣе, что точно такія же подробности печатала полуофіціальная газета „Journal de St Pétersbourg“, извлекая оныя изъ англійскихъ газетъ.

Къ тому же считаю долгомъ присовокупить, что статья о Великой Княгинѣ, вызванная сочувствіемъ къ торжеству бракосочетанія, была написана въ пятницу, и если бы должна была быть представлена на утвержденіе, то она вовсе не могла бы быть напечатана, такъ какъ на испрошеніе согласія Г. Министра Двора слѣдовало бы положить по крайней мѣрѣ 2-недѣльный срокъ. Молчаніе же Редакціи журнала „Гражданинъ“ по поводу столь дорогого событія было бы признакомъ неуваженія или не сочувствія къ событію со стороны такого органа печати, который, за неимѣніемъ другихъ выгодъ, считаетъ себя по крайней мѣрѣ вправѣ выражать тѣ сердечныя чувства, которыя въ извѣстныя торжественныя минуты высказывать значитъ удовлетворить духовной потребности каждаго русскаго, чувства, отголоскомъ которыхъ въ настоящее время переполнены всѣ англійскія и даже французскія газеты.

Что же касается подробностей о бракосочетаніи, то онѣ представляютъ ничто иное какъ развитіе и изложеніе на простомъ языкѣ всего напечатаннаго въ Высочайше утвержденномъ церемоніалѣ, или же такія подробности, которыя какъ я имѣлъ честь выше сказать, напечатаны въ извлеченіяхъ изъ иностранныхъ и другихъ газетъ, или-же, какъ напримѣръ, подробность о приданомъ напечатана съ цѣлью

помѣшать распространенію нелѣпныхъ и вредныхъ слуховъ въ обществѣ о какихъ то громадныхъ суммахъ въ десятки милліоновъ, будто бы выданныхъ Государемъ по случаю бракосочетанія Великой Княгини.

Редакторъ журнала „Гражданинъ“

Ө. М. Достоевскій.

V.

Первое предостережение «Гражданину» 12 марта 1874 г. за «совершенно превратные суждения, клонящиеся к возбужденію вражды против одной из частей населенія».

11 марта 1874 г. в номере десятом „Гражданина“, определенно отражавшем в это время германофобские настроенія малого двора, появилась хлесткая заметка „Два слова по поводу мненія кн. Бисмарка о русскихъ немцах“ (стр. 277—279),

«Мненіе» железного канцлера затрагивало больной тогда вопрос о культурной и социальной базѣ русской политики в Остзейскихъ провинціяхъ и заключало в себѣ известную остроту—предостереженіе об «обрусевшемъ немцѣ, который никуда не годен, лишаясь добродетелей немца и заражаясь всеми пороками русскихъ».

Резкое выступленіе по этому поводу «Гражданина» произвело некоторое смущеніе в высшихъ сферахъ и, несмотря на то, что Главное Управленіе по деламъ печати ничемъ на статью эту своевременно не реагировало, министр внутреннихъ делъ объявилъ журналу 12 марта предостереженіе, за «совершенно превратные сужденія, клонящиеся к возбужденію вражды против одной изъ частей населенія Имперіи»¹⁾.

I.

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

„12“ марта 1874 г.

Принимая въ соображеніе: что въ статьѣ „Два слова по поводу мнѣнія князя Бисмарка“, напечатанной въ № 10 журнала „Гражданинъ“, заключаются высказанныя въ самыхъ

¹⁾ В цензурномъ мартирологѣ «Гражданина» имя кн. Бисмарка снова встречается в 1878 году, когда журналъ былъ приостановленъ за помещеніе речи И. С. Аксакова противъ Берлинскаго трактата 22 июня 1878 г. Какъ свидѣтельствуеетъ В. Ф. Пуцковичъ, закрытіе за эту речь журнала и ссылка И. С. Аксакова вдохновенно предсказаны были Достоевскимъ за несколько дней до событія („Рус. Арх.“, 1903, III, 670).

рѣзкихъ выраженіяхъ совершенно превратныя сужденія, клонящіяся къ возбужденію вражды противъ одной изъ частей населенія Имперіи,—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. II Высочайше утвержденнаго 6 апрѣля 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, опредѣляетъ: объявить первое предостереженіе журналу „Гражданинъ“, въ лицѣ издателя-редактора Федора Достоевскаго.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ

Генераль-Адъютантъ *Тимашевъ*.

2.

1874 года марта 13 дня Я нижеподписавшійся, получивъ отъ г. Старшаго Инспектора типографій и т. п. заведеній, а также книжной торговли въ С.-Петербургѣ копію съ распоряженія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ объявленіи перваго предостереженія редактируемому мною журналу „Гражданинъ“, обязуюсь таковое распоряженіе напечатать согласно порядку, указанному въ ст. 31 Гл. II закона 6 Апрѣля 1865 года.

Отставной Подпоручикъ

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

VI.

Отказ Достоевскаго от редактированія «Гражданина» и передача прав на изданіе В. Ф. Пуцковичу.

Официальное „предостереженіе“ Гражданину 12 марта 1874 г. несомненно послужило ближайшим поводомъ къ окончательному отказу Достоевскаго от несенія ответственности за журнал, оставленіе котораго было им предрешено еще в концѣ года. Тяжелые внешнія условія редакціонной работы Ф. М., принявшаго на себя едва ли не все тяготы по изданію, постоянно осложнялись неприязненным до крайности отношеніемъ къ «Гражданину» руководящихъ органовъ нашей прессы. Журналъ определенно не имѣлъ успеха и, несмотря на имя Достоевскаго, не могъ привлечь къ себѣ вниманія широкихъ обществен-

ных кругов. Подписка 1873 г. обнаружила лишь «приблизительно сотни на две» увеличение числа подписчиков, не превышавших в общей сложности тысяч двух (данные кн. В. П. Мещерского, *op. cit.*, 167 и 176). Правда, сам Ф. М., как видно из первых страниц «Дневника» и указаний кн. Мещерского, не питал в этом отношении особых иллюзий, но отсутствие сколь нибудь авторитетной моральной поддержки, определенной аудитории и неразрывно связанного с ними авторского удовлетворения не могло не действовать подавляюще на и без того расстроенное мелочной заказной работой, досадными редакционными трениями и цензурными столкновениями хрупкое здоровье великого писателя ¹⁾.

19 марта Достоевский обратился в Главное Управление по делам печати с ходатайством об освобождении его на шесть месяцев, „по случаю расстроенного здоровья“, от обязанностей редактора „Гражданина“ и о передаче последнего В. Ф. Пуцковичу. Оговорка — впоследствии уничтоженная — „шесть месяцев“ сделана была лишь для облегчения формальных трудностей передачи журнала новому лицу, процедура утверждения которого все-таки отняла ровно месяц. Наконец, 22-го апреля в 16-м номере „Гражданина“ последовало извещение о том, что „Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в „Гражданине“ сложить с себя обязанности редактора журнала, которые и принимает на себя (временно) один из постоянных участников и сотрудников редакции, В. Ф. Пуцкович. Само собою разумеется, что направление журнала ни в чем не изменится“. Обещанное участие в „Гражданине“ Достоевского было — говорит М. А. Александров — „чисто и исключительно моральное“; вздохнув, наконец, свободно от всегда ненавистного ему обусловленного труда, он не мог и не хотел брать на себя никаких обязательств, тем более, что в творческом его сознании в это время принимала уже конкретные вполне очертания давняя мысль о независимой художественно-публицистической трибуне, о превращении в ответственный орган собственного „Дневника Писателя“.

¹⁾ Самым ценным свидетельством об общих условиях работы Ф. М. Достоевского в „Гражданине“ являются основанные часто даже на документальных данных воспоминания метранпажа этого издания — М. А. Александрова („Русск. Стар.“, 1892, IV, 177—199). Кое в чем дополняют их рассказы В. В. Тимофеевой (О. Починковской) „Год работы с знаменитым писателем“ („Истор. Вестн.“, 1904, II, 488—537). Ср. также характерное показание о Достоевском-редакторе в воспоминаниях А. В. Круглова „Первые шаги“ („Истор. Вестн.“, 1894, IV, 91-94).

I.

Въ Главное Управление по Дѣламъ Печати.

ПРОШЕНІЕ

Редактора-издателя журнала „Гражданинъ“
Федора Михайловича Достоевскаго.

Имѣю честь покорнѣйше просить Главное Управление по Дѣламъ Печати разрѣшить, по случаю моей болѣзни, Доктору Правъ Виктору Теофиловичу Пуцковичу принять на себя, на шесть мѣсяцевъ, званіе Отвѣтственнаго Редактора издаваемого мною журнала „Гражданинъ“.

Отставной Подпоручикъ

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

19 Марта 1874 г.
С.Петербургъ.

2.

Въ Главное Управление по Дѣламъ Печати.

ПРОШЕНІЕ

Издателя-Редактора журнала „Гражданинъ“
Федора Михайловича Достоевскаго
и Временнаго Редактора того же журнала
Виктора Теофиловича Пуцковича.

На основ. II ст. II главы Прил. къ ст. 5 Ценз. Уст. по прод. 1868 г. имѣемъ честь заявить Главному Управленію по дѣламъ печати: что изъ насъ я, издатель-редакторъ журнала „Гражданинъ“, Федоръ Достоевскій передалъ свои издательскія права на этотъ журналъ временному редактору его Доктору правъ Виктору Пуцковичу, а я, Вр. редакторъ Викторъ Пуцковичъ, принялъ упомянутыя права. Прошеніе это довѣряется подать въ Главное Управление Пуцковичу.

Отставной Подпоручикъ

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

Врем. редакторъ Д-ръ Правъ

Викторъ Теофиловичъ Пуцковичъ.

24 Апрѣля 1874 г.
С.Петербургъ.

3.

Въ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати.

ПРОШЕНІЕ

Редактора-издателя журнала „Гражданинъ“
Виктора Теофилова П у ц ы к о в и ч а.

Въ Апрѣлѣ сего года я былъ утвержденъ въ званіи редактора журнала „Гражданинъ“ на шесть мѣсяцевъ по случаю болѣзни прежняго редактора-издателя Федора Михайловича Достоевскаго.

Приобрѣтя вслѣдъ за тѣмъ отъ г. Достоевскаго всѣ издательскія права на этотъ журналъ и имѣя въ виду скорое истеченіе шестимѣсячнаго срока, на который я утвержденъ, имѣю честь покорнѣйше просить Главное Управленіе по дѣламъ печати утвердить меня въ званіи постоянного редактора журнала „Гражданинъ“.

Редакторъ-издатель журнала „Гражданинъ“

Д-ръ Викторъ Теофиловъ Пуцыковичъ.

8 Октября 1874 г.
С. П. В.

Этими несколько скудными данными об основаніях и формах ответственного участія Достоевскаго в «Гражданинѣ» исчерпывается доселе известный документальный матеріал об одном из послѣдних определяющих этапов его жизни и деятельности.

Ю. Г. Оксман.

Путь Достоевского.

Он устанавливается, наконец, на Христе,
но вся жизнь — буря и беспорядок.

Материалы к «Бесам».

I.

Формы философской драмы.

1.

Творчество Достоевского представляется в своем целом философской драмой. Борьба за мысль и искание цельного исповедания — вот сущность его сложных романических композиций. Его роман — это философия *in actu*, это созерцание идей в действии, в движении, в борьбе, в процессе непрерывных перестроек и вечного обновления. Это не столько окончательные истины, открытые с непререкаемой несомненностью и провозглашенные с безусловной категоричностью, сколько искание философии, тревожное и мучительное влечение к ней, шествие к далекой и ускользающей правде сквозь сложные нагромождения столкнувшихся сомнений и верований.

Драматизм действия и форма диалога особенно подходят к этому творчеству. Это вечно движущееся, безостановочно стремительное состояние воззрений Достоевского не могло бы воплотиться в спокойную форму окончательного изложения и стройной системы доказательств. Форма беседы или спора, где различные точки зрения могут поочередно господствовать и отражать разнообразные оттенки противоположных исповеданий, особенно подходит к воплощению этой вечно слагающейся и никогда не застывающей философии. Перед таким художником и созерцателем образов, как Достоевский, в минуту его углубленных раздумий о смысле явлений и тайне мира, должна была предстать эта форма философствования, в которой каждое мнение словно становится живым существом и излагается взволнованным человеческим голосом.

В силу органических свойств своей творческой натуры Достоевский должен был прийти к этой форме Платоновских размышлений. Сам он преимущественно учился философии в разговорах со своими друзьями—в беседах с Аполлоном Григорьевым, Страховым или Вл. Соловьевым, и неудивительно, что его собственное учение о мире приняло форму диалога.

Но трагический гений Достоевского на этом не остановился. Драма идей становилась для него глубже, напряженнее и острее от внесения в нее элементов действия, борьбы, столкнувшихся страстей. Ему нужен был цельный человек со всеми его порывами и метаниями для отвлечения основных жизненных истин. Это и привело его к подлинной философской драме, к созданиям, напоминающим по своему внутреннему тону Шекспировскую „Бурю“, Гетевского „Прометея“ или Байроновского „Манфреда“. В дальнейшем углублении она приближалась к религиозной драме—к мистерии, сущность которой и являют его большие романы.

Недаром Книга Иова—этот величайший философский диалог и глубочайшая религиозная драма всех времен,—так поразила Достоевского еще в ранние годы и так волновала его в эпоху создания „Братьев Карамазовых“.

2.

Но несмотря на этот характер искания, устремления и борьбы, кардинальные истины и главные тенденции его мировоззрения четко выделяются из этой движущейся системы понятий и образов. У Достоевского, несмотря на его пребывание в вечном процессе выработки своего исповедания, была своя философия, поразительно цельная по единству своего центрального ядра и непрерывности в его развитии.

Четко различаются и отдельные части этой философской системы. У Достоевского прежде всего была своя эстетика. Проблема красоты постоянно занимала и мучила его и подчас ужасала неуловимостью своей тайны, томительной неразгаданностью своего существа. Но это несколько не ослабляло его интереса к этой проблеме. Он долгое время носился с идеей специального трактата о сущности христианского искусства, о синтезе религии и художественного творчества. В его журнальных статьях о выставках или новых книгах звучат отголоски этой продуманной эстетики, а из различных замечаний его о живописи или лирике можно выделить целое учение о законах прекрасного.

Философия религии — вот другой и, конечно, центральный нерв его системы. Проблема Бога, всю жизнь мучившая Достоевского, анализ атеизма и творческое искание веры, смысл явления Христа и оценка его подвига, — таков был главный предмет вечной внутренней озабоченности Достоевского. Все его творчество — сплошной искуc по пути к богопознанию. Мистик по натуре, он интересовался крупнейшими явлениями мистицизма. В молодости он зачитывается «Путешествиями к Святым местам» и сочинениями Димитрия Ростовского. Впоследствии он имел среди своих книг и Джона Бёниана, и исследования о Сведенборге, и Книгу странствий инокa Парфения, и Слово Симеона, Нового Богослова. Его занимали различные пласты и отсложения религиозного духа в разных исповеданиях — он всматривался в сущность юдаизма, постоянно общаясь с Библией, на ряду с Евангелием изучал Коран, старался по классическим сочинениям Западной Церкви усвоить сущность ненавистного ему католицизма.

Не подлежит сомнению, конечно, что этика занимала господствующее положение в философской системе Достоевского, и проблема религии тесно соприкасалась у него с областью морали. Его не пленяет идея одинокого Бога, оторванного от человечества, и религиозная идея венчает его раздумья о смысле жизни, о правде мира. Вера Достоевского вырастает из нравственных потребностей и всеми своими корнями погружена в болящую совесть, встревоженную фактом мирового зла. Отсюда его близость к проблемам общественности, к правовой философии, взятой в широком смысле и понимаемой, как социальная этика.

Совершенно очевидно, что вопросы личности в ее взаимоотношениях с окружающей средой и государством стояли постоянно в центре раздумий творца Раскольникова. Если проследить весь пройденный им творческий путь, станет ясно, что с первых же своих шагов до самого конца он не перестает искать разрешения труднейшей философской и жизненной проблемы: — как обеспечить отдельной личности, необходимо поставленной в условия общественного существования, полную свободу ее независимого и часто прихотливого духовного роста? Как совместить свободу отдельного индивидуума с непреложными законами коллектива? Как сочетать для совместного существования эти развернувшиеся индивидуальные воли, ни в чем не посягая на их внутреннюю свободу, но вместе с тем стремясь согласовать их для гармонического жизненного целого, для общего действия, для более полной, активной и прекрасной общей жизни?

Другими словами — одним из центральных узлов философии Достоевского была проблема личности и общества.

3.

Права отдельного духа нашли в нем страстного защитника. Какая-то глубокая правда раскрывалась ему в стремлении личности развернуться во всю ширь и полноту: дать в совершенной силе и яркости свое цветение. Часто он всматривался с такой жадной пристальностью в эти одинокие протесты и бунты против всех скреп, плотин и оград общежития, что перед ним самим раскрывались великие соблазны высшего духа освободиться от общеобязательных пут и принять для себя более суровую, свободную и автономную мораль.

Выше всего Достоевский уже в молодости ценил право выдающейся одинокой воли на самобытное и полное развитие, идущее в разрез со всеми налаженными традициями и шаблонной моралью. Права гения, рано осознанные им в своей собственной личности, представлялись ему высшей духовной ценностью, перед которой отступают и никнут все прочие интересы и потребности общей жизни.

Но и помимо вопроса о гениальной индивидуальности, забота об охране прав каждой отдельной личности на свободное и полное развитие выдвигается, в первых же литературных созданиях Достоевского с категоричностью центральной проблемы его мирозерцания. Восстановить в ее исконных и этически незыблемых, но попорченных текущей социальной неправдой правах каждую подавленную и униженную особь, подчас даже не признающую за собою прав на счастье и радостное существование, поднять до уровня человеческого достоинства эту смятую историческим валом людскую массу, где каждая частица обладает священным достоянием своей особенной духовной жизни,—такова господствующая тема его творчества. Вечный протест против признания отдельных живых душ материалом для постройки здания будущей культуры, вечная борьба против допущения индивидуального страдания в основе всеобщего счастья, страстная защита священной неприкосновенности человеческой личности против всех посягательств на нее всемирного исторического процесса,—вот тема, глухо зазвучавшая в странных и жалких письмах первого романа Достоевского и охватившая все его ранние повести; она проходит затем гуманитарной проповедью по «Запискам из Мертвого дома», прорезает дерзким вызовом своеволия его «Записки из подполья», демоническим притязанием сверхчеловеческой морали его центральный роман «Преступление и наказание», чтоб снова связать в последнем произведении Достоевского, в «Братьях Карамазовых», все эти мотивы гуманитарного индивидуализма и титанического произвола

в симфоническое целое единой глубокой и страстной апологии личности, стремящейся к своему высшему проявлению в приближении к Богу.

Но при этом культе личного начала Достоевский постоянно прозревал таящуюся в индивидуализме великую опасность и грозные соблазны. Он ясно различал губительный духовный яд, идущий от обособившейся индивидуальности, от резко отколовшегося и слишком уединившегося члена человеческой общины. В одиночестве — великая опасность, и высокая ценность уединенных раздумий часто не может искупить отмирания лучших душевных тканей и человеческих связей. Уединение разветвляется по духовному организму разлагающим ядом какого-то страшного рака, поражающего его лучшие силы неожиданными недугами ожесточения, ненависти, даже тяги к злодеянию.

В чем же спасение от этой раскрывающейся в самом сердце индивидуализма смертельной опасности? — Только в единении людей, отвечает Достоевский. Свои последние годы он с особенной настойчивостью проводил эту идею. «Дневник писателя» полон горестных раздумий о разрыве в европейском мире всех соединяющих сил, о грозном процессе обособления, разложения и распада западного общества на группы, партии и единицы. — «Когда же пресечется рознь и соберется ли когда-нибудь человек вместе?» — вот основная тема его публицистики. Он убежден, что всякая высшая единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство есть величайшее счастье в жизни нации. И центральным замыслом, становым стержнем всего его учения становится идея всемирного единения людей.

И так же, как проблема индивидуализма, эта задача человеческого единения разрешалась для него в прикосновении к религиозной стихии. Как личность обретает свою высшую правду, вырастая до веры в свое бессмертие, т. е. до религиозного чувства, так и общество устроится только на начале единого всечеловеческого исповедания, переплавив многочисленные государства в духовные общины всемирной церкви. Вера для личности, соборность для общества — так разрешается для Достоевского труднейшая проблема примирения личного и общественного начала.

4.

Эти страстные искания личной и соборной правды рано поставили Достоевского перед дилеммой христианства и социализма. Член кружка русских фюреристов, он в молодости горячо увлекся доктриной раннего социализма, стремившейся осуществить в условиях

современности заветы евангельской правды. Разочаровавшись впоследствии в практике позднейших представителей нового учения, Достоевский с обычной страстностью отрывается от своих ранних увлечений, стремится сосредоточиться целиком на слове и облике Христа, пытается найти путь к всемирному обновлению человечества обращением к религиозной правде.

Все его книги после Сибири посвящены этой задаче. Все они несут следы непрекращающейся в нем напряженной борьбы этих двух устремлений, все они охвачены жгучей потребностью сочетать «правду социализма» с религиозной истиной, растворить высокие мечты новейших социальных реформаторов в глубокой и высшей мудрости новой всемирной церкви. Борьба социализма и Евангелия, Христа и великого инквизитора, земной человеческой и высшей божественной правды — вот отныне пафос всех его книг.

Удалось ли ему преодолеть до конца этот тягостный внутренний конфликт? В эпоху написания «Братьев Карамазовых» и дружбы с Владимиром Соловьевым он был во всяком случае ближе всего к его желанному исходу. До последних же лет его жизни две эти могучие силы, рано столкнувшиеся в сознании Достоевского, не переставали вести борьбу за преобладание в его мировоззрении.

Проследим акты этой подлинной внутренней драмы.

II.

Истоки творчества.

1.

В осенний день, в больнице для бедных, увидел свет Достоевский. Он был крещен в ноябрьское утро в тесной больничной часовне, где необычна была купель с младенцем в повседневной обстановке убогих погребений. Так случайный факт месторождения писателя словно возвещает тот мученический знак, которым до конца отмечена жизненная судьба этого эпилептика, смертника и каторжника.

Два ранних впечатления намечают его внутренний рост. Детство в больнице — вот первая глава его биографии. Жизнь словно торопилась раскрыть ему темные стороны страдания, смерти и нищеты, омрачая всю эпоху его первых впечатлений угрюмым колоритом больницы для бедных.

На исходе детства он принял в душу и другой неизгладимый след. Восьмилетним мальчиком, на Страстной, он отправился с ма-

терью к обедне. В церкви читалась одна из самых таинственных глав Библии. Отрок, раскрыв на аналое большую книгу, читал молящимся сказание об Иове, а восьмилетний мальчик в толпе, впервые и навсегда потрясенный ее возмущенными воплями, обливался слезами, слушая этот первый негодующий вызов праведного великомученика Творцу своих безмерных и незаслуженных мук.

Вот семена, из которых поднялось творчество Достоевского. Тема о вечном бедняке и больном, вырастающая в протест против источника мирового отчаяния—эта проблема Бога и человека, поставленных лицом к лицу для великого поединка за нарушенное право земного страдальца на счастье—вот глубокая подпочва, куда уходят корни того огромного мира, который двинулся в жизнь с первым письмом Макара Девушкина, чтобы замкнуть свой круг надгробной речью Алеши Карамазова.

2.

На этом фоне больничных и церковных впечатлений возникают два устремления зарождающейся нравственной жизни Достоевского. Это прежде всего мечта о прекрасном человеке. Уже в детстве в душе его пробуждаются стремления к воплощению в своей собственной личности и судьбе совершенного нравственного образа. Его охватывает страстная жажда благообразия. Он уже в эту пору должен с волнением вчитываться в жития святых и вслушиваться в рассказы о таких светлых подвижниках, как благочестивейший доктор Гааз, тогдашний московский тюремный врач, праведнейший из праведников, „святой доктор“, как его называли арестанты. Гораздо позже в своем „Идиоте“ Достоевский в тоне житийного повествования дает благоговейную характеристику этого христианского подвижника. И уже незадолго до смерти, в набросках к „Житию великого грешника“, Достоевский обозначает именем старого московского доктора светлый момент в истории своего преступного героя. Великий грешник „кончает воспитательным домом и Газом становится: все яснее“—таков эпилог долгой, темной и мучительной эпопеи.

Другое раннее устремление его направлено к искусству, ко всей широкой области человеческого творчества. Его отроческое увлечение великими созданиями мировой поэзии и особенно Пушкиным, его посещения Московских соборов и Троицкой Лавры, где он пристально всматривается в создания древней иконописи, оставляют глубокие следы в его душе. Он уже инстинктивно влечется к этому миру воплощенного прекрасного, он всем своим существом

приобщается к той сфере, которая зародит впоследствии для него мучительную проблему о таинственной и грозной сущности земной красоты.

Впечатления от церковной живописи особенно знаменательны. Здесь корень будущих раздумий Достоевского о новом христианском искусстве. Москва с ее куполами, образами, соборами и часовнями вызвала его позднейший интерес к православной иконописи и церковному зодчеству. Уже в одной из своих ранних повестей он описывает вечерний час в маленькой церкви, где в густеющих сумерках ярче блещет образ Богородицы в зареве лампад и восковых свечей. И в одном из своих последних романов он любовно вспоминает старинную Московскую церковку, выстроенную еще при Алексее Михайловиче—«узорчатую, многоглавую и в столпах».

Так уже к ранним годам жизни Достоевского относится глубоко взволновавшее его впечатление от Евангелия и старых икон—возникновение той струи его внутренней жизни, которой до конца суждено было углубляться и расти в нем. В раннем детстве, когда жизнь проявлялась перед ним в болях и слезах больничного быта, — мир человеческих верований уже раскрывался ему в библейских преданиях, а мир искусства—в наивных иллюстрациях священной истории, в иконописи Марииинской церкви, фресках Троицкой лавры и старинных образах деревенской часовенки.

Вот почему он навсегда сохранит тон такой глубокой думы во всех своих словах о Христе, вот почему в нем чувствуется впоследствии такой живой интерес к вопросам церковного быта, а его пейзажи до последних страниц сохраняют черты древней иконописи.

III.

Романтизм.

1.

Следующий этап в слагающемся миросозерцании Достоевского—его юношеское увлечение романтизмом. Под этим знаком прошли его школьные годы. В московском пансионе и в петербургском инженерном училище Достоевский являет ярко выраженный тип русского романтика тридцатых годов.

Атмосфера романтического творчества веяла над первым ростом его идей. В школьных чтениях Достоевского господствуют писатели новейшей идейной формации. Правда, он с восхищением отзывается о старых классических поэтах, но подражать им он не собирается.

Он может восхищаться Расином и Корнелем, но для своих первых драм он выбирает не Федру и не Сиду, а героев шиллеровского и пушкинского театра—Марию Стюарт и Бориса Годунова. Он может проникновенно декламировать Державина,—но вспоминая после каторги свои юношеские чтения, он называет Манфреда, Лермонтовский Маскарад, Пушкинский Выстрел.

Он может, наконец, исповедывать классическую поэтику и мечтать о строгой, чистой, безукоризненно отшлифованной форме,—но сам начинает писать в том разбросанном, сумбурном и беспорядочном тоне, который сразу обнаруживает в авторе „Двойника“ типичные романтические вкусы, навыки и наклонности. Знаменательно, что при всей своей начитанности в классической поэзии, он для своего первого создания выбирает эпиграф из князя Одоевского.

Этот автор имеет особое значение в ряду многочисленных романтических учителей Достоевского. Одоевский был первым создателем у нас того жанра, который Бальзак назвал *conte philosophique*. Он утвердил в нашей литературе форму философского диалога, философской новеллы, сказки или повести. Достоевский сразу почувствовал здесь желанную школу для своего будущего романа.

В „Русских Ночах“ два мирозерцания сталкиваются и ведут борьбу, как впоследствии в диспутах „Бесов“ или „Братьев Карамазовых“. В основе этих философских повестей—скрытый спор об атеизме и вере, о России и Европе, о правде восточного и западного мира. Одоевский уже категорически ставит будущие проблемы Достоевского о трагизме неверующего духа, о русском мессианизме, о разложении Европы, о необходимости сочетать счастье и интересы отдельной личности с гармоническим существованием всех.

Так Достоевский питается романтизмом из книг. Гоголь и Гофман, Байрон и Гюго, Вальтер-Скотт и Бальзак с различных сторон раскрывают ему пути нового движения. Вместе с его классическими симпатиями просачиваются понемногу в его душу начала новой поэтики. И когда в одной фразе своего письма он сближает Гомера, Гюго, Христа и Державина, мы чувствуем в этом неслыханном сопоставлении всю беззаветную веру юного романтика в поэтическую универсальность творческого духа, стирающего всякие грани между эпохами, странами, народами и различными поэтическими жанрами.

2.

На фоне этого романтического мистицизма проходит перед Достоевским первое откровение о личности. В поэмах Байрона и Лер-

монта, у Виктора Гюго и Гофмана, в целой плеяде байронических героев он впервые всматривается в остро поставленную перед ним проблему индивидуализма. С исключительной резкостью и определенностью личность в этих романтических поэмах отрезает себя от общественной среды, становится к ней во враждебное отношение, бросает ей вызов и объявляет борьбу. Коллективной морали противопоставляется закон произвола властной природы. Оправдание преступления, как проявление высшей свободы личности, предоставляющей ей возможность навсегда отделиться от коллектива, поэтизация грешника, разбойника, каторжника, блудницы—все это пути к замене тусклой, традиционной и трусливой морали, разлагающей всякую своеобразную волю, высшим исповеданием освобожденного духа. Манфред, Арбенин или пушкинский Сильвио, герои, над которыми пылал душой юноша Достоевский и ядовито издевается герой „Записок из Подполья“—являют различные варианты мрачного протестанта, могучего духа, демовической природы, сверхчеловека или титана—этого основного романтического типа, достигающего высшего своего проявления в образе Раскольникова.

Но уже в самом романтизме намечалось преодоление этого отрицательного индивидуализма. Обычная участь всех этих байронических титанов—гибнуть в бесплодном одиночестве своего отпадения от человеческой среды. „Гордый человек“ оказывается обычно осужденным на полный крах своей жизни и философии.

Так в сфере романтических идей индивидуализму противопоставилось свое учение о соединении людей, их праведном всемирном устройстве. Излюбленная формула романтизма—от Золотого Века к Царствию Божию—выражает сущность целой исторической философии, чрезвычайно близкой к учению Достоевского о грядущих судьбах европейского человечества. В замечательной статье Новалиса „Христианский мир и Европа“ словно предчувствуются будущие тенденции Дневника Писателя.

Романтизм по существу своему был течением мистического характера и этим он полнее всего отвечал душевным потребностям Достоевского. Мистический корень его природы находил здесь обильные жизненные соки, и неудивительно, что романтизм стал одним из этапов на пути его религиозного роста. В годы учения Достоевского несложное и простодушное христианство его ранней поры окрашивается в тона романтического мистицизма, углубляя его религиозную настроенность и выдвигая перед ним новые творческие задачи.

IV.

Утопический социализм.

1.

Прямой путь от романтизма вел Достоевского к раннему утопическому социализму. Это первое образование социалистической доктрины было в значительной степени перерождением романтизма.

Как отметил впоследствии сам Достоевский, ранний социализм ставил себе миссией возрождение христианства, обновление человечества евангельской правдой. Фурьеризм был демократическим мистицизмом.

Ранний утопический социализм был религиозным учением об обновлении человечества и о великой будущей гармонии мировой жизни. Мечта о Золотом Веке была его основной заботой. Все планы земного переустройства он поднимал в своих видениях и предназначениях до высот новой веры и мессианского служения.

Не ограничиваясь перспективами земного благополучия, он грешил о полном преображении вселенной и предсказывал это космическое перерождение в том вдохновенно пророческом тоне, который всегда столько говорил сердцу Достоевского. Неудивительно, что эти пламенные мечты о всеобщем счастье и верховной красоте мира глубоко потрясли его душу и навсегда оставили на ней неизгладимые следы¹⁾.

Такой социализм религиозного уклада был исповеданием молодого Достоевского. Ему был чрезвычайно близок дух Апокалипсиса и мессианизма, насквозь пронизавший эти утопические учения. Во многом не сочувствуя революционной практике и осуждая террор, Достоевский искренно и сильно увлекался философией раннего социализма, горячо сочувствовал его задачам и на всю жизнь сохранил глубокий интерес к его основным идеям.

¹⁾ Русские фурьеристы восприняли глубоко религиозный характер учения Сен-Симона и его последователей. Книга Сен-Симона «Le nouveau christianisme» имелась в библиотеке Петрашевского, которой пользовались члены его кружка. Достоевский брал из этой библиотеки книгу Каба «Le vrai christianisme suivant Jésus Christ» и французский перевод известной книги Штрауса «Das Leben Jesu». Один из членов кружка Тимковский доказывал на собраниях «путем чисто научным» божественность Иисуса Христа, рождение Его от Девы, неминуемость Его пришествия и т. п. Другой член кружка А. П. Милуков читал на собраниях свой перевод на церковно-славянский язык «Paroles d'un stoïque» Ламенэ. В известном «Карманном словаре иностранных слов» Кнриллава, (псевдоним Петрашевского) имелась обширная статья Неохристианизм (См. статьи В. И. Семевского, М. В. Буташевич-Петрашевский и «Петрашевцы» в «Голосе Минувшего», 1913--1915; Вестн. Евр., 1916, XI, также сборник «Петрашевцы» и материалы Ор. Миллера («Биография, письма» и проч.)

„Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма, свидетельствует он сам к концу жизни.— Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда даже некоторыми из коноводов его с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческим будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 48-го года были охвачены обаятельным влиянием этих идей“.

Вот заявление решающего характера в вопросе о раннем социализме Достоевского¹⁾. Не принимая целиком какой-либо его доктрины, не примыкая официально к его приверженцам, относясь критически к некоторым практическим его предначертаниям, особенно к жизни в Икаринской коммуне или фаланстере, Достоевский прозревает в философии раннего социализма родственное его собственным мечтам и замыслам учение о будущем золотом веке и полном осуществлении евангельской заповеди.

Вот почему многие вожди раннего социализма оказались созвучными заветным мечтам юного Достоевского. Это особенно относится к Фурье.

¹⁾ Достоевский неоднократно сам категорически заявлял о социалистических убеждениях своей молодости. Говоря о „страстном социализме“ Белинского, он замечает: „я страстно принял тогда все учение его“. В письме к Тютчеву из Семипалатинска в 1856 г., в котором каждое слово взвешено, Достоевский сознается, что в молодости он был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства... „Я был слеп, верил в теории и утопии“ (Сборник „Петрашевцы“, стр. 157). В „Дневнике писателя“, в эпоху единодушного возмущения реакционной печати делом Нечаева, он называет себя „старым Нечаевцем“, и решается на признание: „Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но Нечаевцем, не ручаясь, может и мог бы во дни моей юности“ (Соч. IX, 336). Диктуя уже незадолго до смерти биографические сведения о себе, он заявляет: „прежние же социалистические убеждения его весьма изменились“. (Краткие биографические сведения о Ф. М. Достоевском, Соч. изд. 7, т. 1). В письме к Майкову из Швейцарии, жалуясь на недоверчивое отношение к себе правительства, Достоевский пишет: „Каково же вынести это человеку чистому, патристу, предавшемуся им (т. е. правительству) до измены своим прежним убеждениям? (письма, 192). И даже в показании следственной комиссии, в котором Достоевский отрицает свою приверженность социализму, он категорически высказывает свое сочувствие многим его идеям: социализм это наука брожений, это хаос, это — алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии; хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что нибудь стройное, благоразумное, благодетельное для общественной пользы, точно так же, как из алхимии выработалась химия, а из астрологии — астрономия“ (Гол. Мин. 1915, XII 39). Замечательно, что когда в кружке Дурова решено было изучить общими силами „современное состояние России“ по принципу монографического изучения какой-либо одной стороны вопроса, и каждый выбрал наиболее близкую тему (законодательство, крестьянский вопрос, военное дело) Достоевский взял на себя „изучение социализма“ (Голос Минувшего, 1915, XII, 44).

2.

Пророк нового золотого века в эдеме своей фаланстеры, Шарль Фурье, как и Сен-Симон, был прежде всего глубоко религиозным и христиански настроенным мыслителем. Это был утопист-поэт, страстно верующий в возможность преобразовать природу философской системой и в конечном счете даже изменить новой формой земного общежития движение светил и воздушных течений.

Не как литературная метафора, а со всей непреложностью природных законов, ему мерещилось в далеке времен новосозвездие Северной Короны, венчающее преображенную по его плану вселенную.

В грандиозных начертаниях этой поэтической экзальтации, втиснутой в глубокие борозды точно очерченных схем, чувствуется то космическое ощущение, с которым впоследствии Достоевский охватывал вихрь квадриллионов тысячелетий в пустынях междупланетных пространств.

Книги Фурье—это целые философские поэмы. На каждом шагу здесь чувствуется глубоко артистическая натура их автора. Страстный любитель музыки, он вносит в свои социальные построения принцип художественной гармонии и преобразует эту потребность ритмического начала в повелительное требование справедливости. Все это разворачивается в широком потоке метафор, образов и поэтических картин.

Достоевский сразу рассмотрел в безудержном размахе его творческих фантазий нечто родственное своим заветным душевным запросам. Прорицающий тон французского утописта, мессианство его учения и весь политический Апокалипсис его космогонии как нельзя лучше отвечали каким-то заветнейшим душевным потребностям и смутным влечениям Достоевского. Несмотря на свои споры с петрашевцами он никогда не скрывал своего восхищения перед их учителем. Пренебрегая явной опасностью, он даже в своем показании следственной комиссии, написанном в Петропавловской крепости, не в силах был обесценить критическими оговорками дорогое его сердцу учение. После нескольких возражений он дает полную волю своему восторгу.

«Она очаровывает душу своею изящностью,—не без волнения характеризует он в своем официальном показании систему Фурье,—обольщает сердце той любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он составлял систему свою, и удивляет ум своей стройностью. Привлекает она к себе не желчными нападками, а вооду-

шевляющей любовью к человечеству. В системе этой нет ненавистей...»

Евангельский дух фурьеризма особенно привлек к нему Достоевского. Сам Фурье, безусловно отвергнувший всю моральную философию от Сократа до Руссо, из всех духовных реформаторов истории одного Христа хотел сохранить для будущего человечества. К нему, и только к нему, он не применяет своего анархического принципа абсолютного устранения всех теорий прошлого.

Он постоянно стремится установить полное соответствие своего учения с мудростью Нового Завета и обильно уснащает свои писания евангельскими цитатами.

Достоевский широко и радостно принял это учение. Не погружаясь в его критику, он жадно припал всем своим духовным существом к источнику этой величественной утопии о полном преображении грешного и темного мира в грядущем Золотом Веке.

3.

Но рядом с этими ранними социалистическими попытками разрешения проблемы общественного устройства перед Достоевским возникали и противоположные течения—крайние индивидуалистические исповедания. Знаменательный и важный факт в росте воззрений Достоевского—знакомство кружка петрашевцев с книгой Макса Штирнера «Единственный и его достояние».

Книга эта находилась в общей библиотеке кружка Петрашевского, которой пользовался и Достоевский. Не может быть никакого сомнения, что в философских спорах кружка русских фурьеристов, темы этого волновавшего тогдашнее молодое поколение трактата обсуждались и дебатировались, а зажигающие идеи этого нищезнания *avant la lettre* оплодотворяли умы наших ранних социалистов, вербуя адептов или возбуждая возражения. Отсюда Достоевский мог узнать первое учение о полном обожествлении конкретной человеческой личности, как высшей и абсолютной ценности в системе мироздания. Этот культ и апофеоза одинокого духа впервые раскрывали неуклонный путь от крайнего титанического индивидуализма к атеизму и богоборческому бунту. Это обезбожение неба и страстное обожествление человека, которому все позволено, должны были навсегда поразить Достоевского.

Остро и болезненно должны были вонзиться в сознание страстного искателя мировой правды дерзкие тезисы этой странной книги: «Бог занят только собою, следовательно и Я могу опереться на меня.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

1876.

ФЕВРАЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

О томъ, что всѣ мы хорошіе люди. Сходство русскаго общества съ маршаломъ Макъ-Магономъ.

Первый № „Дневника Писателя“ былъ принятъ привѣтливо; почти никто не бранилъ, то есть въ литературѣ, а тамъ дальше я не знаю. Если и была литературная брань, то незамѣтна. „Петербургская Газета“ поспѣшила напомнить публикѣ въ передовой статьѣ, что я не люблю дѣтей, подростковъ и молодое поколѣніе, и въ томъ же № впису, въ своемъ фелъетонѣ, перепечатала изъ моего „Дневника“ цѣлый рассказъ: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“, по крайней мѣрѣ свидѣтельствующій о томъ, что я песовсѣмъ ненавижу дѣтей. Впрочемъ это все пустяки, а занимателенъ для меня лишь вопросъ: хорошо или не хорошо, что я всѣмъ угодилъ? Дурной или хорошій

это признакъ? Можетъ быть вѣдь и дурной? А впрочемъ пѣтъ, зачѣмъ же, пусть лучше это будетъ хорошій а не дурной признакъ, на томъ и остановлюсь.

Да и въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мы всѣ хорошіе люди, ну, разумѣется, кромѣ дурныхъ. Но вотъ что замѣчу къ слову: у насъ можетъ быть дурныхъ то людей и совсѣмъ нѣтъ, а есть развѣ только дрянные. До дурныхъ мы не доросли. Не смѣйтесь надо мной, а подумайте: мы вѣдь до того доходили, что за неимѣніемъ своихъ дурныхъ людей (опять таки при обиліи всякихъ дрянныхъ) готовы были, напримеръ, чрезвычайно цѣпить, въ свое время, разныхъ дурныхъ челоѣчковъ, появившихся въ литературныхъ нашихъ типахъ и заимствованныхъ большею частію съ иностраннаго. Мало того, что цѣнили, — рабски старались подражать имъ въ дѣйствительной жизни, копировали ихъ и въ этомъ смыс-

Так же, как Бог, Я отрицание всего остального. Для меня нет ничего выше меня. Что мне за дело до того, по христиански ли я поступаю или нет?»

Стоит вспомнить основные тезисы Раскольникова, Кириллова, Ивана Карамазова, чтоб почувствовать, какое глубокое, навсегда неизгладимое впечатление произвела на Достоевского эта философия человекобожества.

Здесь впервые, на вспаханном романтическим плугом и еще не обсемененном поле мировоззрения Достоевского завязалась отчаянная борьба. Где же правда? В возможности-ли обновить человечество мудростью и практикой первохристианства или же в отрицании евангельской заповеди и в яростном протесте против всякого соединения разрозненных и враждующих особей? В чем же конечный смысл истории и задача индивидуального подвига? В духовном синтезе всего человечества или же в распылении его на мельчайшие частицы, во всемирном ли единении людей, или же в презрении ко всякому человеколюбию, в культе беспредельного личного произвола, в апофеозе Единственного?

Эта борьба, завязавшаяся в сознании двадцатилетнего Достоевского, длилась всю его жизнь. Только к самому концу своего творческого пути он приближается к желанному исходу.

4.

Но первая стадия этой битвы — победа мирного, единящего евангельского начала. Уже соблазненный чарами романтического индивидуализма и штирнерианского анархизма Достоевский, повидимому, еще легко преодолевает эти соблазны и страстно принимает противоположную правду — индивидуализм гуманический, христиански-социалистического свойства, озабоченный участью бедных людей, униженных и оскорбленных. В 40-х г.г. Достоевский — социалист, пламенно принявший в свою душу это исповедание ранних утопистов, так полно отвечающее христианским впечатлениям его детства и романтическим увлечениям его юности.

Фурьеризм был естественным и неизбежным этапом на пути его развития. Юноша Достоевский горячо верит в возможность обновить человечество, прекратить великие исторические трагедии, объединить людей для новой жизни по вдохновляющим замыслам провозвестника новой эры Шарля Фурье.

Таков первый определенно выраженный этап в миросозерцании Достоевского. Он за всемирное объединение человечества на началах

того утопического социализма, который так близок к духу первохристианства, он за полноправное восстановление всякой попорченной человеческой личности, в духе тех же евангельских традиций. При этом он решительно восстает против эгоистических устремлений безграничного демонического индивидуализма с его обожествлением человека и бунтом против Творца.

V.

Наедине с Евангелием.

1.

Новый опыт открывается ему на каторге. Мечты романтиков и утопии ранних социалистов—их учение о человеке и об обществе—Достоевский проверяет в банде клейменных преступников. Теоретические представления о человеке сталкиваются с простыми и грубыми клочками действительности. Шиллерский тип совершенного человека подвергается проверке на личностях омских каторжников. Вера в прекраснодушие будущих обитателей фаланстеры выдерживает тяжелое испытание в казармах Мертвого Дома.

Здесь Достоевский убеждается в том, что человек в действительности совершенно не таков, как его мыслят теоретики всеобщего счастья. Грехи, страсти, хищные вождения, дикие прихоти разнузданной чувственности спутывают и разбивают вдребезги все теории и планы о наступлении земного рая. Филантропы и утописты забывают, что есть человек-зверь, человек-паук, сладострастное и жестокое насекомое,—тот хищный вид человеческой породы, чудовищные экземпляры которого можно в обилии наблюдать в каком-нибудь Омском остроге.

Но в этом скоплении отверженцев Достоевский прозревает какую-то новую правду о тайнах человеческой личности. Эти нераскаянные убийцы поражают его цельностью своей внутренней организации, могучим закалом своей преступной воли. Нечто величественное и мощное раскрывается ему в этих стальных натурах, и его раздумия о сильной личности окрашиваются впервые в мрачные тона аморализма и титанических притязаний.

Но тут же на каторге он сближается и с иными духовными организациями. Он узнает людей евангельского толка, всматривается в них, учится по ним углублять в себе устремления к облику прекрасного человека. А главное, в течение нескольких лет его единственная

книга—Евангелие. Так на каторге углубляется инстинктивное христианство его ранней поры и осложняется всей тяжестью демонических притязаний его прежняя несложная концепция проблемы индивидуализма. В последующих произведениях не перестанет расти и крепнуть эта резко обострившаяся на каторге дилемма титана и Христа.

2.

Евангелие было единственной книгой Достоевского в острожные годы. В Сибири перед ним, повидимому, впервые возникает сложная проблема христианского искусства. В Семипалатинске он много размышляет и даже пишет на тему о назначении христианства в искусстве. Перед ним раскрывается и наново озаряется целый путь для его собственного творчества. И вскоре по выходе из каторги он пытается наметить вехи этого обновленного религиозного творчества. Он считает, что основная мысль всего искусства 19-го столетия — «восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых париев общества. Проследите все европейские литературы нашего века, и вы увидите во всех следы той же идеи и может быть хоть к концу-то века она воплотится наконец вся целиком ясно и могущественно в каком-нибудь таком великом произведении искусства, что выразит стремления и характеристику своего времени так же полно и вековечно, как например „Божественная Комедия“ выразила свою эпоху средневековых католических верований и идеалов»¹⁾.

Так углубляется на каторге евангельское мирозерцание Достоевского. Ему нужен теперь подлинный Христос, первоначальный, абсолютный и полный, не исправленный Сен-Симоном или Пьером Леру, не подновленный в духе потребностей времени.

Но это углубление религиозного чувства было отмечено своеобразной чертой: Достоевский осознавал своего Христа на каторге. В среде глубокого духовного падения и мрака, под звон кандалов и ругательств невыразимого цинизма, среди проклятий и бесстыдного хохота он медленно перечитывал Евангелие. Это исключительно важное обстоятельство для оценки его понимания евангельских текстов и образа самого Спасителя. Только в толпе клейменных каторжников, закандаленных разбойников и добровольных палачей могли зародиться представления Достоевского о „презрении“ Христа к людям, или же

¹⁾ «Забытые и неизвестные страницы Ф. М. Достоевского». Пгг., 1918, I, 230—231

глубокое убеждение его, что „великий идеалист“ не знал человеческой природы и чрезмерно переоценил ее в своих нравственных предписаниях. Подчас даже самый облик Христа окрашивался в его представлении в мрачные тона его каторжных впечатлений. В такие минуты суровые складки прорезали для него облик Спасителя, и неожиданные, быть может, никем до него не выраженные представления о Христе возникали в его сознании. В такую минуту он записал в рукописи „Подростка“:

„Без сомнения, Христос не мог нас любить, таких как мы есть. Он нас терпел, Он нас прощал, но конечно презирал; я по крайней мере не могу понять его лика иначе. Любить своего ближнего и не презирать его невозможно“¹⁾.

Все последующие книги Достоевского посвящены проблеме Христа в современной жизни. Почти весь после-сибирский период его творчества стоит под знаком пропаганды всемирного религиозного объединения. Глубокий драматизм этому творческому и философскому заданию сообщается неистребимым скептицизмом Достоевского, упорно подрывавшим все его возникающие верования в будущую духовную гармонию человечества. С годами для него становилась все очевиднее утопичность всех стремлений к конечному, совершенному, всеобщему блаженству на земле. И этот трагизм поднявшейся в нем философской борьбы социализма и христианства усугублялся вечно-присущим ему внутренним конфликтом мечты о золотом веке с глубокой уверенностью в его неосуществимости.

VI.

Крушение идеализма.

1.

Первоначальные убеждения Достоевского подверглись в каторжном одиночестве строжайшему пересмотру. И когда после десятилетней ссылки Достоевский возвращается из Азии в Европу, от его прежнего романтико-социалистического исповедания не остается и следа. Каторга выжигает всякую мечтательность. Суровый, жестокий, саркастический тон раздается теперь в созданиях Достоевского по адресу всяких мечтателей, Шиллеров, романтиков, утопистов. Кажется, нет такого оскорбления, которое Достоевский не бросил бы в лицо этим прекраснодушным оптимистам. Он считает себя вправе строго су-

¹⁾ См. настоящий сборник, стр. 27.

дить и беспощадно осуждать. Пережитый острог и эшафот— да разве это не достаточный опыт, чтобы судить с суровостью невинно-осужденного и обвинять с жестокостью долголетнего сожителя разбойников и клейменных?

Наступает новый этап в миросозерцании Достоевского. Над началом филантропическим и духовно-общественным одерживает победу философия личной воли, дерзающего индивидуализма, цинического бунта против всяческих попыток коллективного устройства. Отвергается всякая планомерная организация людей, как бессмысленная утопия. Тенденциям всемирной истории противопоставляется неограниченное право личной воли. Раздается презрительный памфлет на идеалистов и утопистов в гениальных „Записках из подполья“, возникает одно из величайших созданий Достоевского „Преступление и наказание“, где все вопросы, в течение двадцати лет терзавшие Достоевского в многолюдстве кружков и в каторжном одиночестве, ставятся с небывалой остротой, но еще окончательно не разрешаются.

Вообще победа отрицательного индивидуализма далеко не полна, и враг не уничтожен. Несмотря на господство этого титанически-личного начала, борьба обеих стихий за преобладание в миросозерцании Достоевского продолжается. Снова, как и до каторги, перед ним, лицом к лицу, стоят две возможности, два устремления, две идеи: безграничный расцвет дерзающей личности, хотя бы через преступление, и проблема восстановления задавленных индивидуальных душ, чье возрождение возможно только с торжеством всеобщей социальной правды, объединяющей на духовных началах все касты, нации и расы.

Гуманизм социалистического толка продолжает питать создания Достоевского. В духе своего раннего творчества он пишет „Записки из мертвого дома“ и „Униженных и оскорбленных“. Проблема индивидуализма здесь выступает в прежних положительных тонах. Достоевский словно стремится поддержать свою раннюю репутацию автора социальных романов с их филантропическими и реформаторскими тенденциями. Окрылявший его в молодости пафос сострадания к париям общественной и личной жизни вдохновляет его на изображения сибирских „несчастных“ и петербургских „отверженных“. В этом настроении он и пишет свои каторжные мемуары, которые Толстой признал лучшей книгой всей новой литературы, по своей изумительной христианской точке зрения.

2.

Первая поездка Достоевского за границу поднимает в нем целую волну новых мечтаний о наступлении всеобщего счастья и конечном

человеческом объединении. Удручающее впечатление производит на него та глубокая и мрачная общественная неправда, которую он одинаково наблюдал в европейских центрах—в Париже и Лондоне. Его „Зимние заметки о летних впечатлениях“—один из самых могучих его протестов против беспощадного подавления личности колесом катящейся истории. Великолепие всемирной выставки в Лондоне с ее хрустальным дворцом для пышной демонстрации всех завоеваний цивилизации, и рядом страшный Вайтчапелъ „с его полуголым диким и голодным населением“, где белые негры справляют свой угрюмый шабаш—эта разительная антитеза сразу обратила думы Достоевского к его вечной теме о духовном воссоединении разрозненных человеческих единиц, для восстановления каждой поруганной личности. К этому его властно обращает ужас перед картиной механического соединения людей вокруг павильонов всемирной выставки, случайное стадное сборище представителей всех национальностей вокруг этого нового Ваалова алтаря. Неужели же в этом воскресшем Вавилоне дано то последнее соединение людей, о котором грезили пророки и апостолы?¹⁾

И вот, потрясенный этим зрелищем до возмущения и глубокого гнева, Достоевский пишет свою „Исповедь“, как назывались первоначально „Записки из подполья“. Не находя нигде, даже в стране „святых чудес“—в Европе, элементов для вечно ускользающего всеобщего счастья, Достоевский словно на минуту решается быть последовательным до конца и откровенным до цинизма, чтобы высказать весь накипевший за два десятилетия мучительный скептицизм.

„Записки из подполья“—одна из самых обнаженных страниц Достоевского. Никогда впоследствии он не раскрывал с такой полнотой и беззастенчивостью все интимнейшие, не предназначенные на

¹⁾ Интересно сопоставить с „Зимними заметками“ Достоевского „Заметки Русского в Париже“, напечатанные в „Отечественных записках“ 1859 г., XI (книжка, в которой помещена 1-ая часть „Села Степанчиково“). В статье, между прочим, говорится: „Не понимаю, как до сих пор никому не пришло в голову написать историю литературного разврата во Франции“... (стр. 1; статья с особой нумерацией): „Париж подобен теперь Афинам и Риму в эпоху упадка: благодаря разладу семейной жизни и отсутствию высших интересов, публика, а за нею и литература и театр, обратились к куртизанкам и к их покровителям, героям биржи... Никогда, даже во времена регентства, les impures не были в таком почете“ (стр. 6); „Политическая свобода никак не может пустить корней (во Франции). (стр. 13). Буржуа слово эластическое. Это не сословие а общественное положение. Двери в буржуазную храмину раскрыты, и в них входит всякий, кто своим трудом, умением, или просто счастливым случаем приобрел капитал“ (21). „Но предчувствовать, угадывать иной порядок позволительно и не мечтательно: это такой порядок, когда люди увидят невозможность достигнуть братства путем доставшихся с боя исключительных начал (fraternité ou la mort)... На выработанные кровью сокровища не купить им высшего блага людей“ (стр. 32),

показ, тайники своего духа. Это первая у Достоевского критика социализма, первое открытое превозглашение эгоистического и аморального индивидуализма. С презрением и богохульными насмешками Достоевский сжигает и топчет все, чему поклонялся в годы близости к Белинскому и Петрашевскому. Он словно вымещает на духовных вождях своей юности тяжкие годы каторжных испытаний. Словно считая их виновными в своих великих страданиях, Достоевский клеймит их оскорбительными суждениями и чисто памфлетическими выпадами. Романтизм и социализм, питавшие фантазии и раздумья юноши Достоевского, признаются теперь тем „прекрасным и высоким“, которое сильно-таки надавило затылок за сорок лет. Вожди утопического социализма с ядовитейшей иронией называются теперь „любителями рода человеческого“, благонравными и благоразумными людьми, „надзвездными романтиками, а учения их—„системами счастья“, теориями раз'яснения человечеству настоящих нормальных его интересов...

Отвергается раз навсегда, в силу иррациональной природы человека, возможность устроить людей по заранее обдуманному плану, и в противовес утопическим построениям фюреристов провозглашается безграничная свобода человеческого хотения, законность его страсти к разрушению и хаосу, неприкосновенность всех прихотей и разрушительных капризов индивидуального произвола. Опять фюреризму противопоставляется Штирнер, но на этот раз победа остается за единственным и его достоинством.

VII.

Философия соборности.

1.

Но мистик не мог примириться в Достоевском с этими богоборческими течениями крайнего титанического индивидуализма, и снова возникала борьба двух стихий. Религиозная озабоченность Достоевского не давала ему успокоиться на подпольных формулах обожествления индивида и снова влекла его к переоценке всех догматов его раннего мировоззрения. В „Преступлении и наказании“—этом центральном произведении Достоевского—дается решительное сражение, в котором начала личности и соборной правды сталкиваются в смертельной схватке. Перед нами с одной стороны подлинный титан, проверяющий свою гениальность кровопролитием, закаляющий свою сверхчеловеческую мощь в преступлении, открыто признающий для

людей высшей расы, для Наполеонов и Александров Македонских, право на освобождение от общей морали и даже на преступление. А вокруг него тягостной и щемящей картиной разворачивается тот мир душного греха, унижений, позоров и страданий, который снова выдвигает на первый план священную задачу реставрации человеческого облика в заглохших и растоптанных ростках людской среды.

Не только в действии всего романа, но в самом сердце его главного героя, завязывается и длится эта борьба: Раскольников считает себя гением и проверяет свою мощь убийством, но он не перестает страдать и скорбеть о всех гибнущих, хиреющих, подавляемых жизнью. Притязания автономной личности не подавляют в нем живой стихии альтруизма, и роман обрывается на том, как Раскольников после долгих лет головных бунтов и насилий над своею совестью впервые задумывается над раскрытым Евангелием.

2.

В последующих романах Достоевского раскрывается и углубляется этот религиозный путь его правдоискания. Кровавому индивидуализму Раскольникова противопоставляется в „Идиоте“ расцвет личности прекрасного человека, христианского праведника. В „Бесах“ под непосредственным впечатлением Парижской коммуны пересматривается вопрос о социализме и чрезвычайно обостряется проблема личного спасения обликом и словом Христа. В „Подростке“ раскрывается вся гибельность уединения, вся опасность обособления и одиночества для юной, одаренной и ищущей души, спасаемой от преступного шага Раскольникова одним ранним религиозным влиянием. И наконец, в „Братьях Карамазовых“, в этой намеченной и не завершенной эпопее великого грешника, синтез верующего духа и мирской жизни проводится с категоричностью проповеди, отвергается для юного искателя идеал и форма монашества, требуется искус религиозной совести в миру, в человеческой среде, среди грехов, страстей и повседневных дразг, определенно проводится новая идея религиозной общности.

Это последняя стадия в долголетней внутренней борьбе Достоевского. Тяжелая и мучительная драма разрешается. Путь Достоевского привел его к исходу из этого конфликта священных прав личности с такими же незыблемыми законами общей жизни. Одно личное общение чрезвычайно облегчило Достоевскому рождение этой завершающей фазы его учения.

Последнее десятилетие жизни Достоевского ознаменовано дружбой с Владимиром Соловьевым. Эта тесная дружба стареющего писателя с юным философом представляет собой одну из интереснейших страниц в истории русской мысли. Чрезвычайно родственные и близкие духовно, они в частых беседах взаимно проникают друг друга своей духовной жизнью, обмениваются воздействиями и влияниями. Обмен этот принимает сразу необычный характер: здесь не столько знаменитый писатель учит своего младшего друга, сколько сам поддается глубокому и чарующему воздействию этого гениального юноши.

Существует мнение, что Вл. Соловьев послужил прототипом Алеше Карамазову ¹⁾. Во всяком случае „Чтения о Богочеловечестве“ навсегда сблизили Достоевского с Соловьевым ²⁾. В этом труде молодой философ дает изложение истин положительной религии и выражает протест против стремления современной цивилизации устроить человечество вне религиозной сферы. Не пытаясь опровергать социализм и свободно признавая всю его правду, Вл. Соловьев считает несостоятельными притязания социализма стать высшей нравственной силой и осуществить христианскую мораль. В области общественных отношений и в сфере знания доктрины социализма и позитивизма одинаково приводят к признанию необходимости религии. Религиозное начало является единственным действительным осуществлением свободы, равенства и братства.

Вопрос об отношении церкви и государства разрешается Соловьевым в том именно смысле, в каком ставится и разрешается этот вопрос в первых главах „Братьев Карамазовых“. Вл. Соловьев отстаи-

¹⁾ См. Michel D'Herbigny „Vladimir Soloviev“, P. 1911, p. 86.

²⁾ Об этом нам свидетельствовала А. Г. Достоевская: „Когда Вл. Соловьев в 1878 г. читал в Соляном Городке лекции о Богочеловечестве, Федор Михайлович не пропускал ни одной из этих лекций“. См. также I. B. Severac „Vladimir Soloviev“, p. 11: „Les leçons sur l'Humanité-Dieu eurent un grand succès et valurent à Vladimir Soloviev l'amitié du grand écrivain Dostoïevsky“. — Уже в середине 70-х гг. Вл. Соловьев становится в центре внимания русских религиозно-философских кругов. В своей статье „Философский диспут 24 ноября“ Н. Страхов сообщает подробности о защите диссертации Вл. Соловьевым „Кризис западной философии“. По свидетельству этого очевидца, „диспут на всех произвел очень сильное впечатление“, защита диссертации превратилась в турнир между защитниками и противниками позитивизма. В диспуте приняли участие профессора Владиславлев, де-Роберги, Каринский, Лесевич. Но и оппонентам молодого философа пришлось высказать свое полное сочувствие „тому будущему развитию самостоятельного направления в философии, к которому стремится диспутант“ и которое положит начало первой русской философской системе. Страхов отмечает явную симпатию всего собрания к диспутанту, „которая поддерживалась и его молодостью (21 год), и очень серьезною вдохновенною наружностью, более же всего тем мастерством слова и мысли, которое он обнаружил в прекрасной вступительной речи и в своих ответах. Свое вступительное слово к диспуту Соловьев посвящал вопросу о необходимости синтеза философии и религии“. („Гражданин“, 1874, № 48, стр. 1211—1213).

вает ту истину, „что все мирские власти и начала, все силы общества и отдельного человека должны быть подчинены началу религиозному: Мирские силы общества и человека должны быть подчинены силе духовной“,— вот основная мысль Соловьева, которую развивает Иван Карамазов в своем диспуте с монахами, а Достоевский от своего собственного имени в „Дневнике писателя“.

Владимир Соловьев облегчает Достоевскому приближение и принятие той истины, к которой он сам не переставал стремиться. Молодой философ дает Достоевскому ответ на мучительную проблему в течение четырех десятилетий терзавшую его. Есть возможность обеспечить высшую свободу духовного развития отдельной личности и объединить одним сплошным и цельным устройством все человечество. Есть форма, дающая возможность личности остаться в миру не подавляя своего духовного роста, но напротив полностью выявляя свою высшую сущность. Имя ей—церковь, т. е. духовный союз человечества.

Учение Владимира Соловьева, сложившееся в своих главных чертах уже в конце 70-ых годов, оказало на Достоевского решительное воздействие. Недаром, паломничая с Владимиром Соловьевым в Оптину Пустынь, Достоевский сообщает ему замысел „Братьев Карамазовых“: „Церковь, как положительный общественный идеал“. Недаром герой всего незаконченного создания—Алеша Карамазов оставляет монастырь для работы в миру и благословляется на общественный подвиг своим духовным руководителем—старцем Зосимом. В этом смысле Достоевский в последних выпусках «Дневника писателя» вкладывает новое углубленное содержание в свою проповедь всечеловечности.

„Стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной все соединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть и изречь окончательное слово великой, общей гармонии братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону“.

К концу жизни он высказывает свое заветное желание, отчасти осуществленное им: «...Я хотел написать книгу об Иисусе Христе, где намеревался показать, что он есть чудо истории, и появление такого идеала, как Он, в человечестве, в этом грязном и гнусном человечестве, есть еще большее чудо. Я хотел доказать еще, что этим нравственным обликом Христа, как дерево соками, жило, живет и сотни веков еще будет жить человечество¹⁾»...

¹⁾ А. А. Зелевский. Три встречи с Ф. М. Достоевским. Ист. Вестн. 1901, III, 1027.

Так завершается эта эволюция гениального мистика. Христос, который стал близок Достоевскому еще по иконам больничной часовни и фрескам Троицкой Лавры, который затем волновал его, когда он под романтическими воздействиями мучился над проблемой христианского искусства или плакал, когда Белинский святотатственно прикасался к его святыням, этот образ, с которым Достоевский окончательно сроднился на каторге, проходит центральной идеей через все его большие романы и выступает венчающим иконописным видением в знаменитой легенде его последнего романа. Им же венчается и философия Достоевского. В близости к личности Христа одинокий дух достигает высшего расцвета, а человечество получает возможность основаться для общей духовной жизни. Непримируемая некогда коллизия индивида и общества разрешается в идее соборности или религиозной общественности. Так завершается долгий и трудный путь исканий Достоевского, так разрешается тягостная философская драма его духа. Путь Достоевского приводит его к осознанию единой правды—проникновению всей жизни началом высшей духовности.

Подобно герою одного из своих последних романов, Достоевский готов признать великой мысль «обратить камни в хлебы»—великой, но не величайшей, ибо насытится человек и затоскует по иному, по высшей свободе и просветленной духовности.

VIII.

Роман-мистерия.

Эта философская драма Достоевского создала его роман-мистику. Рано поразивший его контраст будущего всемирного счастья и текущего всеобщего страдания так же способствовал созданию этого сложного художественного явления, как и долгий внутренний опыт его личных исканий и борений. От его ранней повести об Ордынове до его последней эпопеи о Карамазовых все его главные создания как бы разрабатывают евангельскую притчу о зерне, которое должно умереть в земле, чтоб возродиться к новой жизни. Всюду за душевными надрывами, исповедями и катастрофами его романических композиций чувствуется тот единый путь, по которому бредут его обреченные герои.

Это путь древних мистерий. Из чистого источника отроческих видений, из горящего светлым пламенем костра юношеских вдохновений, душа, восприняв очарование земной красоты или соблазны умственных дерзаний, безвольно погружается в омут страстей и пре-

ступлений. Но в сумраке и духоте греха она не гибнет безвозвратно. Преодолевают сила ее живых и огненных творческих начал. В глубине последних падений она обретает себя и медленно, но неуклонно начинает свое восхождение к той нагорной часовне, откуда яснее и глубже кажется смысл пережитых скорбей, падений и отречений.

Так в священной драме Элевзинских таинств, воспитавших трагический гений Эсхила, раскрывался перед посвященным путь человеческой души, нисходящей в подземный мир греховных блужданий, для возрождения к новой жизни, просветленной до конца пережитым страданием. Нужно обратиться к этому древнему и вечному типу религиозной драмы, чтоб проникнуть в творческую сущность одного из величайших трагиков нового времени.

Леонид Гроссман.

1918.

Из затерянных статей Достоевского.

„Не тронь меня“.

(Время, 1861 г., Август. Смерть, стр. 108—117).

Среди анонимных статей журналов Достоевского имеется ряд страниц, которые должны быть безусловно отнесены к его литературному наследию. Первая серия таких затерянных статей Достоевского вошла в наше собрание «Забутые и неизвестные страницы Достоевского» (Пгд., 1918.) В плане дальнейшей разработки анонимной публицистики «Времени», «Эпохи» и «Гражданина» 1873 г. мы приводим здесь одну из неизвестных статей, до сих пор не включаемых в собрание его сочинений. Эта забытая статья „Не тронь меня“ является отзвуком журнала «Время» на возникшую газетную полемику о Белинском.

Уже с первых строк здесь чувствуется манера и перо Достоевского. Статья начинается небольшим психологическим этюдом об обидчивости, и в частности об особом роде этого чувства—«о болезненной обидчивости за близких сердцу людей». Несколько брошенных по этому поводу замечаний, в которых сказывается склонность к психологическим утончениям, общая нервность и местами язвительная ироничность тона, при гиперболичности и резкой остроте стиля, здесь обличают будущего автора «Униженных и оскорбленных» и «Записок из подполья». Таковы строки о семействе, взаимная любовь членов которого переходит «в обожание, в ослепляющую страсть»; таково заявление, что «при каждой попытке отметить здесь чей либо недостаток или подтрунить над ним—вы делаетесь врагом семейства, может быть даже предметом ненависти всех его членов», в каждой вашей улыбке будут видеть насмешку, в каждом взгляде намерение осудить, в каждом жесте оскорбительное презрение, и вы не будете знать, куда деваться со сво-

ими улыбками, взглядами и жестами»... Такой психологический экскурс с отчетливым изображением патологической мнительности одних и мучительной растерянности других, мастерски очерченный автором по поводу заурадной газетной заметки полемического характера, следует признать чрезвычайно типичным приемом для журнальных статей Достоевского.

Это относится и к другому отрывку статьи. Автор с мастерским знанием предмета и глубокой художественной проникновенностью говорит о разных видах бедности. Это, конечно, одна из любимейших тем Достоевского на всем протяжении его творчества. «Бедность—говорится в цитируемой статье, может представить вашему воображению безименное рубище, суму и просительное письмо в тощей дрожащей ручонке; или холодный и голодный угол и озлобленных нищетой родителей; или сиротство и чужой кусок, бросаемый с попреком. Все это бедность страдальческая. Но может быть и такая бедность, от которой не пострадают нравственные и физические силы ребенка, которая пронесется над его головой незаметно для него самого, так что он не погнется, не ощутит в себе влияния ее разрушительного дыхания, только освежится под дуновением ее холодных крыльев»... Эти поистине талантливые строки кажутся подготовительными заметками к образам Прохарчина, Мармеладова, Снегирева и многих других героев первоклассного живописца нищеты в русской литературе.

Типичны для Достоевского и другие примеры, приведенные в начале статьи. Таковы все размышления ее автора о «выразительном чтении», которое может доставить истинное наслаждение слуша-

телю, если экспрессивность чтения не переходит известных границ: или дальнейшие замечания «о страшной усталости и лицевых мускулах» слушателя от напряженного ожидания, не затихнет ли зарвавшийся декламатор, о болезненно-нервном ощущении «как будто все члены отбиты» и проч. Автобиографический момент чувствуется и в указании на «слабое сложение» автора статьи в смысле его повышенной впечатлительности. Ряд полутных замечаний обнаруживает в анонимном журнальсте на редкость зоркий взгляд и выдающееся умение уловлять и формулировать сложные, малоподмеченные психологические состояния. В связи с интересом Достоевского к искусству выразительного чтения (вспомним, что уже в кружке петрашевцев он поражал слушателей своей декламацией, а в начале 60-х годов начал выступать на публичных чтениях, впоследствии создавших ему огромный успех)—все это нельзя не признать весьма характерным для Достоевского.

Показателен в этом смысле и повод, вызвавший статью. Она является откликом на возникшую газетную полемику о Белинском. Известно, что сложные взаимоотношения знаменитого критика и начинающего автора «Двойника» навсегда оставили в памяти Достоевского как бы открытую рану; считал себя оскорбленным некоторыми устными отзывами Белинского о своих ранних рассказах и общим насмешливым отношением к себе всего «кружка Белинского» конца 40-х г.г., Достоевский навсегда сохранил к автору «Литературных мечтаний» глубоко неприязненную память. Несомненно, огромная роль в их расхождении выпала на долю тех религиозных споров, в которых Белинский, в увлечении диспута, быть может, не всегда сохранял нужное чувство меры. До сих пор не опубликованные полностью письма Достоевского к Страхову свидетельствуют о крайней степени вражды писателя к тому первому ценителю «Бедных людей», который подчас слишком неосторожно касался заветных святынь его молодой веры. Во всяком случае, это отрицательное отношение к Белинскому никогда не угасало в Достоевском повышенного интереса к его личности, скорее даже усиливало это пристальное внимание. В конце 60-х гг. он, как известно,

работал над специальной статьей «Воспоминание о Белинском», к сожалению утраченной и, вероятно, дошедшей до нас лишь в небольших фрагментах известной главы «Дневника Писателя». Нужно заметить, что в начале 60-х гг. Достоевский не высказывался еще о Белинском с той прямолинейной резкостью, какую мы находим в его позднейших отзывах. В «Униженных и оскорбленных» он с теплым чувством вспоминает «критика Б.», а в своих журналах дает широкий простор различным хвалебным оценкам Белинского. В духе установившейся традиции тогдашней передовой журналистики Достоевский и в названной статье видимо поддерживает авторитет покойного критика и во всяком случае открыто нигде не посягает на него. Но нетрудно заметить двойственность занятой им позиции и невыдержанность взятого тона. Официально Достоевский как бы стоит на страже «дорогой памяти Белинского»,—фактически же он через посредство своего журнала распространяет появившееся известие о чрезвычайно убогой культурной обстановке ранних лет Белинского, печально отразившейся на всей истории его развития. Во всяком случае, характерно, что статья «Не тронь меня» берет под свою защиту автора, «заговорившего о Белинском отнюдь не в панегирическом тоне и зло иронизирует над ревностным почитателем критика, заявившим свой протест против попытки «бросить кусочек грязи в догосое для каждого порядочного человека имя». В редакции «Времени», где находились такие восторженные ценители Белинского, как Аполлон Григорьев, подобное отношение к покойному критику мог выявить, кажется, один только Достоевский.

Обращает на себя внимание и следующая фраза: «...можно упрекать г. Панаева за то, что он в своих литературных воспоминаниях не собрал ничего достаточно крупного, достойного тех личностей, с которыми он сходил в то время, когда и сам уже был литератором, и они были в полном расцвете своих талантов». Достоевский не мог относиться дружелюбно к Панаеву, который в 40-х годах написал на него пасквильный фельетон совершенно недопустимого тона (по поводу обморока, случившегося в обществе с Достоевским)¹⁾.

¹⁾ И. И. Панаев, Соч., т. V. — И. И. Чувовский. Драгоценная находка (неизданная повесть Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе. Послесловие. «Вива», 1917, № 31-37, 370. См. также «Неизданные произведения Н. А. Некрасова» под ред. И. И. Чувовского. Сб., 1916, стр. 44.

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІИ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 1. ЯНВАРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ СЪЗАРДА ПРАЦА
1863

Наконец, и в стилистическом отношении статья эта представляет ряд типичных для Достоевского оборотов и слово-сочетаний. Таковы приведенные выше фразы и выражения в роде: «безыменное рубище, сума и просительное письмо в тощей дрожащей рученке»; таковы фразы об «ослепляющей страсти», об «оскорбительном презрении», о «предмете ненависти», о «страдальческой бедности» и пр. Характерны для него и такие уменьшительные, как «воспоминальнице» (ср., напр.: королевство и цо. Соч., изд. Маркса, XI, 173.)

Типичны в стилистическом отношении и следующие фразы: «этот маленький спорщик... уже не остается для нас отвлеченной фигурой бедного мальчика, а становится чем-то осязаемым, рельефным образом, живым человеком»... Или же: «Не пренебрегайте мелкими чертами: они, собравшись во множество, могут сами собою, без всякого с вашей стороны напряжения, изобразить вам живого человека, и он будет вам знаком, и вы поймете во всей глубине его душу, узнаете все существо его. Положим, незнакомый вам человек, случайно почувствовав к вам доверие, или так, по свойству собственной откровенности, разговаривает вам о своем житье-бытье, простом, убогом, обыденном; он будет говорить о вещах, повидимому, совершенно пустых, ничего не значащих; но не прерывайте его, и посмотрите, как с каждым словом будет выясняться пред вами и его житье-бытье со всею обстановкою этого житья, и сам он со всеми тончайшими оттенками его характера»... С этим отрывком любопытно

сопоставить свидетельство А. Г. Достоевской о том, что любимым восклицанием Достоевского, когда он чем-либо интересовался, было: «подробности, главное, подробности!»... Наконец, история возникновения таких рассказов Достоевского, как «Честный Вор», «Отставной» или целых глав из «Записок из Мертвого Дома», созданные под непосредственным впечатлением живого рассказа, ставит приведенный отрывок в связь с общими приемами писательской техники Достоевского.

Наконец, в своем целом очерк «Не тронь меня» являет обычную форму публицистических выступлений Достоевского. Полемическая журнальная статья в процессе своего развития естественно переходит в характерный диалог и преобразуется затем в живую бытовую картинку, исполненную метких словечек, свежих оборотов, типических лиц и положений. Вся эта часть статьи оставляет в читателе впечатление чисто беллетристического произведения, как и многие главы «Дневника Писателя» или полемических выступлений Достоевского против Каткова или Щедрина. Писатель и художник в нем оказывались всегда сильнее публициста и редактора. Полемическая статья «Не тронь меня» незаметно вырастает в небольшой художественный очерк, одинаково замечательный по своим лирическим отступлениям, образным характеристикам, меткому языку и психологическим прозрениям. Таков обычный закон журнальных писаний Достоевского.

Л. Г.

„Не тронь меня“.

Нехорошо также нектати обижаться... Обидчивость не принадлежит к числу наших национальных недостатков, — скорей напротив; но она существует и у нас, может быть в виде прививки. У нас обижаются нередко, обижаются не только за себя, но и за других. Конечно, уж если обижаться, то лучше обижаться за других, нежели за себя: оно как-то благороднее, доблестнее, только не переходила бы обидчивость через край;

а то ведь даже всякое достоинство, всякая добродетель, переходя через край, перестают быть достоинством и добродетелью. Напримѣръ, выразительное чтение доставляет истинное наслаждение слушателю; но испытывали ли вы впечатлѣніе, которое производит излишняя выразительность чтения? На наш слух она бывает до того невыносима, что не знаешь куда от неѣдваться. Когда намъ приходилось слушать перехватывающаго через край

чтеца, то подъ конецъ мы обыкновенно чувствовали страшную усталость въ лицевыхъ мускулахъ; отчего — Богъ знаетъ; можетъ-быть, не отъ напряженнаго ли ожиданія, что вотъ-вотъ утихнетъ, придетъ въ себя? А иногда даже и всѣ члены послѣ были какъ будто отбитые. Не знаю, всѣ ли испытываютъ то же ощущеніе; но кажется, вообще на слабыя сложенія подобная операція должна такъ дѣйствовать.

Или вотъ еще другой примѣръ излишества. Согласіе въ семействѣ — конечно, вещь рѣдкая и драгоценная; взаимная горячая привязанность между членами большого семейства — явленіе истинно-умилительное. Но посмотрите, что можетъ выйти изъ этого умирительнаго явленія. Мы знаемъ, напримѣръ, одно семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, съ ихъ чадами; всѣ эти братья и сестры любятъ другъ друга до того, что родственная любовь переходитъ у нихъ въ какое-то обожаніе, въ ослѣпляющую страсть. Будьте вы въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ семействомъ и попробуйте въ присутствіи одного изъ членовъ замѣтить какой-нибудь недостатокъ другого члена, или слегка подтрунить надъ нимъ; сдѣлайте это по сущей справедливости и въ видахъ чистаго доброжелательства — все равно: вы уже рискнули сдѣлаться человѣкомъ неприятнымъ для всего семейства. Если же вы обнаружите въ себѣ подобное попользованіе замѣчать недостатки въ другой и въ третій разъ — кончено! вы дѣлаетесь врагомъ семейства, можетъ-быть даже предметомъ ненависти всѣхъ его членовъ. Не говорите потомъ о вашей благодти, о вашемъ доброжелательствѣ и благихъ побужденіяхъ: о благодти думать не будутъ, ея и въ расчетъ не примутъ; къ вамъ будутъ чувствовать антипатію безотчетную; въ каждой вашей улыбкѣ будутъ видѣть насмѣшку, въ каждомъ взглядѣ — намѣ-

реніе осудить, въ каждомъ жестѣ — оскорбительное презрѣніе, и вы не будете знать, куда дѣваться съ вашими улыбками, взглядами и жестами; опустите руку, потупите глаза, приведите вашу фізіономію въ самое безобидное и безгрѣшное положеніе, и со смиреніемъ ожидайте, когда утихнетъ волненіе крови въ жилахъ членовъ почтеннаго семейства... Между тѣмъ, мы говоримъ о семействѣ, достойномъ во многихъ отношеніяхъ, о людяхъ съ свѣтлымъ умомъ и живыми сердечными движеніями. Что же это такое? Это тоже родъ болѣзненной обидчивости за близкихъ сердцу людей.

На всѣ эти размышленія и на воспоминаніе о любящемъ семействѣ навелъ насъ г. С. Дружиновъ, что изъ Нижняго-Новгорода, сильно обидѣвшійся за одного духовно-родственнаго ему чловѣка, и вслѣдствіе того вознегодовавшій на г. Н. Иванисова 2-го, что изъ Звенигорода, который, г. Иванисовъ, оскорбилъ будто-бы память того чловѣка своимъ недостойнымъ воспоминаніемъ. Дѣло идетъ о Бѣлинскомъ, который, какъ извѣстно, былъ родомъ изъ пензенской губерніи, откуда, какъ оказывается, происходитъ и проживающій нынѣ въ Звенигородѣ г. Иванисовъ. Г. Иванисовъ написалъ и помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» небольшое, не занявшее и одного столбца воспоминаніе о Бѣлинскомъ, относящееся къ дѣтству какъ Бѣлинскаго, такъ безъ сомнѣнія и самого г. Иванисова. Это-то воспоминаніе и возмутило г. Дружинова, который въ «Спб. Вѣдомостяхъ» восклицаетъ: «Скажите ради Бога, что это такое? Балаганная шутка, имѣющая цѣлью бросить кусочекъ грязи въ дорогое для каждого порядочнаго чловѣка имя, или просто звенигородская чепуха, помѣщенная христа-ради въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» для увеселенія читателей?» — «Съ величайшимъ вниманіемъ (говоритъ въ другомъ мѣстѣ

г. Дружиновъ) читали мы нѣсколько разъ это воспоминаніе вѣнигородскаго публициста и никакъ не могли понять, для чего и для кого оно написано г. Иванисовымъ, и тѣмъ болѣе для чего редакция «Московскихъ Вѣдомостей» напечатала его».

Испуганные этими восклицаніями за дорогую память Бѣлинскаго, мы устремились, по указанію г. Дружинова, въ 135 № «Московскихъ Вѣдомостей», прочли тамъ крошечную статейку г. Иванисова и изумились, отчего она не произвела на насъ никакого возмущающаго дѣйствія. Вотъ что заключается въ этой статейкѣ:

Что такъ какъ родъ Бѣлинскаго происходитъ изъ села Бѣлыни, то и фамилію его надо произносить Бѣлыньскій или Бѣлинскій,—какъ его и называли всѣ въ Пензѣ; но Бѣлинскій, по приѣздѣ въ Москву, неизвѣстно почему, настоялъ, чтобъ его называли Бѣлинскимъ.

Что въ Пензѣ Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣнили квасные боченки. «Но (замѣчаетъ г. Иванисовъ) бѣдность и лишенія не всегда убиваютъ дарованія».

Что Бѣлинскій былъ тогда не образованъ (будучи ребенкомъ-то) и не имѣлъ понятія о лучшихъ писателяхъ; спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова, восхищался романами Радклифъ и изъ дома отца г. Иванисова впервые получилъ для чтенія романы Вальтеръ-Скотта, въ рускомъ переводѣ; страстно любилъ театральныя зрѣлища и часто посѣщалъ пензенскій театръ, который содержалъ тогда помѣщикъ Гладковъ и гдѣ актеры и актрисы были—его крѣпостные люди, большею частью пьяницы. «Какъ Бѣлинскій былъ простъ въ то время (разсказываетъ г. Иванисовъ),

показываетъ слѣдующее обстоятельство. Когда онъ пришелъ въ нашъ домъ, то братья мои принесли ему нѣсколько романовъ Радклифъ. Одинъ изъ этихъ романовъ былъ съ картинкой, которая представляла подземелье съ кучей костей. Кто-то изъ насъ спросилъ у другого о романѣ съ картинкой; наковъ онъ, хорошъ-лигъ Бѣлинскій, не дождавшись отвѣта, вскричалъ: «Разумѣется, хорошъ: видишь—кости!»

Что Бѣлинскій былъ зазорный спорщикъ, и г. Иванисовъ всякій разъ, когда встрѣчалъ его у знакомыхъ, заставлялъ его за жаркимъ споромъ; что наконецъ онъ не ужился въ университетѣ, потому-что посѣщалъ лекціи только тѣхъ профессоровъ, которые ему нравились.

Статьеку свою г. Иванисовъ заключаетъ слѣдующими словами, взятыми уже не изъ его собственныхъ воспоминаній, а прибавленными такъ. вѣроятно для округленія періода: «Извѣстно, что онъ (Бѣлинскій) былъ по томъ сотрудникомъ редакторовъ разныхъ журналовъ. Какъ видно, онъ получалъ мало за свои труды, а трудился слишкомъ много для своего здоровья...».

Г. Дружинову кажется, что г. Иванисовъ все—и бѣдность, и дѣтскую неразвитость, и зазорную спорливость—все это ставить въ вину Бѣлинскому... Вотъ это-то и есть та болѣзненная обидчивость, которою страдаетъ и знакомое намъ любящее семейство!.. «Впрочемъ (прибавляетъ самъ г. Дружиновъ о г. Иванисовѣ) Богъ его знаетъ, можетъ-быть онъ стряпалъ свое воспоминаніе такъ-себѣ, отъ простоты душевной, безъ всякой задней мысли... Да конечно такъ! Неужели г. Дружиновъ, прочитавшій нѣсколько разъ «съ величайшимъ вниманіемъ» статейку г. Иванисова, не замѣтилъ въ ней той наивности, которая именно отзывалась душевной простотой, неспособной никого серьезно обидеть?

Правда, что даже и не читая нѣсколько разъ статейки г. Иванисова, а пробѣжавъ ее одинъ разъ и обративъ только вниманіе на первыя и послѣднія ея строки, легко можно догадаться, что г. Иванисовъ не знаетъ хорошенъко значенія Бѣлинскаго для русской литературы и не можетъ опредѣлить мѣста, какое онъ занимаетъ въ ряду русскихъ писателей. Вѣроятно, читая журналы, онъ увидѣлъ, что о Бѣлинскомъ много пишутъ, заключилъ изъ этого, что онъ человѣкъ замѣчательный, вспомнилъ, что въ дѣтствѣ зналъ его лично, и счелъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія о томъ, что помнить и знаетъ. Вотъ и все! Началъ онъ такъ: «Извѣстны й Бѣлинскій былъ родомъ» и пр. А кончилъ: «Извѣстно, что онъ потомъ былъ сотрудникомъ разныхъ» и пр. Вотъ уже по этому приступу и этому заключенію можно догадаться, въ какой степени г. Иванисовъ знакомъ съ Бѣлинскимъ какъ съ писателемъ, какъ съ критикомъ. Стало бытъ требовать отъ него многого нельзя, но и сердиться на него тоже нельзя.

Что же возмутило г. Дружинова? То, что рассказываютъ о нагольномъ тулупѣ и квасныхъ боченкахъ, о необразованности мальчика-Бѣлинскаго и его дѣтской спорливости? Да вѣдь все это правдоподобно и характерно, и никакой тѣни, не только грязи, на память Бѣлинскаго не бросаетъ. Ну, вообразите, что кто-нибудь написалъ, что Бѣлинскій, будучи десяти или двѣнадцати лѣтъ, всегда ходилъ въ изящной курточкѣ, съ батистовыми воротничками, а зимой въ шинелькѣ съ бобровымъ воротникомъ; что въ такомъ возрастѣ онъ уже зналъ наизусть имена и произведенія лучшихъ русскихъ и французскихъ писателей, и отвѣчалъ безъ заминки объ ихъ достоинствахъ по запискамъ своего учителя или гувернера; что въ гимназію пріѣзжалъ онъ всегда въ сопровожденіи стараго дядьки,

былъ благопривѣйшимъ мальчикомъ, никогда не вступалъ въ споръ о томъ, чего не читалъ въ своихъ тетрадкахъ и не слыхалъ ни отъ папешки, ни отъ учителя и гувернера, а съ семинаристами и вообще съ мало образованнымъ людомъ совѣмъ не знался. Вѣдь все это такія пріятныя свѣдѣнія, которыя казалось бы ничьей памяти оскорбить не могутъ; а между тѣмъ, если бы вы вспомнили, что это рассказывается о Виссаріонѣ Григорьевичѣ Бѣлинскомъ, то вамъ непременно сдѣлалось бы неловко. Во-первыхъ, вы бы такому разсказу не удругъ и повѣрили, а если бы повѣрили, то непріятно было бы вамъ знать, что изъ такой тепличной атмосферы, изъ такой молочной закваски вышелъ такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій.

Г. Дружиновъ разсуждаетъ такъ: «Всѣ знаютъ, что бѣдные люди не могутъ носить опойковыхъ сапоговъ, и потому довольствуются выростковыми; знаютъ также, что никакой бѣднякъ не можетъ купить шинели съ бобровымъ воротникомъ, и потому носить нагольный тулупъ и проч., и проч., и проч. Все это совершенно справедливо, но только къ воспоминаніямъ о писателѣ нисколько не относится...».

Какъ не относится? Да мы желаемъ знать исторію развитія писателя, исторію развитія его личнаго характера и его взглядовъ на жизнь; а между тѣмъ бѣдность бѣдности рознь. Разные бываютъ виды бѣдности, и не всѣ эти виды одинаково отражаются на человѣкѣ, оставляютъ одинаковыя въ его душѣ впечатлѣнія. Если вамъ говорятъ о человѣкѣ, что онъ въ дѣтствѣ былъ очень бѣденъ, то какъ будто тотчасъ уже и рисуются передъ вами непременно нагольный тулупъ и квасные боченки? Бѣдность можетъ представить вашему воображенію безымянное рубище, суму и просительное письмо въ тощей, дрожащей рученкѣ; или холод-

ный и голодный уголь и озабоченных нищетой родителей; или сиротство и чужой кусок, бросаемый съ попрекомъ. Все это бѣдность страдальческая. Но можетъ быть и такая бѣдность, отъ которой не пострададутъ нравственныя и физическія силы ребенка, которая пронесется надъ его головой, незамѣтно для него самого, такъ что онъ не погнется, не ощутитъ в себѣ вліянія ея холодныхъ крыльевъ. Среди такой бѣдности еще можно читать романы Радклифъ и спорить съ семинаристами, забывая думать о томъ, что носишь нагольный тулупъ и сидишь на квасномъ боченкѣ.

«Для чего и для кого писано воспоминаніе г. Иванисова и для чего ученая редакція напечатала его?»

Для васъ, г. Дружининъ, и для насъ также... Неужели вы, любя и уважая писателя, не пожелали бы узнать его коротко, какъ человѣка? А если вы не можете надѣяться лично встрѣтить когда-нибудь этого писателя, потому что его уже нѣтъ на свѣтѣ, то откуда же вы его узнаете, какъ не изъ полной, совершеннѣйшей біографіи, такой, какія у насъ почти еще нѣтъ и какія создаются изъ множества разныхъ, преимущественно личныхъ и непосредственныхъ воспоминаній, въ числѣ которыхъ пусть будутъ и такія, какое состряпалъ въ Звенигородѣ г. Иванисовъ? Если бы всѣ товарищи пензенскаго дѣтства Бѣлинскаго поступили точно такъ, какъ поступилъ г. Иванисовъ—записали бы и напечатали все, что они помнятъ о Бѣлинскомъ, всѣ его споры, всѣ мягкія черты его дѣтскаго характера и дѣтской не образованности; если бы и всѣ товарищи его московской студентской жизни сдѣлали бы то же,—какъ вы думаете, хорошо ли бы это было? Можетъ-быть конечно, что въ этихъ воспоминаніяхъ много было бы смѣшного, мелочнаго, ничтожнаго; но мы не пренебрегли бы ничѣмъ, и за то

имѣли бы политѣйшую исторію внутренняго развитія Бѣлинскаго, опредѣляющую и его личный характеръ, и характеръ его послѣдующей дѣятельности. Г. Иванисовъ мало сказалъ интереснаго; но вѣдь можно упрекать напримѣръ г. Панаева, за то, что онъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ не собралъ ничего достаточно крупнаго, достойнаго тѣхъ личностей, съ которыми онъ сходился въ то время, когда и самъ уже былъ литераторомъ, и они были въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ; а г. Иванисовъ разсказалъ кое-что о ребенкѣ и о томъ времени, когда онъ самъ вѣроятно былъ ребенкомъ; такъ почему же и воспоминанію его не быть воспоминаніемъ дѣтскимъ? Не мѣшайте же ему вспоминать!.. Да, г. Дружининъ, если вы истинно любите память Бѣлинскаго или другого достопамятнаго человѣка, то никому не мѣшайте разсказывать вамъ о нихъ, особенно людямъ, лично ихъ знавшимъ. Пусть и дѣти лепечутъ, слушайте и ихъ дѣтскій лепетъ; и онъ можетъ пригодиться вамъ, когда вы хотите составить себѣ полное и отчетливое понятіе о дорогой вамъ личности. Пусть даже кто-нибудь и неблагопріятно взглянетъ на эту личность,—слушайте и не обижайтесь, если не имѣете данныхъ опровергнуть показаніе, какъ ложь и клевету; намъ нуженъ не панегирикъ, а исторія человѣка. Но г. Иванисовъ не клеветалъ; въ его воспоминаніи слышится только дѣтскій лепетъ. Чтожь? Тѣмъ больше чистосердечія, больше простоты и—правды. Между тѣмъ посмотрите: этотъ маленькій спорщикъ, дѣлающій поспѣшное заключеніе о романѣ Радклифъ по картинкѣ, изображающей кости, уже не остается для насъ отвлеченной фигурой бѣднаго мальчика, а становится чѣмъ-то осязаемымъ, рельефнымъ образомъ, живымъ человѣкомъ...

Еще разъ: не пренебрегайте мелкими чертами: онѣ, собравшись во множествѣ,

могутъ сами собою, безъ всякаго съ вашей стороны напряженія, изобразить вамъ живого человѣка, и онъ будетъ вамъ знакомъ, и вы поймете во всей глубинѣ его душу, распознаете все существо его... Положимъ, незнакомый вамъ человѣкъ, случайно почувствовать къ вамъ довѣріе, или такъ, по свойству собственной откровенности, разговорится вамъ о своемъ житіи-бытіи, простомъ, убогомъ, обыденномъ; онъ будетъ говорить о вещахъ, повидимому, совершенно пустыхъ, ничего не значащихъ; но не прерывайте его, и посмотрите, какъ съ каждымъ словомъ будетъ выясняться предъ вами и его житіе-бытіе, со всею обстановкою этого житія, и самъ онъ, со всѣми тончайшими оттѣнками его характера... Пишущему эти строки случилось недавно ѣхать по желѣзной дорогѣ въ вагонѣ третьяго класса и имѣть сосѣдями одного молодого парня изъ подъ Клина, да одну молодую женщину изъ подъ Костромы. Ему, т. е. мнѣ, пришлось сидѣть у окна, а сосѣдямъ моимъ хотѣлось иногда посмотреть на окрестности, полюбоваться обгорѣвшими въ прошлогодній лѣсной пожаръ сосенками, или иными не менѣе веселыми и привлекательными видами, и вотъ они, безъ спросу, поочередно ложились локтями ко мнѣ на колѣни и смотрѣли на окрестности. Я не препятствовалъ имъ въ этомъ; я молча предоставилъ имъ колѣни въ ихъ полное распоряженіе, и они, должно быть, почувствовавъ угрызение совѣсти, или просто въ видѣ платы за пользование колѣнями, наградили меня безконечными разсказами о себѣ и о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Особенно женщина изъ-подъ Костромы оказалась щедрою на эту плату. Отъ нея узналъ я все:—и о томъ, какой у нея былъ строгій свекоръ, и какъ онъ любилъ, чтобы былъ порядокъ въ домѣ и чтобы всего было вдоволь за столомъ, и что они ѣли и что пили при свекрѣ,

и какъ живетъ она теперь, безъ свекра. А живетъ она такъ, какъ я не воображалъ: чтобы жили наши сельскіе обыватели: живетъ она въ селѣ, расположена на берегу Волги, одна въ домѣ, съ пятерыми малыми дѣтьми, а мужъ ея находится въ Питерѣ торговлей занимается, къ ней пріѣзжаетъ передъ великимъ постомъ, мѣсяца на два; а теперь она ѣдетъ къ нему на свиданіе. И живетъ она на всемъ покупномъ: ни хлѣба, ни овощей—ничего нѣтъ своего; даже воду съ Волги возятъ ей за мѣсячную плату

— Что же дѣлаешь ты дома?

— Какъ что? Ну, въ домѣ прибе-решь, за дѣтьми присмотришь. чайку разокъ-другой-третій напьешься, день-то и пройдетъ... У меня дядя тоже былъ—умеръ; богатый былъ человѣкъ, капиталу оставилъ тысячу двадцать. Остались сынъ да дочь; сынъ-то вышелъ несчастный: параличъ его расшибъ; одна рука не владѣетъ; работать ничего не можетъ; только сидитъ да на счетахъ кладетъ: охоту такую имѣетъ—все сидитъ да выкладываетъ, все шелкаетъ на счетахъ. Дочь—невѣста, еще дѣвушка; женихъ сватался, да очень много приданого просилъ, не сошлись...

— Сколько же просилъ приданого?

— Да просилъ онъ, я вамъ скажу, восемь салоповъ, да четыре бурнуса теплыхъ, да два холодныхъ, да платье бархатное, да атласныхъ, да шелковыхъ, да...

— Постой, постой!.. Восемь салоповъ, говоришь?

— Восемь салоповъ.

— Куда же такое множество вдругъ?

— Ну такъ! Говорить, чтобы одежды было много. Капиталу, говорить, мнѣ, пожалуй не надо: капиталъ у меня есть свой; а чтобы одежды было много.

— Да все же—восемь салоповъ!.. Вѣдь это больше, чѣмъ на всю жизнь. Пока она носитъ два салопы, остальные моль съѣстъ.

— Пускай съестъ, а все-таки чтобы много было одежды.

— Кто же былъ этотъ женихъ? купецъ?

— Нѣтъ, тоже изъ нашихъ.

— Это значить бывшій крѣпостной, а теперь временно обязанный крестьянинъ.

— А вотъ я выходила, примолвила сосѣдка, такъ за мной ничего не просили. Батюшка былъ тоже богатый, а не просили ничего.

— Отчего же такъ?

— Былъ бы, говорятъ, человекъ...

Сосѣдка улыбулась и потупилась. Надо замѣтить, что она очень дурна собой.

— Экая эта дорога! говорить между тѣмъ сосѣдъ изъ-подъ Клина, плотно налегая на мои колѣни и выглядывая въ окно вагона:—чего стоитъ вся эта дорога?

— Вся то дорога стоитъ, говорятъ, больше ста миліоновъ.

— Господи! восклицаетъ сосѣдка, — какая куча денегъ! А что народу разорила эта дорога!

— Кого же она разорила?

— Да кого? Мало ли тутъ народу извозомъ занимались; что они теперь дѣлаютъ? всѣ обѣдняли.

— Полно, матушка! У насъ много дѣла, были бы руки! Уже вѣрно давно другой промыселъ нашли.

— Да! поди, нашли! Вотъ у насъ по Волгѣ тоже теперь машина ходитъ, — сколько она горя надѣлала! У насъ на селѣ много было расшивщиковъ; расшивы свои имѣли, хлѣбъ возили. Какіе были богатые дома! Теперь всѣ обѣдняли.

— Чтожъ они ничѣмъ другимъ не займутся?

— Занимаются кое чѣмъ по мелочи, да ужъ все не то; рыбу стали было иные ловить, — и рыбу-то всю машина разогнала!

— Какъ разогнала?

— Такъ и разогнала: вѣдь она вонъ

идеть, хлопасть, по волѣ то шумъ такой! Ну, рыба вытаращить глаза, да и бѣжить какъ полуумная, сама не знаетъ куда, — вся убѣжала. Бывало у насъ стерлядокъ много ловили, а теперь почти что совсѣмъ нѣтъ... Теперь уже совсѣмъ другое. Бывало встанешь рано, взглянешь на Волгѣ то стоишь, расшивы идутъ; что тутъ народу работаетъ — видимо-невидимо! И цѣлый Божій день такъ-то; а теперь все тихо.

— Что же это? развѣ меньше хлѣба везутъ? дѣлаю я наивный вопросъ.

— Нѣтъ, не меньше; да вѣдь она идетъ, машина-то, тащить за собой сколько барокъ, а гдѣ-гдѣ человекъ виденъ; пройдетъ себѣ въ минуточку, и опять все тихо да пусто. Такъ, право, даже скучно.

— Послушай однако, голубушка, вѣдь съ машиной, сама видишь, меньше труда, меньше возни...

— Конечно меньше.

— Ну, стало быть легче, стало быть лучше...

— Да оно лучше тому, у кого машина: онъ богатъ, завелъ себѣ машину и беретъ большіе барыши; а бѣднымъ-то какво. Вѣдь бывало расшива-то станеть — что тутъ надо народу. Изъ нашего села иной бывало три-четыре дня поработаетъ, — рублей пять-десять и получить...

— О-го! А какво то было хозяину! Во что ему-то эта работка обходилась?

— Ну, ужъ конечно обходилась недешево.

— Такъ вѣдь все это падало на хлѣбъ; хлѣбъ оттого становился дороже; а съ машиной стало быть хлѣбъ долженъ сдѣлаться дешевле...

— Да, а вотъ онъ не сталъ же дешевле-то.

Тутъ пришелъ конецъ нашему разсужденію. Сосѣдка поставила меня въ тупикъ: я чувствовалъ, что не могу объяснить ей убѣдительнымъ образомъ

причину, почему и при существовании машинный хлебъ не сдѣлался дешевле. И осталась она, моя смазанная софиска, въ томъ печальномъ убѣжденіи, что машина — вещь негодная, по крайней мѣрѣ для ихъ приволжскаго села. Грустно, да что же дѣлать!.. Конечно тутъ тоже своего рода не транъ меня; машина рыбу разогнала, да отняла легкую добычу у тѣхъ расчетливыхъ мужичковъ, которые можетъ быть прежде по цѣлымъ днямъ слѣдили на бережку, сложивъ руки да поожидавъ, не станеть ли рясина, чтобы вдруть въ три-четыре дня взять пятьдесятъ рублей...

Другой сельскій обыватель, съ которымъ пришлось мнѣ вмѣстѣ сидѣть на пристани, дожидая прибытія парохода, разсуждалъ соевѣсть иначе о пароходахъ и желѣзной дорогѣ: онъ говорилъ, что они доставляютъ ему большее удовольствіе. Но — объ этомъ какъ нибудь поелѣ, если случится къ слову.

Мы увлеклись собственными неважными воспоминаніями и очень далеко отбились отъ темы о припадкахъ безпечной обилчигости, темы, съ которой впрочемъ кажется можно уже и покончить.

(Время, 1861 г., августъ. Сибирь, стр. 108-117).

Хроника.

I. Новые издания, переводы, рукописи, материалы.

В Германии вышел ряд новых переводов произведений Достоевского. Помимо его больших и давно уже известных за границей романов, как «Братья Карамазовы» и «Идиот», напаво изданных в Лейпциге в «Insel-Verlag», или «Полросток» («Ein Weidendor», Berl., изд. Ладьяжников), вышли и такие менее распространенные его произведения, как «Неточка Незванова» (Leipzig, Insel-Verlag), «Ведные Люди» (Дрезден, изд. Н. Minden), «Вечный муж» (Берл., изд. В. Cassirer), «Зимние заметки о летних впечатлениях» (Мюнхен, Roland Verlag). Вышли также в новых изданиях небольшие произведения Достоевского: «Кроткая» (в берлинском издательстве Е. Reiss и дрезденском Н. Minden), «Роман в девяти письмах» (Мюнхен, Mazarion-Verlag), «Чужая жена и муж под кроватью» (там же). Наконец, вышли в переводах и такие впервые публикуемые в Германии произведения Достоевского, как стихотворение его «На политические события 1854 г.» (Мюнхен, Drei Masken-Verlag), «Еврейский вопрос» (Einhorn-Verl.), «Die Seele Russlands» (отрывки из Дневн. писат., Берлин, изд. Кассирера).

Повышенный интерес итальянских читателей к Достоевскому вызвал за последнее время в Риме и в Милане ряд новых, тщательно проредактированных и полных переводов его отдельных

произведений. В этом направлении успешно и успешно работали неаполитанский профессор Федерико Вардинуа и переводчица Ева Амизоло (по происхождению русская). Как сообщает «Русская Книга», Вардинуа, настоящий ученый хорошей марки, влюблен в русскую литературу. Он знает русский язык, как очень немногие итальянцы, любит его и понимает его красоту. Все сплошь переводы, сделанные Вардинуа с русского, отличаются скрупулезною точностью, верною подлиннику не только по форме, но и по духу. Сейчас (март 1921 г.) Вардинуа выпускает полный и безукоризненно выполненный перевод «Преступления и Наказания» в издательстве «Джиро Карабба». Переводчица Ева Амизоло, выпускает полные, тщательно выполненные переводы «Братьев Карамазовых» в издательстве Квинтъяри в Милане и «Подростка» в издательстве «Урбэ» в Риме. Издательство Квинтъяри выпустило также «Вечного мужа», а в издательстве Травиза в Милане вышел перевод «Идиота». Этот роман давно уже пользуется прочными симпатиями итальянской издательской массы (Русск. Книга, III, 26).

В газете «Ниманно» на ряду с переводами рассказов Пушкина, Гоголя, Гаршина, Горького и друг. появились и переводы ранних рассказов Достоевского

Из русских зарубежных издательств отдельные произведения Достоевского выпустили берлинские издательства „Слово“, „Мысль“, „Литература“, Гржебина, Ладыжников, пражские издательства „Кремль“, „Наша Речь“, „Славянское Издательство“ и друг.

Литературно-издательский отдел Народного Комиссариата по Просвещению выпустил в 1919 г. двухтомное издание „Братьев Карамазовых“ (по стереотипам изд. А. Ф. Маркса). Все сочинения Ф. М. Достоевского монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет по 31 декабря 1922 г.

В издательстве З. И. Гржебина (Берлин) вышло двухтомное издание „Братьев Карамазовых“ под редакцией и с примечаниями Б. М. Эйхенбаума. Характер книги вызывает серьезные сомнения, действительно ли ее редактировал и снабжал примечаниями названный ученый.

Пушкинский дом приобрел в 1920 г. подлинную рукопись Достоевского, представляющую черновой набросок его знаменитой речи на пушкинских торжествах, во время открытия памятника поэту. Сходство между рукописью и речью сводится, однако, лишь к тому месту, где Достоевский анализирует „Евгения Онегина“: здесь сходятся цитаты. Это обстоятельство, — по мнению „Вестника Литературы“, опубликовавшего отрывки из новой рукописи, — свидетельствует о том, что рукопись не является отрывком, впоследствии из речи исключенным, а наброском, впоследствии переработанным. В опубликованном наброске есть, кроме того, разбор стихо-

творения „Чернь“ и сравнение Онегина с Чацким, чего в речи не было. К сожалению, мысли по поводу стихотворения „Чернь“ в отрывке не представлены в законченном виде, так что трудно угадать, к какому выводу о „Черни“ пришел в конце-концов Достоевский. То-же, что в наброске пишется о „Черни“, сводится к тому, что Белинский, нападая на Пушкина за это стихотворение, делал большую ошибку, „смешное и грубое заключение“, и что ярость, с какой он нападал на стихи: „Печной горючок тебе дороже — ты пищу в нем себе варишь“ — комична. Вместе с тем Достоевский ни минуты не сомневается, что Пушкин прекрасно понимал, что народу прежде нужен хлеб, чем Аполлон Бельведерский. Вот место, где сравнивается Онегин с Чацким.

„Это не тотъ типъ Чацкаго, столь сбивчивый, столь самоуверенный, бранящий Москву и французскій языкъ, бранящий фраки, кричащий, что намъ надо занять хоть у китайцевъ премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ, и между тѣмъ бѣгушій изъ Россіи за границу. Если бѣ сознательно нарисовалъ его такимъ безсмертнымъ поэтъ, то вышелъ бы и типъ безсмертный и правдивый. Но Грибоѣдовъ самъ взглянулъ на свой типъ не отрицательно, а положительно, и самъ увѣровалъ въ „умъ“ своего героя, и вышла — сбивчивость. Не таковъ Онѣгинъ: это типъ твердый, глубоко осмысленный, это истинное изображеніе страдающаго оторваннаго отъ русской почвы интеллигентнаго русскаго челоѣка“...

Кроме этой рукописи, — в журнале опубликовано также благодарственное письмо Достоевского к А. Ф. Кони, избавившему Достоевского от ареста за пустяковую провинность перед министром двора. Вот это письмо:¹⁾

¹⁾ Кони предложил Достоевскому отбыть свой арест тогда, когда он сам этого пожелает, задержав исполнение приговора ввиду нездоровья Достоевского.

„М. Г. Анатолий Федоровичъ, позвольте отъ души поблагодарить Васъ, во-первыхъ, за отмену распоряженія о моемъ арестѣ, и во-вторыхъ, за добрыя обо мнѣ слова въ письмѣ Вашемъ къ многуважаемой и добрейшей госпожѣ К. Но Вамъ, вѣроятно, надо точнѣе знать о томъ, когда я буду въ состояніи исполнить требованіе закона. Въ настоящее время я, кромѣ всего, ѣзжу ежедневно лѣчиться сжатымъ воздухомъ, но полагаю, что къ марту, можетъ быть, кончу лѣченіе. Поэтому, если это не станетъ вразрѣзъ съ Вашими соображеніями, я кажется совершенно (и во всякомъ случаѣ) буду готовъ исполнить приговоръ въ самыхъ первыхъ числахъ марта. Впрочемъ, если почему-либо надо будетъ и ранѣе, то я безъ сомнѣнія всегда готовъ. И того слишкомъ довольно, что я теперь на этотъ мѣсяцъ избавленъ Вашимъ стараніемъ, за что еще разъ позвольте отблагодарить Васъ. Примите и т. д. Ф. Достоевскій“

Б. Л. Модзалевскій опубликовал в „Былом“, №№ 14 и 15 (1919 г.), в

статье „Достоевскій сотрудникъ Русскаго Вестника“ 35 незадачныхъ писемъ Достоевскаго, относящихся къ эпохѣ 1866—1873 и затемъ къ годамъ создания и печатанія „Братьевъ Карамазовыхъ“ (1878—1880). Эти сопроводительныя письма в редакцію журнала при отправкѣ отдельныхъ частей „Преступленія и Наказанія“, „Бесовъ“, „Братьевъ Карамазовыхъ“, представляютъ исключительный интересъ, какъ ближайший и непосредственный авторскій комментарий къ знаменитымъ романамъ. Письма эти чрезвычайно важны и для исторіи текста Достоевскаго, такъ какъ они проливаютъ немало свѣта на редакторскую практику катковскаго журнала в области сокращенія публикуемаго художественнаго матеріала. Поминисте тяжелое впечатленіе производятъ письма Достоевскаго, в которыхъ онъ, за несколько мѣсяцевъ до своей смерти, вынужденъ умолять редакцію „Русскаго Вестника“ не изменять техъ или иныхъ выраженій в рукописяхъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Все публикуемыя письма снабжены образцовыми исчерпывающими комментаріями.

II. Исследования, статьи, доклады и воспоминанія о Достоевскомъ.

В Мюнхенѣ в издательствѣ Reinhardt вышла книга дочери писателя, Любови Федоровны Достоевской объ ея отцѣ: „Dostojewsky, geschildert von seiner Tochter“ (308 стр.). Книга оставляетъ весьма тяжелое впечатленіе, какъ доходящей до бесстыдства откровенностью при затрагиваніи интимнейшихъ сторонъ жизни великаго писателя, такъ и какимъ-то вымученнымъ желаніемъ во что бы то ни стало доказать, что Достоевскій не является русскимъ писателемъ, а литовецъ по происхожденію и потому чуждъ всему русскому. (Русск. Книга, Берлин, 1921, № 2; „Вестникъ Литературы“, 1921, № 3).

В печатающихся в „Русской Мысли“ (Софія, 1921. под редакціей Петра Струве) „Воспоминаніяхъ кн. Е. в. г. Н. Трубецкаго“ имѣется рядъ цѣнныхъ указаній на значеніе Достоевскаго для молодого поколенія конца 70-хъ и начала 80-хъ гг.

„...В 1880—1881 году в духовной жизни Россіи совершились два крупныхъ событія. С одной стороны, именно в эту пору нигилистическая волна достигла высшей точки своего подъема [террористическіе акты]... А в то же самое время достигло своего апогея влияние Достоевскаго, который тогда печатал в „Русскомъ Вестникѣ“ высшее свое произведеніе— „Братьевъ Карамазо-

вых". В 1880 г. он произнес прогрессивную на всю Россию пушкинскую речь и вскоре после того умер". Как раз в это время автор воспоминаний, как и его брат Сергей Н. Трубецкой, переживали трудный религиозный кризис, выражаемый краткой формулой: или Бог существует или жить не стоит. „Эта дилемма ставилась передо мною знакомством с философским пессимизмом; и в то же время я нашел ее в ясной, определенной формулировке у Достоевского... В этом же направлении утверждал нас, обоих братьев, целый ряд влияний. Я заинтересовался „критикою отвлеченных начал“ Соловьева, которая печаталась в „Русском Вестнике“ одновременно с „Братьями Карамазовыми“.—Эти мыслители и внушили будущим ученым глубокое убеждение, что предстоящий великий синтез веры и знания, который явится лишь частичным осуществлением общего идеала цельности жизни, будет в близком будущем осуществлен через посредство России.—„Тут было много такого, в чем мне позднее пришлось разочароваться... Но, повторяю, это была иллюзия целого поколения, воспитанного Достоевским и сообщившаяся в молодые годы Соловьеву,—иллюзия лучших умов семидесятых и начала восьмидесятых годов“. (Рус. Мысль, 1921, III—IV, 126—132; Восп., гл. VII: „Разрешение кризиса“).

В тургеневском выпуске „Бирюча петроградских государственных театров“ (1918, II), в воспоминаниях проф. С. А. Венгерова „Четыре встречи с И. С. Тургеневым“ излагаются и личные впечатления покойного ученого от встреч с Достоевским. С. А. Венгеров передает нашумевший в свое время инцидент с Достоевским на обеде в честь Тургенева в 1879 г. Он излагает далее свои воспоминания о выступлении Достоевского на вечере в пользу Литера-

турного Фонда, где Тургенев читал вместе с Савиной свою „Провинциалку“. — „Если Тургенев был прекрасный чтец, то Достоевский пророчествовал. Прошло уже с тех пор 40 лет, но ничего подобного этому проникновенному чтению мне не приходилось встречать. До сих пор я испытываю ощущение какого то трепета. Никогда я не присутствовал при такой мертвой тишине в зрительном зале, при таком захвате слушателей. Все были во власти этого старичка, тонким, пронзительным голосом читавшего „Исповедь горячего сердца“.

А. Л. Бем розыскал среди новопоступивших в рукописное отделение петроградской Академии Наук рукописей дневник некоей Сусловой, близкой к Достоевскому в начале 60-х гг. В дневнике подробно и с большой откровенностью излагается история их отношений, прошедших частью за границей и нашедших себе впоследствии довольно близкое отражение в повести Достоевского „Игрок“. (1866 г.).

Н. Лернер публикует в „Книге и Революции“, 1921, № 21, ценные рукописные заметки К. Н. Леонтьева на полях журнального оттиска его критической статьи „Анализ, стиль и веяние“. Оттиск этот, судя по автографу на первой странице, был преподнесен Д. В. Аверкиеву. Представляет интерес следующая авторская заметка о Достоевском. Слова печатного текста: „это не то, что у Достоевского—трагизм каких то ночлежных домов, домов терпимости и почти что Преображенской больницы... Трагизм Достоевского может, пожалуй, только разохотить каких-нибудь психопатов, живущих по плохим меблированным комнатам“...—все приведенные слова зачеркнуты, и на полях сделана следующая заметка: „Делаю уступку Г-ну Южному, которого это мнение мое удивило... Я знаю, почему я не люблю

романов Д-го (сочувствуя в то же время его публицистике, за исключением глупого бреда в речи о Пушкине); но мимоходом так решительно говорить не следовало... Это правда;—но лучше молчать". Как общает Н. Лернер, „М. Южный—критик „Гражданина“ (уж не самого ли Аверкиева псевдоним?), посвятивший „Анализу“ Леонтьева две статьи (1890 г 8 июня, № 157, и 13 июля, № 162)".

В мае 1920 г. А. Ф. Кони читал в Петербурге в „Доме Искусств" свои воспоминания о Тургеневе, Толстом и Достоевском.

А. Ф. Кони опубликовал новую страницу своих воспоминаний о Достоевском в „Вестнике Литературы" 1921, № 2. Эта „Встреча с Ф. М. Достоевским" относится к пребыванию писателя под арестом на гауптвахте, в качестве редактора „Гражданина".

В марте 1920 г. проф. И. И. Лапшин прочел в „Доме Искусств" доклад „Эстетика Достоевского".

В Московском Обществе Истории Литературы проф. Ф. Ф. Бережков читал в марте 1921 г. два доклада: 1) о книге английского критика Middleton Murry „Dostojewsky" London, 1916; 2) о книге Л. П. Гроссмана „Библиотека Достоевского", Од., 1919.

7 октября 1920 г. К. И. Чуковский в „Доме Искусств" читал доклад „Неизвестные страницы Достоевского".

В Российско-Болгарском книгоиздательстве в Софии вышла в 1921 г. книга Ю. А. Никольского „Тургенев и Достоевский. История одной вражды" (108 стр.).

В серии „Сборники по теории поэтического языка" вышло исследование Юрия Тынянова „Достоевский и Гоголь" (издание „Опояз", Пгд., 1921, стр. 48). В первой части работы, озаглавленной „Стилизация — пародия" строится определение этих двух терминов („стилизация, проведенная с определенными заданиями, обращается в пародию, когда этих заданий нет") и выдвигается положение, что „всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов"; такой борьбой и была преемственность Достоевского от Гоголя (что отчасти уже отмечалось Плетневым, Страховым, Розановым). Это особенно сказалось на тех многочисленных приемах пародирования Гоголя, какие встречаются в различных созданиях Достоевского. В этом отношении особенно любопытно „Село Степанчиков", где второй план (пародируемый) определенно просвечивает сквозь все произведение.

Во второй части исследования „Фома Опискин и Переписка с друзьями" доказывается, что главный герой „Села Степанчиков" — характер пародийный, причем материалом для пародии послужила личность Гоголя, а речи Фомы преимущественно пародируют Гоголевскую „Переписку с друзьями". Авторский прием здесь сводится к следующему: „характер Гоголя пародирован тем, что взят Гоголь времен „Переписки" и ввинут в характер неудачника-литератора, „приживальщика". Фома прежде всего — литератор, проповедник, нравственный учитель; в семействе Ростанева он ведет себя, как Гоголь в семье Аксаковых; наружность Фомы как будто списана с Гоголя. Анализ речей Фомы и сопоставление их с соответствующими местами „Переписки" не оставляют сомнений в их пародийном характере. Проповеди Опискина часто почти

буквально повторяют статьи „Переписки“ („Русский помещик“, „Занимающему важное место“, „Предметы для лирического поэта“, „О театре“, „О помощи бедным“ и друг.). Нельзя не признать крайне показательным и следующее место повести Достоевского: „...Он серьезно уверил дядю, что ему, Фоме, предстоит величайший подвиг, для которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам, или что-то в роде того. Именно: написать одно глубокомысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия. И когда уже затрещит вся Россия, то он, Фома, пренебрегая славой, пойдет в монастырь и будет молиться день и ночь в Киевских пещерах о счастье отечества“. Замечательно, что в „Селе Степанчикове“ пародируются и отдельные приемы гоголевского стиля и самый словарь „Переписки“, вплоть до повторения целых выражений.

Приводимые автором исследования параллельные выдержки весьма убедительны, и тезис его будет вероятно принят, как новый факт нашей литературной истории.

В „Вестнике Литературы“ 1921 г. № 2 (26) помещена статья А. Долинина „Блуждающие образы“ (о художественной манере Достоевского). Автор выдвигает положение, что исключительный метод изучения художественных форм не приложим к Достоевскому: „Какое изумительное обилие образов, друг друга теснящих, мчащихся в каком то невыносимо мучительном беспорядке. И как хрупка и тонка та форма-ядро, которое хочет и пробует — но всегда неудачно — на них накладывать творческая воля художника. Они возникают как бы внезапно, точно здесь в данном

месте, совершенно ненужные, лишь перебойно мешающие. И тонут сейчас же, погружаясь в лоно их родившего хаоса: надолго или на короткое время до ближайшего произведения, которое уже разворачивается в воображении. Толстой тратит на построения, на внешнюю и внутреннюю сцепляемость элементов, громадные усилия. Из множества самых разнообразных возможных комбинаций выбирается лишь одна, единственно нужная в данном месте, и в данный момент развития художественной системы — берется одна какая-нибудь сотысячная часть из всего того, что видит и слышит там в глубине“. В этом смысле Достоевский противоположен не только Толстому, но и Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Гончарову: „Требованиям формы, как определенного художественного задания, как единой и цельной системы образов, архитектурно-связанных между собою, не удовлетворяет, кажется, ни одно из больших его произведений, даже самые выдержанные из них: даже „Братья Карамазовы“ или „Преступление и Наказание“... В дальнейшем развитии своего основного положения автор решается формулировать и такой крайний вывод: „Достоевский никогда и никому не доставлял наслаждения своим художественным творчеством: ни себе, ни другим, никогда не сглаживая своих „уродливостей“, не испытывал сам и читателю не давал испытывать самого радостного из ощущений: власти формы над покорившейся стихией, — того единственного могучего средства, которое выжимает наслаждение из самой глубокой скорби, трагедии превращает в катарсис“.

Выдвинутый вопрос может быть разрешен только в плане обширной специальной монографии, после выяснения основ поэтики Достоевского и тщательного обследования собственно художественных его средств и приемов.

В *Mercur de France* помещена статья некоего Кесселя, в которой автор пытается изобразить Достоевского, как предтечу большевизма. Путем анализа „Братьев Карамазовых“ и „Преступления и Наказания“ Кессель отыскивает основные черты русского духа и русского национального характера, которые, по его мнению, соответствуют выявившимся в большевизме основным чертам русской идеологии. („Известия Петросовета“).

В журнале „Вопросы изучения и воспитания личности“, 1919, № 1 помещена статья Т. К. Розенталя „Страдание и творчество Достоевского; психогенетическое исследование“.

В новом исправленном и дополненном собрании „Стихотворений Н. А. Некрасова“ под редакцией К. И. Чуковского (Гос. Изд., Пд., 1920) помещено написанное Некрасовым совместно с Тургеневым сатириче-

ское стихотворение „Послание Белинского к Достоевскому“. Как отмечает редактор, в этом стихотворении излагается эпизод, случившийся с Достоевским на рауге у графа М. Ю. Виельгорского: когда молодого писателя представили светской красавице Сенявиной, он от волнения зашатался, и ему сделалось дурно.

В том же издании помещено затейливое в старом „Современнике“ 1863 г. „Вступительное слово „Свистка“ к читателям“. Среди шутильного обзора тогдашних журнальных происшествий, рядом с именами Фета, Ив. Аксакова, Н. Ф. Павлова, Каткова, Громеки и проч. имеется строфа и о редакторах „Времени“, вызванная программными и полемическими статьями журнала Достоевского:

... Да, да! Скорее умолкай,
Не достигай пределов невыхода
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай!

III. Приготавливаемые к печати исследования и материалы.

Николай Бердяев приготавливает к печати исследование о Достоевском. Напомним, что в одной из своих последних статей он говорит об авторе „Карамазовых“.

„Эта русская сложность, это богатство духа, это знание противоположностей и полярностей раскрывается в величайшем русском гении и гении всемирном — Достоевском. Дух Достоевского и творчество его не могли бы быть порождены ни чистым западом ни чистым востоком. На востоке нет такой острой постановки проблемы человеческой судьбы, таких откровений о человеческой природе, такого чувства личности, как у Достоевского; на западе же нет таких опасных полярностей, такого крайнего и радикального духа,

такой устремленности к конечному и последнему, такой невозможности удовлетвориться всем средним, всякой устроенностью. Достоевский выражает противоречия и богатства русской души, ее подьемы и падения, ее трудности в путях устройства жизни, создания культуры.

... Многое в Достоевском должно быть преодолено, как русский соблазн. Во многих отношениях действие Достоевского было вредно. Но он останется навеки величайшим выразителем русского духа и пророком мирового значения России.

(„Россия и Западная Европа“. „Русская Мысль“, 1917 г., V—VI.

В Софии, в Российско-Болгарском книгоиздательстве готовится к выходу книга митрополита Антония „Словарь к творениям Достоевского“.

В издательство „Огни“ была сдана в 1918 г. работа В. Л. Комаровича о Достоевском, представляющая собой ряд статей („Достоевский и французские утописты“, „Достоевский и Гейне“, „Достоевский и Пушкин“ и друг.).

В издательство „Задруга“ в 1918 г. была сдана рукопись труда К. К. Истомина (автора работы „Старая манера Тургенева“) „Начала и концы в произведениях Достоевского. Опыт психологии творчества“. Исследование затрагивает главным образом произведения до-каторжного периода.

Отдел цензуры и печати Петроградского Государственного Архивного Фонда готовит к 100-летию Достоевского начатое проф. Ю. Г. Оксманом издание: „Достоевский, материалы цензурных

архивов“, в котором разработаны следующие темы: „К истории издания „Времени“, „Эпохи“ и „Дневника Писателя“, „К истории печатания „Бесов“, „Достоевский в иллюстрированном альбоме 1848 г. Н. А. Некрасова“ „Достоевский и В. В. Григорьев“ и различные другие цензурные материалы.

„Сборник памяти Ф. М. Достоевского“, подготовляемый в Киеве Историко-Литературным Обществом, составлен из следующих статей: Б. А. Навроцкий, Достоевский и Стендаль; С. И. Родзевич, Достоевский и Диккенс; М. П. Алексеев, Достоевский и книга Декланса „Confessions of an english opium-eater“.

Петербургский Дом Литераторов выпускает сборник „Достоевский“, составленный из статей А. Г. Горнфельда, А. М. Ремизова и друг. Статья Ремизова „Огненная Россия“ была прочитана автором в Доме Литераторов на вечере, посвященном памяти Достоевского 11-го февраля 1921 г.

В одном из последних выпусков „Вестника Литературы“, 1921, № 6—7 (30—31) даются дополнительные сведения о книге Л. Ф. Достоевской. Журнал признает, что в воспоминаниях дочери Достоевского „содержится много чрезвычайно интересного материала, освещающего один из наименее исследованных биографией вопросов—о романах автора „Игрока“. Тем не менее приводимые в журнале по отзывам иностранных газет новые сведения о Достоевском изобилуют анекдотическими и легендарными эпизодами, а зачастую и совершенно неверными сообщениями. Простое сличение этих „воспоминаний“

с письмами Достоевского и фактическими данными его биографии обнаруживают чрезмерную приверженность дочери писателя сомнительным „семейным преданиям“.

Прусская государственная библиотека в Берлине приобрела архив В. Пуцковича, в котором имеются письма Достоевского, Ив. Аксакова, Победоносцева и друг.

В немецком журнале „Befreiung der Menschheit“ помещен портрет Достоевского в одежде каторжника (к статье Ольберга, №№ 26—28).

Библиография писем Ф. М. Достоевского,

не вошедших в сборник: „Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского с портретом Достоевского и приложениями“. СПб. — 1883 г. (О. Ф. Миллера и Н. Н. Страхова).

Составили *А. П. Лейфер и М. В. Рапопорт.*

Письма Достоевского, являясь одним из драгоценных источников для его биографа, непосредственными документами для исследователя его творчества, равно, как и новым богатым материалом для всякого вдумчивого и любящего его читателя—до сих пор полностью еще не собраны и не изданы.

В 1883 г., в СПб. вышел сборник материалов для жизнеописания Ф. М. Достоевского под редакцией О. Миллера и Н. Страхова: «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». Сборник этот давно стал библиографической редкостью. Содержит он, помимо другого материала, 147 писем покойного писателя.

С тех пор до наших дней, то в одном, то в другом журнале, газете или сборнике появлялись и появляются публикуемые случайно, разными лицами, по разным поводам отдельные письма Достоевского. Но для целей изучения пользование этим раз-

розненным материалом крайне затруднительно. Эти отдельные письма, появившиеся в печати, должны быть тщательно собраны, изданы или, по крайней мере, библиографически зарегистрированы и описаны. Последней задаче посвящен предлагаемый указатель.

Работа наша носит характер опыта и ни в каком случае не может претендовать хотя бы на приблизительную полноту—таковы условия работы в провинциальном городе, лишенном богатства столичных книгохранилищ и архивов. Тем не менее письма, которые по условиям места не удалось достать и просмотреть, но относительно которых имелись косвенные указания, вошли в предлагаемую библиографию.

Основным руководством при составлении нашего библиографического указателя был разработанный А. Г. Достоевской: «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и

деятельности Ф. Достоевского. Кроме того, нами просмотрены библиографические справочники Венгерова, Владиславлева, Мезиер, Ульянова и Языкова, а также ряд литературно научных журналов и сборников. Часть писем нам предоставлена инициатором и руководителем нашей работы Л. П. Гроссманом из его личного собрания материалов по Достоевскому.

Хронологический указатель распада-

ется на три рубрики: 1) дата и, по возможности, место написания письма; 2) обозначение адресата; 3) указание места первого опубликования письма. В квадратные скобки заключались названия или даты, не указанные в письме, но восстановленные по косвенным данным. К хронологическому перечню писем для облегчения розысков приложен алфавитный указатель адресатов.

Составительницы.

И. Хронологический указатель.

№ по порядку	ДАТА	АДРЕСАТ	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
1	1847 г. Август-Сентябрь.	Н. А. Некрасов	„Речи“, 1914, № 94.
2	[1848 г.] 31 марта.	А. А. Краевский	„Русская Стар.“, 1913, III.
3	[1848-1849 г.]	А. А. Краевский	„Русск. Стар.“, 1913, III.
4	[1849 г.] 1 февраля.	А. А. Краевский	„Русск. Стар.“, 1913, III.
5	[1849 г.] Март.	А. А. Краевский	„Русск. Стар.“, 1913, III.
6	1854 г. 22 фев. Омск.	М. М. Достоевский	„Русск. Стар.“, 1883, IX.
7	1854 г. Начало марта, Омск.	Н. Д. Фонвизина	Сб. „Помощь голодающим“, М. 1892 г.
8	1854 г. 27 марта.	М. М. Достоевский	„Нива“ (Лит. прилож.) 1898, IV.
9	1855 г. 4 июня, Семипалатинск.	М. Д. Исаева	„Нива“ (журнал) 1891, № 4.
10	1855 г. 21 августа.	М. М. Достоевский	„Нива“ (Лит. прил.) 1898, IV.
11	1855 г. 18 октяб., Семипалатинск.	П. Е. Анненкова	„Русск. Вестн.“ 1888, IV.
12	1856 г. 24 марта, Семипалатинск.	Э. И. Тотлебен	„Былое“, 1907 г., I и сб. „Петрашевцы“, М. 1907.
13	1857 г. 20 апр., Семипалатинск.	Д. С. Констант	„Север. Вестн.“, 1891, X.
14	1857 г. 31 авг. Семипалатинск.	В. Д. Констант	„Север. Вестн.“, 1891, X.
15	1857 г. 31 авг. Семипалатинск.	Д. С. Констант	„Север. Вестн.“, 1891, X.
16	1857 г. 30 ноября.	В. Д. Констант	„Север. Вестн.“, 1891, X.
16а	1858 г. 8 февр., Семипалатинск.	Е.	Сборник Общ. Любит. Росс. Словесности, 1891 г. стр. 83-84.

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
17	1858 г. 15 мар., Семи- палатинск.	Д. С. Константин	„Север. Вест.“, 1891 г., X.
18	1858 г. Июль. Авг., Се- мпалатинск.	А. М. Павловский	„Север. Вести.“, 1891 г. XI.
19	1859 г. 23 октб., Тверь.	А. И. Гейбович	„Ист. Вести.“, 1885, I.
20	1859 г. 12 ноября, Тверь.	М. М. Достоевский	„Нива“ (Лит. прилож.) 1898, IV.
21	1861 г. 4 мая.	Редакция „Сына Оте- чества“	„Сын Отечества“, 1891 № 19.
22	1861 г. 24 августа.	А. Н. Островский	„Вестн. Евр.“, 1916, X, 55 стр.
23	1862 г. 6 июня, СПб.	Базунов (магазин)	„Север. Вести.“, 1891, XI.
24	1863 г. 5 января, СПб.	М. В. Велинская	„Русск. Вед.“, 1894, № 241.
25	1863 г. 20 июля.	Е. П. Ковалевский (Лит. фонд)	„День“, 1916, № 99.
26	1863 г., 23 июля.	Е. П. Ковалевский (Лит. фонд)	„День“, 1916, № 99.
27	1863 г., 16/28 авг., Париж.	П. А. Исаев	„Север. Вести.“, 1891, X.
28	1863 г., [19 августа] 1 сент. (нов. ст.), Париж.	В. Д. Константинова [Констант]	„Минувш. Годы“, 1908, VIII.
29	1863 г. 27/8 сентября, Баден-Баден.	В. Д. Константин	„Сев. Вести.“, 1891, X.
30	1863 г. 8/20 сентября, Турин.	В. Д. Константин	„Сев. Вести.“, 1891, X.
31	1863 г. 30/18 сентября, Рим.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
32	1863 г. 10 ноября, Вла- димир.	В. Д. Константин	„Сев. Вести.“, 1891, X.
33	1863 г. 19 ноября, Москва.	В. Д. Константин	„Сев. Вести.“, 1891, X.
34	1864 г. 10 января, Москва.	В. Д. Константин	„Сев. Вести.“, 1891, X.
35	1864 г. 28 января, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
36	1864 г. 31 января, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
37	1864 г. 29 февраля, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
38	1864 г. 20 марта, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
39	1864 г. 10 апреля, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вестц.“, 1891, XI.
40	1864 г. Июль, Павловск.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
41	[1864 г.].	А. В. Корвин-Круков- ская	„Вестн. Евр.“, 1890, VIII стр. 610.
42	1865 г. Весна.	Е. П. Ковалевский (Лит. фонд)	„День“, 1916 г., № 99.
43	1865 г. 9 мая.	Е. П. Ковалевский (Лит. фонд)	„День“, 1916 г., № 99.
44	1865 г. 30 мая, СПб.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
45	1865 г. 8 июня.	А. А. Краевский	„Русск. Стар.“, 1913, III

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
46	1865 г. 2 сентября, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
47	1866 г. 4 июня, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
49	1866 г. 8 июня (пятница), Люблино.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
49	1866 г. Июнь.	А. П. Мплюков	„Русск. Вестн.“, 1889, II.
50	1866 г. 22 июня, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
51	1866 г. 25 июня, Москва.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, X.
52	1866 г. 8 ноября, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
53	1866 г. [8—15 ноября] 9 декабря, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
54	1866 г. 9 декабря, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
55	1866 г. 13 декабря, СПб.	П. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
56	1867 г. 31/19 мая Дрезден.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
57	1867 г. 16/28 августа Женева.	Ап. Н. Майков	„Русск. Арх.“, 1902, IX и Ветринский: „Досто- евоуский в вос- совр.“... Сытина, М. 1912.
58	1867 г. 29 сент./11 октяб., Женева.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
59	1867 г. 22/10 октября, Женева.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, X.
60	1868 г. 1 (13) января, Женева.	А. П. Иванов	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
61	1868 г. 1 (13) января, Женева.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
62	1868 г. 3 марта/19 февр., Женева.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, X.
63	1868 г. 9 июня, Вевей.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
64	1868 г. 4 октября (22 сент.), Милан.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
65	1868 г. 26 октября (7 ноября), Милан.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
66	1869 г. 6 февр. (25 янв.), Флоренция.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
67	1869 г. 8 (20) марта, Флоренция.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
68	1869 г. 29 августа (10 сент.), Дрезден.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
69	1869 г. 10/22 декабря, Дрезден.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, X.
70	1870 г. 22/10 января, Дрезден.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
71	1870 г. 31 янв. (12 февр.), Дрезден.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
72	1870 г. 7 (19) мая, Дрезден.	С. А. и В. М. Ивановы	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
73	1870 г. 2 (14) июля, Дрезден.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
74	1870 г. 17 (29) августа, Дрезден.	С. А. Иванова	„Русск. Стар.“, 1885, VII.
75	1870 г. 1 октября/19 сент., Дрезден.	М. Н. Катков	„Былое“, 1919, XIV.
76	1870 г. 7 (19) октября, Дрезден.	Ред. „Русск. Вести.“	„Былое“, 1919, XIV.
77	1870 г. 8 (20) октября, Дрезден.	М. Н. Катков	„Былое“, 1919, XIV.
78	1871 г. 6/18 января, Дрезден.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
79	1871 г. 27 октября, СПб.	С. А. Юрьев	„В память С. А. Юрьева“, сборн., изд. друзьями покойн. М. 1891.
80	1872 г. 19 июля, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
81	1873 г. Начало января.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
82	1873 г. Начало года.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
83	1873 г. 19 мая, СПб.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
84	1873 г. Весна—лето.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
85	1873 г. 15 сентября.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
85а	1873 г. 11 ноября	М. Н. Лонгинов	„Творчество Достоевского“, сборн. статей и матер. под ред. Л. П. Гроссмана, стр. 75.
86	1873 г. 13 декабря.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1919, XIV.
87	[1873 г.].	А. Ф. Кони	Вестник литературы, 1921, № 2 (26).
88	1874 г. Январь.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
89	1874 г. 11 августа, Старая Русса.	В. Ф. Пуцыкович	„Московск. Сборн.“ под редакц. Сергея Шарапова, 1887.
90	1874 г. 10 сентября, Старая Русса.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
90а	1874 г. 20 октября.	Н. А. Некрасов	„Некрасовский сборн.“ под ред. В. В. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Петроград, 1918, стр. 96.
91	1874 г. 4 ноября, Старая Русса.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
92	1874 г. 11 декабря, Старая Русса.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
93	1875 г. 23 февр., Старая Русса.	П. А. Исаев	„Сев. Вести.“, 1891, XI.
93а	1875 г. 26 марта.	Н. А. Некрасов	„Некрасовский сборн.“ под ред. В. В. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Петроград, 1918, стр. 96—97.
93б	1875 г. Август.	А. Н. Плещеев	Там же, стр. 98.
94	1876 г. 7 января, СПб.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
95	1876 г. 11 января.	Вс. С. Соловьев	„Истор. Вестн.“, 1881, IV.
96	1876 г. 3 марта.	Х. Д. Алчевская	„Передуманное и пережитое“, сборн., М.—1912 г.
96а	1876 г. Апрель.	П. Быков	Вестник литературы, 1921, № 2 (26).
96б	1876 г. Весна.	П. Быков	Вестник литературы, 1921, № 2 (26).
97	1876 г. 28 апреля.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
98	1876 г. 29 мая	Х. Д. Алчевская	„Передуманное и пережитое“, сборн., М.—1912 г.
99	1876 г. 21 июня. Старая Русса.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
100	1876 г. Июль, Эмс.	Вс. С. Соловьев	„Истор. Вестн.“, 1881, IV.
101	1876 г. 21 августа.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, IV.
102	1876 г. 23 августа, Старая Русса.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
103	1876 г. 25 августа, Стар. Русса.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
104	1876 г. 29 августа, СПб.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
104а	1876 г. 29 августа	Граф. С. П. Толстая	„Русск. Арх.“, 1915, I.
105	1877 г. 11 января.	М. А. Юркевич	„Русск. Обзор“, 1896, I.
106	1877 г. 12 марта.	N. N. [А. П. Философова]	„Русск. Стар.“, 1883, X.
107	1877 г. 20 апреля.	В. И. Ламанский	„Русск. Мысль“, 1915, XI.
108	1877 г. 19 мая.	А. П. Н.	„Русск. Стар.“, 1884, IX.
109	1877 г. 20 июня, Мал. Прик., Курск. г.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
110	1877 г. 24 июня, Мал. Прик., Курск. г.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
111	1877 г. среда, 29 июня (июля?), Мал. Прик.	М. А. Александров	„Русск. Стар.“, 1892, V.
112	1877 г. 28 ноября.	N. N. [А. П. Философова]	„Русск. Стар.“, 1883, X.
113	1877 г. 7 декабря, СПб.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
114	1878 г. 24 марта.	Н. П. Петерсон	„Русск. Арх.“, 1904, III.
115	1878 г. 27 марта, СПб.	Неизвестная мать	„Вестн. Воспитания“, 1894, I.
116	1878 г. 27 марта	Редакция „Нового Времени“	„Новое Время“, 1878 г. № 746.
117	1878 г. 27 апреля.	N. N. [А. П. Философова]	„Русск. Стар.“, 1883, X.
118	1878 г. 16 мая.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
119	1878 г. 11 июля, Старая Русса.	С. А. Юрьев	„В память С. А. Юрьева“, сборн., М. 1891.
120	1878 г. 22 августа, Стар. Русса.	П. А. Исаев	„Сев. Вестн.“, 1891, XI.
121	1878 г. 29 августа, Стар. Русса.	В. Ф. Пуцкович	„Моск. сборн.“ под ред. Шарапова, 1987 г.
122	1879 г. 30 января, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
123	1879 г. 3 мая, Старая Русса.	В. Ф. Пуцыкович	„Московск. сборн.“ под ред. Сергея Шаранова, 1887 г.
124	1879 г. 10 мая, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
125	1879 г. 17 мая, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
126	1879 г. 11 июня, Стар. Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
127	1879 г. 15 июня, Стар. Русса.	Е. А. Штакенштейдер	„Русск. Слово“, 1911, 28 января.
128	1879 г. 31 июня.	Редактор „Русск. Гражданина“ [В. Ф. Пуцыкович]	„Русск. Гражд.“, выходящ. в Берлине, 1879, 31 июня, № 5.
129	1879 г. 8 июля, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
130	1879 г. 25 июля (6 августа), Эмс.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
131	1879 г. 7 (19) августа, Эмс.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
132	1879 г. 8 сентября, Стар. Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
133	1879 г. 16 сентября, Стар. Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
134	1879 г. 8 октября, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
135	1879 г. 16 ноября, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
136	1879 г. 2 декабря.	М. Н. Катков	„Русск. Вестн.“, 1879, XII.
137	1879 г. 8 декабря.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
138	1879 г. 12 декабря.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
139	[1879—1880 г.г.].	П. И. Вейнберг	„Опись стар. слав. и нов. рукоп.“, СПб.—1901 г., А. Е. Бурцева.
140	1880 г. 8 января, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
141	1880 г. 21 января, СПб.	В. Ф. Пуцыкович	„Моск. сборн.“ под ред. Сергея Шаранова, 1887 г.
142	1880 г. 9 апреля, СПб.	С. А. Юрьев	„В память Юрьева“, сборн., изд. друз. покойн., М. 1891.
143	1880 г. 9 апреля, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
144	1880 г. 13 апреля, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
145	1880 г. 20 апреля, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
146	1880 г. 5 мая (понедельник).	С. А. Юрьев	„В память Юрьева“, сборн., изд. друз. покойн., М. 1891.
147	1880 г. Весна.	Н. А. Любимов или М. Н. Катков	„Былое“, 1920, XV.
148	1880 г. 13 июня, Стар. Русса.	Граф. С. А. Толстая	„Вестн. Евр.“, 1908, I.
149	1880 г. 15 июня.	[Писательница] Юл. Ф - вна	„Нов. Время“, 1906 г., № 10866, 15 июня.

№ по порядку	Д А Т А	А Д Р Е С А Т	МЕСТО ОПУБЛИКОВАНИЯ ПИСЬМА
150	1880 г. 6 июля, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
151	1880 г. 17 июля, Старая Русса.	Е. А. Штакеншнейдер.	„Русский Архив“, 1891, X. и „Русск. Слово“, 1911, 28 янв.
152	1880 г. 18 июля, Старая Русса.	В. Ф. Пуцыкович	„Моск. Сборн.“ под ред. С. Шарапова, 1887.
153	1880 г. 10 августа, Старая Русса.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
154	1880 г. 8 сентября.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
155	1880 г. 8 ноября, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
156	1880 г. 29 ноября, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.
157	1881 г. 26 января, СПб.	Н. А. Любимов	„Былое“, 1920, XV.

П Р И В А В Л Е Н И Е.

Письма, даты которых не удалось установить в виду отсутствия печатных источников.

158	В. Ф. Пуцыкович	„Верлинск. Листок“, 1903, № 1.
159	А. Н. Плещеев	„Петербургский Дневник Театрала“, 1905, № 15 — 16.
160	„Провинциальный мыслитель“.	„Новое Вр.“, 1897, № 7788.

II. Алфавитный указатель адресатов.

Александров, Михаил Александрович—81, 82, 84, 85, 88, 97, 99, 101, 102, 103, 104, 109, 110, 111.
Алчевская, Христина Даниловна—96, 98.
Анненкова, Прасковья Егоровна—11.
Базунов—23.
Велинская, Мария Васильевна—24.
Выков, Петр—96а, 96б Вейнберг, Петр Иванович—139.
Гейбович, Артемий Иванович—19.
Достоевский, Михаил Михайлович—6, 8, 10, 20.
Е.—16а.
Иванов, Александр Павлович—60.
Иванова, Софья Александровна—58, 61, 65, 66, 67, 68, 73, 74.
Ивановы, Вера Михайловна и Софья Александровна—72.
Исаева, Мария Дмитриевна—9.
Исаяв, Павел Александрович—27, 31, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 44, 46, 47, 50, 51, 56, 59, 62, 63, 64, 69, 70, 71, 78, 83, 90, 91, 92, 93, 94, 118, 119, 120.
Матков, Михаил Никифорович—75, 77, 136.
Ковалевский, Егор Петрович—25, 26, 42, 43.
Кони, Анатолий Федорович—87.

Констант, Варвара Дмитриевна—14, 16, 28, 29, 30, 32, 33, 34.
Констант, Дмитрий Степанович—13, 15, 17.
Константинова, Варвара Дмитриевна—См. Констант, Варвара Дмитриевна.
Корякин-Круковская, Анна Васильевна—41.
Красевский, Андрей Александрович—2, 3, 4, 5, 15.
Ламанский, Владимир Иванович—107.
Лопатин, Михаил Николаевич, 85а.
Любимов, Николай Алексеевич—48, 52, 53, 54, 56, 60, 66, 122, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 138, 140, 143, 144, 145, 147, 150, 153, 154, 155, 156, 157.
Майков, Аннолон Николаевич—57.
Милуков, Александр Петрович—49.
Н.—, Александр Павлович—108.
Некрасов, Николай Алексеевич—1, 90а, 93а.
„Неизвестная мать”—115.
„Новое Время”—См. редакция „Нов. Вр.”.
Островский, Александр Николаевич—22.
Павловский, Александр Михайлович—18.

Петерсон, Николай Павлович—114.
Плеттеев, Алексей Николаевич—83б, 130.
„Провинциальный мыслитель”—160.
Пуцковский, Виктор Феофилович—49, 121, 123, 128, 141, 152, 154.
Редакция „Нового Времени”—116.
Редакция „Русского Вестника”—76.
Редакция „Сына Отечества”—21.
„Русский Вестник”—См. редакц. „Русск Вестн.”.
Соловьев, Всеволод Сергеевич—95, 100.
„Сын Отечества”—См. редакция „Сына Отеч.”.
Толстая, гр. Софья Андреевна—146.
Толстая гр. С. П.—104а.
Тотлебен, Эдуард Иванович—12. ●
[Философова] NN. Анна Павловна—106, 112, 117.
Фон-Визина, Наталья Дмитриевна—7.
Хмырова, Софья Александровна—См. Иванова, С. А.
Штакенин-Бер, Елена Андреевна—127, 151.
Ю. Федоровна—149.
Кривич, Михаил Андреевич—105.
Юрков, Сергей Андреевич—79, 119, 142, 144.

Библиография воспоминаний о Достоевском.

Составили: *Е. Рапутова, Ф. Сематицкая и А. Шайн.*

Предлагаемая библиография воспоминаний была первоначально разработана по рубрикам: 1) автор; 2) годы; 3) содержание (конспективное изложение); 4) имена личные и литературных героев; 5) заглавия литературных произведений. По техническим условиям нам пришлось отказаться от напечатания библиографии в полном виде, сведя ее к простому перечню имеющихся материалов. Но при этом две наиболее важных рубрики (4-я и 5-я) полнее всего ориентирующие читателя в историко-литературном содержании мемуаров—целиком сохранены нами. Они перенесены полностью в специальные указатели, продолжающие наш библиографический список. Таким образом, все имена собственные и литературные заглавия, упоминаемые в текстах воспоминаний, здесь зарегистрированы, чем достигается главная цель указателя—непосредственно ввести изучающих Достоевского в содержание мемуарной литературы о нем.

1. **А.** Воспоминание о Ф. М. Достоевском. «Добро», 1881, № 4—5, 1 марта.

1а. **Абельдяев В.** Памяти Достоевского. Два рассказа очевидца. «Моск. Вед.» 1891, № 29.

1б. **Аверкиев Д.** «Дневник Писателя», 1885 г. XII.

2. **А. О.** Маленький фельетон, XI.—Из литературных воспоминаний. «Новое Время», № 8784, 1900, 11 августа, стр. 3.

3. **Аксаков И. С.** Примечание к речи А. Н. Майкова, произнесенной на собрании Славянского Благотворительного Общества. «Русь» 1881, № 18.

4. **Александров М. А. Ф.** М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 г., «Русская Старина», 1892, IV, 177—207; V, 293—336.

5. **Алчевская Ж. Д.** «Пережитое и передуманное». Встречи. Достоевский, стр. 63—91.

6. **Анненков П. В.** «Замечательное десятилетие», т. III, 138—139, или «Литературные Воспоминания».

7. **Ар—в И.** Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском «Петербургский Листок», 1881, № 22, 31 января.

8. **Боборыкин П. Д.** «За полвека» «Голос Минувшего», 1913, III, 194—195.

9. **Боборыкин П. Д.** «За полвека» (Глава воспоминаний). «Минувшие Годы», 1908, XI, 148.

10. **Браиловский С. Н.** Ф. М. Достоевский в Омской каторге и поляки. Из воспоминаний Токарьевского, «Семь лет на каторге». «Ист. Вестн.», 1908, IV, 189—193.

11. Быков Петр. Памяти проникновенного сердцевода. (Из личных воспоминаний). «Вестник Литературы», 1921, № 2 (26), год III, 4—5.
12. В. М. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. «Добро», 1881, № 2—3, стр. 31—37.
13. Вейнберг П. И. Литературные спектакли. (Из моих воспоминаний). «Ежегодник Императорских театров», 1893—1894 г. Приложение, Ш кн., стр. 96—108.
14. Веселовский К. С. Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. М. К. Бугашевич-Петрашевский, «Русская Старина», 1900, IX, 452.
15. Воллан-де-Ал. «Очерки прошлого», «Голос Минувшего», 1914, IV, 123—125.
16. Врангель барон А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. С. Петербург, 1912.
17. Гаршин Е. Воспоминания о Тургене. «Исторический Вестник», 1883, XI, 386—388.
18. Головачева А. Я. (Панаева). Воспоминание. Гл. IX и X. «Истор. Вестн.», 1889, V, 276—279. Русские писатели и артисты 197, 200, 201.
19. Головачева-Панаева А. Я. Русские писатели и артисты. 1824—1870 г., 157—160 и «Ист. Вестн.», 1889, III, 570—572.
20. Градовский Гр. Конст. «Из минувшего», (Воспоминания и впечатления литератора). «Русская Старина», 1908, X, 69—70, XII, 558.
21. Григорович Д. В. Литературные воспоминания, гл. III, VI, VII, VIII. Полное собрание сочинений Д. В. Григоровича, т. XII, стр. 231—235; 267—277, 281.
22. Доганович А. Из воспоминаний фельдшерницы. «Наблюдатель», 1885, X, 332—338.
23. Dostolewska L. Dostoiowski geschildert von seiner Tochter. München, 1920.
24. Достоевский Андр. Мих. Воспоминания. Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. 1883 г. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского. О. Ф. Миллера, 7—28.
25. Зеленецкий А. А. Три встречи с Достоевским (отрывок из воспоминаний). «Ист. Вестн.», 1901, III, 1021—1029.
26. Иванов. Воспоминание о Достоевском. «Новости», 1881, № 59, 1 марта.
27. Иванов А. Встреча с Ф. М. Достоевским. «Туркестанские Ведомости», 1893, № 12, 14 февр. Ташкент.
28. Из воспоминаний Ф. М. Д. о его I. Из детских воспоминаний. II. Первое произведение. «Газета А. Гатцука», 1881, № 6, 7 февраля, стр. 99—103.
29. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. «Иллюстрированный Мир», 1882, № 9, 27 февраля.
30. Измайлов А. А. «Новости истории». Отрывок из воспоминаний М. В. Каменецкой. «Исторический Вестник» 1915 г., X, 306—307.
31. К. [Сослуживец Д. о его пороте. Отрывок из воспоминаний]. Среди газет и журналов. «Новое Время», 1890, 7 апр., № 7221, стр. 2.
32. Каченовский Влад. От редакции. Мои воспоминания о Ф. М. Достоевском. «Московские Ведомости», 1881, № 31, 31 января.
33. К. и Н. Из сибирских воспоминаний. Ф. М. Достоевский в Омске (Очерк). «Волгарь», 1902, № 353, 25 декабря.
34. Ковалевская Софья. Воспоминания детства. «Вестн. Евр.», 1890, VIII, 610—640.
35. Ковалевский П. М. «Встречи на жизненном пути» (Н. А. Некрасов). «Русская Старина», 1910, I, 30—31.
36. Кошн А. Ф. Встречи с Ф. М. Достоевским. «Вестник Литературы», 1921, № 2 (26), Год III, 6—8.

37. **Кони А. Ф.** «Из воспоминаний». «Вестник Европы», 1908, V, 23—32.
38. **Кони А. Ф.** «На жизненном пути», т. II. Из воспоминаний 1912 г., 93—95.
39. **Кошаров П.** Маленький фельетон. Воспоминание о Достоевском. «Томский листок», 1897, № 172, 10 августа.
40. **Круглов А.** Отрывок из воспоминаний о Достоевском. «Новое Время», 1901 г., № 9228, 11 ноября, стр. 3. Среди газет и журналов. [Перепечатка из «Русского чтения».
41. **Круглов А. В.** «Пестрые странички». Гл. III, «Исторический Вестник», 1895, XI, 471, 473.
- 41а. **Круглов А. В.** Первые шаги. (Из воспоминаний), «Ист. Вестник», 1894 г., II, Т. LVI, стр. 91—94.
42. **Лежнева А.** Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. «Свет», 1882, № 208, 18 сентября.
43. **Либрович С. Ф.** На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Изд. М. О. Вольф. Москва—Петроград. Стр. 42, 398—400.
44. **Майков А. Н.** Отрывок из речи, произнесенной 14 февр. 1881 г. на собрании Славянского Благотворительного Общества («Биография, письма и заметки») «Русь», 1881, № 18, 14 марта.
45. **Мартьянов И. К.** «В переломе века», «Исторический Вестник» 1895 г., XI, 447—448, 450—453.
46. **[Маркевич Б. М.]**. Памяти Федора Михайловича Достоевского. (Из воспоминаний) «Русск. Вестн.», 1881, II, 955—958.
47. **Маркузе И. К.** Воспоминание о Крестовском, гл. II, «Исторический Вестник», 1900, III, 982.
48. **[Масленников К.]**. Обо всем (Литературные очерки). Из воспоминаний. «Мысль». 1882, X—XI, 197—201.
49. **Мережковский Д. С.** Автобиография. Русская Литература XX века под ред. С. А. Венгерова, М. 1914, I, 291.
50. **Мережковский Д. С.** Толстой и Достоевский, «Жизнь и творчество», ч. I, гл. VIII, стр. 132. 4-е изд. СПб. 1909.
51. **Мещерский В. П.** Мои воспоминания, II ч., СПб., 1898, (1865—1881), XII гл., («Мое сближение с Достоевским»), 175—182.
52. **Мякулич В.** Встреча с знаменитостью.—«Женское Дело», 1899, II, 7—25.
53. **Миллер Ор. Ф.** Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского. См. № 24, 60, 62.
54. **Милоков А. П.** Ф. М. Достоевский (К его биографии), «Русская Старина», 1881, III, 691—707; V, 33—52. См. его же «Литературные встречи и знакомства», СПб., 1890.
55. **Новикова О. А.** «Депутат от России». Воспоминания и переписка. Гл. VII. Отрывок из письма к Стеду от 14 февраля 1881 г., «Русская Старина», 1913, XI, 379—380.
56. **Оболенский Л. Е.** Литературные воспоминания, гл. IX. «Исторический Вестник», 1902, II, 500—503.
57. **Пальм А. И.** Речь, произнесенная на могиле Достоевского. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Приложения, 92—93.
58. **Панаев В. А.** Воспоминания, гл. XXIII, «Русская Старина», 1901, IX, 491.
59. **Пудыкович В. О.** Ф. М. Достоевском. (Из воспоминаний о нем). «Новое Время», 1902, № 9292, 16 января, стр. 3.
60. **Ризенкамф А. Е.** Воспоминания. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, 1883, 34—35. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского, Ор. Ф. Миллера.
61. **С. У.** «Мозаика». (Из старых записных книжек). Гл. III. «Исторический Вестник», 1912, XII, 1030—1031.

62. Савельев А. И. Воспоминания. Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского, 1883. 37—38, 42—43.
63. Савельев Ал. Воспоминание о Ф. М. Достоевском. «Новое Время», 1896, № 7150, 24 января, стр. 2.
- 63а. Савельев Ал., Памяти Д. В. Григоровича. «Русская Старина», 1900, VШ, 332—333.
64. Сальников А. Ф. М. Достоевский о любви Пушкина к народу. «Новое Время», № 8307, 1899, 13 апреля, 3.
65. Симонова Л. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. «Церковно-Общественный Вестник», 1881, № 16, 6 февраля, стр. 6—7; № 17, 8 февр., стр. 4—5; № 18, 11 февраля, стр. 3—5.
66. Скандиц А. В. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске. «Исторический Вестник», 1903, I, 201—225.
67. Соллогуб В. А. Воспоминания, гл. VI. «Исторический Вестник», 1886, VI, 561—562.
68. Соловьев Всеволод. Воспоминания о Достоевском. «Исторический Вестник», 1881, III, 602—616; IV, 839—853.
69. Соловьев Вс. Памяти Ф. М. Достоевского. «Нива», 1881, VII, 162—163.
70. Стахеев Д. И. «Группы и портреты», (Листочки воспом.). «Исторический Вестник», 1907, I, 84—89.
71. Страхов Н. Н. «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском». Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, 179—208, 212—230, 235—301, 304—324.
72. Страхов Н. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. (Читано в Петербурге в торжественном заседании Славянского Благотворительного Общества, 14 февраля), «Русь», 1881, XVI, 15—18, 28 февраля.
73. Суворин А. С. Некролог. «Художественный журнал», 1881, II, 118.
74. [Суворин А. С.] Ф. М. Достоевский. «Полярная звезда», 1881, II, 139—144.
75. Сытня З. А. Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском. «Ист. Вести», 1885, I, 123—128.
76. Т ва В. В. (О. Починковский). Год работы с знаменитым писателем «Исторический Вестник», 1904, II, 488—542.
77. Tokarzowski. «Siedem lat katorgi» «Gazeta Polska», 1907, II—XIX.
78. Толкирева А. Памяти Ф. М. Достоевского. «Игрушечка», 1881, № 6, февраля 8, № 7, февраля 15, 1881—183 238—239.
79. Трутовский К. Материалы для характеристики русских писателей. Первое воспоминание о Федоре Михайловиче Достоевском. «Русское Обозрение», 1893, I, 212—217. См. также Щукинский сборник, вып. I, М. 1902.
80. Успенский Н. В. «Из прошлого». Воспоминания. 168—178, изд. 1889 г.
81. Хлебников К. Д. «Записки», «Русский Архив», 1907, III, 381.
82. Фон-Фокт Н. Н. К биографии Достоевского. «Ист. Вести», 1901, XII, 1023—1034.
83. Францева М. Д. Воспоминания, гл. IV и V «Ист. Вести», 1888, VI, 628—632.
84. Храневич В. Достоевский по воспоминаниям ссыльного псыка. (Из воспоминаний Токарежского «Семь лет на каторге»). «Русская Старина» 1910, III, 605, 610, 611.
85. Цареубийство 1 марта 1881 г., гл. VI. «Истор. Очерки». [Воспоминания Г. К. Градовского о Достоевском], «Исторический Вестник», 1910, IV, 240—242.
86. Черевин Н. Т. Полковник де-Граве и Ф. М. Достоевский. «Русская Старина», 1889, II, 318.
87. Штакелшнейдер Ел. Андр.

«Отрывок из дневника» за 1884 г., 10-го и 30-го января и 4-го и 6-го февраля. «Голос минувшего», 1916, II, 74—81.

88. **Штакеншнайдер Е. А.** Из записок. «Русский Вестник», 1901, X кн., 447—450.

89. **Штакеншнайдер Е. А.** Из дневника. «Голос Минувшего», 1919, № 1—4, 175—201.

90. **Штакеншнайдер Е. А.** Из за-

писок. «Русский Вестник», 1901, VIII, 415—416.

91. **Янжул Ив. Ив.** «Воспоминания о пережитом и виденном». «Русская Старина», 1910, X, 6—8.

92. **Яновский С. Д.** Воспоминания о Достоевском. «Русский Вестник», 1885, IV, 796—819.

93. **Ясинский И.** Воспоминания, гл. VI, «Исторический Вестник», 1898, II, 568—569.

Алфавитный указатель собственных имен,

упомянутых в тексте воспоминаний¹⁾.

А — автор воспомин. о
Д-м, 1.
Абаза О., 16, 71.
Аблай-хан, 16.
Аверкиев Д. В., 52, 71, 87.
Аверкиева, 52.
Авдотья, прислуга
Д-ого, 76.
„Аглая“, („Идиот“), 68.
Адам, 24.
Адам, денщик А. Вран-
геля, 16.
Айвазовский, 5.
„Акакий Акакиевич“,
72.
Аксаков К. С., 71.
Аксаков И. С., 3, 15, 38,
41, 71.
Александр I, 16, 66.
Александр II, 4, 10, 16, 54.
Александров М. А., 4,
76, 85.
Александрова М. М., 4.
Алексеев, 24.
Алена Фролова, 24.
Алмазов Б. Н., 71.
Алчевская Х. Д., 5.
[Алчевский] А. К., 5.
„Альбер“ („Скупой ры-
царь“), 52.
А. Ашар, 11.
Андреевский, 91.
Анненков П. В., 6, 71.
Анненков Ф. А., 16, 21.
Антонелли, 54.
Антоний Киевский, 52.
„Антоний“ („Торквато
Тассо“), 76.
А. О., автор воспомин.
о Д-м, 2.
Ар—Е. И, 7.

Аракчеев, 16.
Аристонг, 16.
Асоческий, 76.
Ахматов, 16.
Афанасьев — Чужбин-
ский, 11.
Бабинов К. И., 71.
Бабков, 68, 75.
Бажич, 4.
„Базаров“, 71.
Базилевич, 16.
Вазунов А. Ф., 8, 71.
Бафрон Дж., 76, 87.
Бакунин М., 16.
Бальзак О., 21, 52, 71.
Бантыш-Каменский, 21.
Бантышов, 82.
Барбье, 54.
Баршев И., 24.
Баршев С. И., 24.
Баршев Я. И., 24.
Бартнев, 17.
Бахирев Ал. Ив., 66.
Бахирев Н. А., 66.
Безус, 79.
Бекетов, 79.
Бекетов А. Н., 21.
Бекетов Н. Н., 21.
Беклемпшев, 16.
Беляков, 16.
Белихов, 66.
Белинский В. Г., 16, 18,
21, 25, 54, 58, 68, 71, 92.
Белов А. А., 15.
Бенедиктов, 90.
Берг, 11, 52.
Бергеман Г. А., 36, 37.
Берожецкий Ив., 21, 62,
63, 79, 80.
Бетхонен, 34, 52, 82.
Бисмарк, 82.

Б-кий, 16.
Благосветлова Е. А., 4.
Благосветлов Г. Е., 1, 54.
Блан Луи, 92.
Боборыкин П. Д., 2, 8, 71.
Борзи Дж., 92.
Бориславский, 45.
Боткин, 18, 21.
Брайловский С. И., 10.
Брылкин, 45.
Будда, 16.
Букаш, 16.
Булгарин, 92.
Бутаевич — Петрашев-
ский М. К., см. Петра-
шевский.
Бутков И. П., 92.
Бютцов, 16.
Быков, 4, 11.
Вагнер Н. И., 56.
„Валленродт“, 76.
Валиханов Мухамед
Ханафия, 16.
„Ванька-Танька“, про-
звище калачницы в
остроге, 16.
„Варенька“, 21.
Василья, денщик Д-ого,
66.
Введенский Ив. Ив., 15,
54.
Веденяев, 68.
Вейман А. Ф., 16.
Веймарн, 16.
Вейнберг П. И., 13, 25.
Вельтман, 21.
Верещагина, 22.
Верстовский, 82.
„Верховенский Ст. Тр.“,
72.
Веселовский К. С., 14.

¹⁾ Цифры обозначают №№ воспоминаний. Имена литературных героев взяты в кавычки. В квадратные скобки заключены фамилии лиц, не названных полностью в тексте воспоминаний.

Вестфаль, 92.
Витковский, 21.
„Владимир Красное
Солнышко“, 1.
„Влас“, Некрасова, 4.
Власовский, 92.
В. М., автор воспом. о
Ц-м, 12.
Всейков, 21.
Воынцева, 22.
Вольтер Фр., 15, 59, 68, 71.
Вольф М. О., 43.
Воскобойников Н. П.,
8, 71.
Врангель А. Е., 16, 66,
71, 87.
Врангель В. Е., 16.
В-р Е. Ф., 54.
„Вронский“, 5.
Гагарин, 54.
Гайдебуров, 91.
Галл, 92.
„Гамлет“, 13, 78, 82.
„Ганнеле“, 36.
Гаршин Е., 17, 43.
Гатцук А., 28.
Гё, 76.
Гегель Г., 16, 71.
Гейбович А. И., 66, 75.
Гейне Г., 82.
Гензельт, 16.
Гензельт А., 16.
Генкель, 43.
Гербель, 76.
Гергей, 16.
Гернграсс, 16.
Гернграсс Е. У., 16.
Герцен А., 21, 54, 71, 76.
Герштенцвейг, 66.
Гете 21, 59, 71, 76.
Гибнер, 24.
Гик, 5.
Гиляров, 71.
Гиршфельд, 16.
Г. К. Р., 63.
Глинка А., 90.
Глинка М. И., 71, 82.
„Глумов“, 76.
Гоголь Н. В., 11, 16, 21,
25, 43, 51, 52, 54, 71, 72,
76, 79, 82, 92, 13.
Головачев, 80.
Головачева (Панаева)
А. Я., 19, 19, 52.
Головенский, 92.
Голодтеев, 82.
Го Н. И., 34.
Гонкур, 52.

Гончаров Н. А., 4, 5, 13,
25, 92, 93.
Горбунов, 56.
Горенко, 30.
Горчаков, кн. 83.
Госфордт, 16.
Гофман, 21.
Градовский Г. К., 51, 76.
Грановский, 17, 18.
Грибоедов А. С., 43, 71, 72.
Греч, 92.
Григорович Д. В., 4, 19,
25, 58, 62, 1, 13, 21, 63а.
Григорьев Ал., 9, 16,
54, 71, 72, 83, 92.
Гризи, 92.
Губин, 71.
Гумбольдт, 16.
Гурьев, 16.
Гурко Н. В., 15.
Гюббенет, 16.
Гюго Виктор, 5, 16, 36,
38, 54, 68, 71, 72, 76.
Давыдов И. И., 24.
Дагмара, принцесса, 16.
Данплов, 37.
Дант, 54.
Дарвин Ч., 25.
„Девушкин Макар“, 19,
21, 72.
Де-Граве, 86.
„Дездемона“, 52.
„Делеклюз“, 2.
Демерт А. Н., 76.
Демидов, 16.
Демчинский, 16.
Денисов, 66.
Державин Г. Р., 21, 54.
Дернкер, 54.
Диккенс Ч., 54, 72, 87.
Дитятня, 56.
Д. К., князь, 52.
Добролюбов Н. А., 15,
25, 71, 76.
Доганович А., 22.
Додэ А., 52.
Дозе Ф. И., 71.
Долгоруков, 54.
Домете, 66.
„Дон Жуан“, 52, 92.
„Дон Карлос“, 52.
Долгомостьев И. Г., 71.
Достоевская А. Г., 4, 5,
22, 24, 25, 34, 46, 52,
61, 71, 87.
Достоевская Варв. Мих.,
24.
Достоевская В. М., 24, 82.
Достоевская Л. Ф., 4, 68.

Достоевский А. М., 24,
54, 63, 66, 75, 92.
Достоевская М. Дм., 71.
Достоевский М. М., 11,
16, 21, 24, 35, 51, 56,
66, 71, 72, 75, 92.
Достоевский Н. М., 24.
Достоевский Федя, сын
М. М. Д-го, 54.
Драшусова Е. П., 24.
Драшусов Н. И., 24.
Дубельт В., 16, 54.
Дудышкин, 54.
Дуров С. Ф., 10, 16, 45,
51, 83, 84, 92.
Дюма А., отец, 21, 45.
Дюссо, 76.
Ева, 24.
Европеус А., 16.
Евстафий, депп. Д-ого,
92.
Елисеев, 76.
Ержинский, 71.
Иван-Пушкин, 83.
Жемчужников, 83.
Жорж Занд, 71, 76.
Жуковский В. А., 63.
Жуковский П. А., 60, 63.
Загуляев, 88.
Загуляевы, 52.
Засулич Вера, 43, 85.
Зволянский, 92.
Зеленецкий А. А., 25.
Зола Э., 52.
Золотарев, 71.
„Зосима“, 52.
Зубарев, 66.
И., Анна Львовна, 79.
Иванов, ген., 16.
Иванов, авт. воспом. о
Д-ом, напеч. в „Но-
востях“ 1881 г., 1 мар-
та, № 26, 59,
Иванов А., 27, 82.
Иванов К. И., 45.
Иванова, 16.
Иванова В. М., 82.
Иванова М. А., 82.
Цаумнов, 63.
„Илья Муромец“, 4.
Ильин В. И., 71.
Инфолио, 59.
Исаев И., 16, 66.
Исаев П., 16, 66.
Исаева М. Д., 16, 66, 75,
76, 82.
И., сослуж. Д-ого по
роде, 31.
Кавелин, 18.

Кавос М. А., 76.
 Капиров, 5.
 Калиповский Д. П., 71.
 „Карамазов Алеша“, 34, 62, 72, 76.
 „Карамазов Дмитрий“, 72, 76.
 „Карамазов Иван“, 72.
 „Карамазов“ (отец), 72.
 Карамзин Н. М., 21, 24, 72, 76.
 Карачин А., 71.
 „Каренина Анна“, 5.
 Карлейль Томас, 55.
 Кармазинов“, 17.
 Карус, 16.
 Касаткин П., князь, 24.
 Катков М. Н., 54, 66, 71, 87, 91.
 Кац П. Ф., 66.
 Каченовский Вл., 32.
 Кашевский, 54.
 Кашкин, 16.
 К. В. М., беллетрист,
 Квятковский, 89.
 Кени Сара, 16.
 Киреева Н., 89.
 Киреевский И. В., 71.
 „Кити“, 5.
 Клемм, 52.
 К-н Н., 83, 82.
 Кобз, 54.
 Ковалевская С., 34.
 Ковалевский М. Е., 37.
 Коврыгин, 16, 66.
 Колодеев, 89.
 Коммисаров, 71.
 Коморов, 89.
 Кони А. Ф., 36, 37, 38, 85.
 Коннаутский, 89.
 Коптев, 16.
 [Корвин-Крюковская] А. В., 34.
 [Корвин-Крюковской] В. В., 34.
 Корнилов Ф. П., 71.
 Корнилова Ек., 36, 37, 48.
 „Коробочка“, 16, 21.
 Королюков, 4.
 Корончевский, 25.
 Корреджио, 71.
 Корф Н. И., 16.
 Костомаров К. Ф., 21.
 Костомаров Н. И., 71.
 Котельницкий В. М., 34.
 Кошляков, 71.
 Кохановская, 68, 71, 76.
 Кошаров П., 39.

Краевский А. А., 13, 54, 56, 67, 76.
 Крамер, 16.
 Крамской, 4.
 Крапивина, 76.
 Крассовский, 76.
 Крейтенберг, 76.
 Крестовский Вл. Вл., 11, 47, 54, 71.
 Крешев, 92.
 Кришцов В. Г., 45, 86.
 Кронеберг, 5.
 Круглов А., 40, 41, 41а.
 Крылов И. А., 21.
 Кудрявцев, 24.
 Кузьмина Д. Н., 34.
 Кузьминская, 89.
 Куколевский, 5.
 Куликов Н. Н., 37.
 Куликова, 37.
 Куманин А., 24, 66.
 Куманина, 16.
 Купер, 21, 63а.
 Курочкин, 71.
 Курочкин В. С., 13, 56.
 Курочкин Н. С., 11, 56, 76.
 Кушелев, 66.
 Кусков Пл., 11.
 Лавров П. Л., 87.
 Лажечников, 92.
 Ламанский П. И., 54.
 Ламартин, 18, 52, 68а.
 Ламониз, 54.
 Lamotte, 16.
 Ландсберг, 37, 56.
 „Лаура“, 52.
 Лебедев Н. К., (Морской), 4, 5.
 „Левин“, („Анна Каренина“), 5.
 Левшин, 45.
 Леже Луи, 36, 38.
 Лежнева, 42.
 Леонтьев К., 2, 91.
 „Лепорелло“ П., 52.
 Ленухин, 66.
 Лепухина, 66.
 Лермонтов М. Ю., 24, 76, 92.
 Либрович С. Ф., 43.
 Лизогуб, 89.
 Линч, 80.
 Лист, 52.
 Л-к, 4.
 Ломоносов М. В., 24.
 Лоренц, 37.
 Лорис-Меликов, 4, 56, 74, 89.

Лоррен Клод, 71.
 Луцкий, 24.
 Луи Филипп, 16.
 „Тукерлат“, 24.
 Любимов Н. А., 31.
 „Лядова“, 89.
 Льюис, 82.
 Льюис Н., 71.
 Льюис Ф., 16.
 Льюиса, 16.
 „Магара Тимофеевна“, („Кому на Руси жить хорошо“), 76.
 Магомед, 34.
 „Мадель“, („Озеро Онтарио“), 21.
 Малад, 71.
 Майков, 13, 17, 25, 32.
 Майков Ал. П., 3, 11, 16, 37, 46, 66, 69, 70, 71, 76, 82, 87, 89, 90, 92.
 Манков В. И., 92.
 Майкова Е. П., 92.
 „Макар Иванович“, („Подраостов“), 68.
 Макарый, митрополит, 71.
 Макова, 89.
 Маковский Е., 89.
 Малосапожков, 16.
 Мамонтова-Мельчакова Е., 66.
 Мандерштерн, 16.
 „Манилов“, 92.
 „Марей“, („Мужик Марей“), 5, 24.
 Мария Александровна, государыня, 16.
 Мария Николаевна, вел. кн., 16.
 Маркевич Б. М., 71, 89.
 Марке, 89.
 Маркузе И. К., 47.
 Марминский, 21.
 „Мармеладов“, 87.
 „Мармеладова К. И.“ 82.
 Мартен, 45.
 Мартынов, 11, 13.
 [Масленников К.], 48.
 Массарин, 16.
 Матюрен, 21.
 М. В. К., 76.
 Мейербер, 82.
 Мекензи У., 3.
 Менды-Бей, 16.
 Мердер Н. И., 92.
 Мережковский Д. С., 49, 50.

Мессароша, 16.
 „Мефистофель“, 92.
 Мещерский В. П., 4, 16, 36, 51, 71.
 Микulich В. 52.
 Миллер Н. П., 16.
 Миллер Ор. Фед., 4, 16, 24, 53, 71, 89, 92.
 Миллюков А. П., 11, 54, 71, 86, 92.
 Минаев Д. Д., 71.
 Митрофанов, 76.
 Мишкевич, 76.
 „Михаил“, герой повести А. В. Корвин Крюковской, 34.
 Михаил Павлович, вел. кн., 79.
 Михайловский, 36.
 Моисеенко Великий, 80.
 Момбелли Н. А., 54, 83, 92.
 Мордвинова, 89.
 Монарт, 82, 92.
 Мочалов, 24.
 Муравьев Н., 16.
 „Мышкин“, князь, 76.
 Musset, 52.
 N., издатель „Гражданина“, 4.
 Набоков, 54.
 Навроцкий Л. А., 30.
 Надсия, 5.
 Назимова, 52.
 Назимовы, 52.
 Наполеон III, 82.
 Нарезный, 24.
 „Настасья Петровна“, „Бедные Люди“, 21.
 Некрасов Н. А., 4, 9, 13, 18, 19, 21, 35, 58, 64, 66, 71, 76, 87, 89.
 Неупокоев, 4.
 Пемирович-Даченко, 51.
 „Неточка Незванова“, 79.
 Нечаев, 76.
 Николай I, 3, 10, 51, 79, 84, 92.
 Николай Александров, цесаревич, 16.
 Ницше Ф., 76.
 Нововский, 66, 75.
 „Ноздрев“, 82, 92.
 „Норма“, 92.
 О. Марина, 16.
 „Обломов“, 92.
 „Облонский“, 5.

Оболенинский В. В., 4, 76.
 Оболенский П. Е., 36.
 Обух, 13, 16.
 Огарев П. П., 21, 71, 76.
 Ольденбургский, принц, 16, 66.
 Ольхин П. М., 54, 71.
 „Онегин Евгений“, 52.
 Ордынский, 66.
 Орлов, кн., 16.
 Островский А. П., 5, 13, 35, 52, 71, 72.
 „Отелло“, 52.
 Оуэн Роберт, 54.
 Павел I, 16.
 Палацкий, 71.
 Пален, граф, 51.
 Паллас, 16.
 Пальм, 54, 66, 92, 57.
 Пальшин, 66.
 Панаев, 19, 92.
 Панаев В. А., 18, 58.
 Панаева А. Я., см. Голлачева.
 Панин, граф, 16.
 Rare Carpenter, 5.
 „Пат Файндер“, („Озеро Онтарио“), 21.
 Пашков, 5.
 Перовицков Д. М., 24.
 Перов, художник, 76.
 Петерсон, 71.
 Петр Великий, 71, 85.
 Петрашевский М. К., 14, 16, 18, 44, 51, 54, 67, 79, 83, 92.
 Петров Н. И., 71.
 Печаткин, 4.
 Печкин, 54.
 „Печорин“, 52.
 Пешехонов, 66.
 Пилат, 20.
 „Пирогов“, („Дневник Писателя“), 76.
 Пирогов Н. И., 87.
 Писарев Д. И., 11, 25, 64.
 Писемский А. Ф., 13, 35, 65, 71, 76, 90.
 Пляксин В. П., 62, 63, 79.
 Плец, 16.
 Плещеев А. П., 16, 19, 21, 54, 89, 92.
 „Плюшкин“, 21.
 Погодин М. П., 71, 76.
 „Подколесин“, 71.
 Покров, 92.
 Покровский М. П., 87, 88.
 Полевой К., 24.
 Полетика, 16.

Полонский, 52, 89.
 Полонский Я. П., 2, 52, 61, 68, 76, 87, 88, 89, 90, 91.
 Поляков, 21.
 Помяловский, 88.
 Понов, 16.
 Попова М., 89.
 „Попрыщин“, 21, 72.
 Посоников Н. Г., 71.
 Порецкий А. У., 71, 76, 92.
 Потехин, 25, 76.
 „Потугин“, 17.
 Починковский О., 4.
 Пресняков, 89.
 Прудон, 54.
 П-ский, 25.
 Путята А. Д., 41.
 Пуцкович В., 1, 89, 59.
 Пушкин А. С., 4, 16, 24, 25, 34, 36, 38, 43, 52, 54, 60, 61, 64, 71, 72, 74, 76, 79, 87, 89, 92.
 Пуцин, 89.
 Пфайфер А. А., 71.
 Пшике, 16.
 Разин А. Е., 11, 71.
 „Раскольников“, 36, 87, 76.
 Ратынский, 4.
 Рафаэль, 21, 71.
 Рафф, 52.
 Рахим Бой, 16.
 Рахманин, 82.
 Редкин, 18.
 Редсток, 76.
 „Репетилов“, 74.
 Ригр, 71.
 Родонежский Сергей, 52.
 Рожновский, 80.
 Розанов, 59.
 Розентейм, 71.
 Рон, 60.
 Россини, 54.
 Ростовцев, 54.
 Рошфор, 89.
 Рубинштейн, 52, 89.
 Рубинштейн И. Г., 71.
 Руссо Ж.-Ж., 15.
 Рюнедаль, 71.
 С..., 16.
 С. Сидор Иванов, 16.
 Савельев Ал., 62, 63, 63-а.
 Савонаролла, 38, 50, 90.
 Саврасый В., 16.
 Сазонова, 89.
 Салтыков М. Е., 35, 52.
 Салтыков Щедрин, 66, 76.

Салтыки, 92.
Салтыков А., 64, 69.
Самарин Ю. Ф., 51.
Самойлова В., 16.
Санкин, 66.
Сахтынский, 16.
„Овидрицкый“, 36.
Семирадецкий, 54.
Сенковский, 21.
Сен-Спмон, 54.
Сергеевич В. И., 91.
Серов, 82.
Сестренкевич, 92.
Сягмунт, 92.
Сидоров А. О., 66.
Симонова Л., 65.
Скандин А. В., 66.
Скарятин, 71.
С-кий (Стелловский), 54.
Скотт Вальтер, 21, 24.
Случевский Е., 52, 71, 89.
„Смердюков“, 72.
Смирнова М. М., 89.
Сниткин И. Г., 71.
Сниткина А. Г., 54, 71.
„Собакевич“, 92.
Соколов, 76.
Сократ, 92.
Сологуб В. А., 67, 92.
Соловьев Вл., 70, 71, 76, 91.
Соловьев Вс., 68, 69, 76.
Соловьев С. М., 71.
Сорский Нил, 52.
„Софья Фамусова“, 74.
Спасский, 16.
Спенсер, 25.
Спешнев, 16, 18, 54, 66, 83, 92.
Спиридонов, 16.
Спиридович В., 16.
Спичаков Л. А., 41.
„Ставрогина“, 89.
Станкевич А., 21.
Станкович П. В., 21.
Станкович А.
Стасюлевич, 89.
Стелловский, 47, 54, 71, 82.
Стоюнин В. Я., 4.
Страхов Н. Н., 2, 9, 11, 52, 70, 71, 72, 76, 89.
Суворов А. С., 15, 73, 74.
Сулъе Ф., 21.
Сушард Н. И., 24.
Сщеченный, 10.
Сытина Э. А., 66, 75.
Сю Евгений, 18, 45, 87.

Таганцев Н. С., 91.
Тамберлик, 92.
„Тарасемичева“, („Норк“), 54.
Тассо Торквато, 76.
„Татьяна“, („Евгений Онегин“) 52.
„Телль Вильгельм“, 51, 92.
Тени Ван, 16.
Тиблен Е. К., 71.
Тиблен Н. Л., 71.
Тимофеева В. В., см. Починковская О.
Токаревский, 10, 77.
Толнверова А., 77, 78.
Толстол С. А., графиня, 46, 52, 61, 89.
Толстой А. К., 4, 13, 61.
Толстой Л. Н., 1, 5, 35, 36, 52, 61, 66, 71, 72, 89, 93.
Толь, 18.
Томашев, 21.
Томаринский, 21.
Тотлебен Эд. Нил, 16, 66, 89.
Траверсен, 16.
Траншель, 76.
Трейтер В. В., 24.
Тренов, 85.
Троицкая, 88.
Троицкий И. И., 45, 83.
Трубинкова, 89.
Трутовский К., 79.
Тургенев И. С., 8, 20, 21, 25, 30, 85, 88, 41, 43, 52, 58, 71, 76, 87, 88, 89, 92, 93, 19, 13.
Тютчев Ф. И., 5, 44, 78.
Умнов И., 24.
Успенский Г. И., 76.
Утин Е. И., 93.
Феваль Поль, 45.
Фенлякина Дана, 5.
Феодосий Киевский, 52.
Фермор, 21.
Филарет, митрополит, 24.
Филиппов, 54, 71, 76, 79.
Философа А. И., 30.
Флобер, 52.
Фон-Бретцель Я. В., 71.
Фон-Визин Д. И., 72.
Фон-Визина, 83.
Фон-Фохт Н. Н., 82.
Франковский, 5.
Франц-Иосиф, 82.

Франческа М. Д., 83.
Френцелинг, 92.
Фридрих, 43.
Фридрих Вильгельм, 16.
Фридрих, 16.
Фурье, 54, 92.
Ганьков, 92.
Хитрово, 52.
„Хлестако“, 13, 71.
Хлынов, 66.
Хоментовский М. М., 66.
Хомиков А. С., 71.
Хоминтовский, 16.
Храчевич Н., 84.
Шейдлер, 92.
Шевчик, 75.
„Шертына“, 92.
„Шацкий“, 74.
Шеранский, 56.
Черевин П. Т., 86.
Черевин, 71.
Черенин Н. И., 71.
Чермак Л. И., 21, 24.
Чернышевский Н. Г., 15, 54, 71, 78.
Черняев, 66.
Чертков Н., 5.
Чехов А. П., 43.
Чистяков М. Б., 11.
„Чичиков“, 16, 21, 82, 82.
„Чубинский“, 89.
Чудиков А. А., 71.
Ш., см. Штампешнайдер
Шамиль, 16.
Шарко, 92.
Шевченко Т., 66, 89, 93.
Шекспир, 79, 82.
Шелгунов Н. В., 4, 91.
Шидловский А. Н., 69.
Шиллер Фр., 24, 25, 76, 80.
Широкий С., 24.
Шифферс, 89.
Шкарлевский, 76.
Шольц, 92.
Шопен, 82.
Шпильгаген Фр., 71.
Штакеиншнайдер Е. А., 62, 67, 82, 83, 90.
Штакедльберг, 16.
Шуберт, 34.
Шульц, 89.
Шуман, 52.
Щедрин М. Е., 15, 41, 43, 71.
Щенков А. Д., 64.
Эдельсон Е. И., 71.
Энгельгардт А. Н., 52, 89.

Юзов, 36.
 Юматов, 71.
 Юркович, 71.
 Юханцов, 56.
 Якоби, 80.

Яковлев Ал. Дм., 71.
 Яковлев, 5.
 Яковлев П., 66.
 Яковлева З., 15.
 Якушкин, 16.

Яновский С. Д., 71, 92.
 Яргин, 63.
 Ярославцев А., 71.
 Яценский П., 93.

ДОБАВЛЕНИЕ К УКАЗАТЕЛЮ ИМЕН.

Волган (Де) Ал., 15.
 Градовский Г. К., 20, 85.
 Державин Г. Р., 63а.
 Достоевская Л., 23.
 Измайлов А. А., 30.
 Каменецкая М. В., 30.
 Коралевский П. М., 35.
 Knigge, 63а.
 Майков А. Н., 44.

Мартынов Н. К., 45.
 Маркович В. М., 46.
 Монтоусье, 63а.
 Новикова О. А., 56.
 Почниковская О., 76.
 Ризенкамф А. Е., 60.
 Садовский, 13.
 Сильников А., 64.
 Стахов Д. Н., 70.

Успенский П. В., 80.
 „Фамусов“, 13.
 Хлебников, К. Д., 81.
 Zschokke, 63а.
 Шикин, 13.
 „Шпокин“, 13.
 Шумский, 13.
 Щепкин, 13.
 Янжул Пв. Пв., 91.

Алфавитный указатель литературных произведений,

упомянутых в тексте воспоминаний.

- „Анна Каренина“, 5.
 „Аристократ Гостиного двора“, 4.
 „Астролог“, 21.
 „Ведная Лиза“, 24.
 „Ведные жильцы“, 71.
 „Ведные люди“, 5, 11, 16, 19, 21, 52, 54, 58, 62, 63, 67, 69, 71, 72, 75, 78, 79, 81, 92.
 „Вездюломный“, 41.
 „Волле Рове“, Ашара, 11.
 „Воссы“, 4, 21, 24, 36, 54, 69, 71, 72, 74, 76, 80.
 „Вот“, 24.
 „Ворис Годунов“ Пушкина, 69.
 „Братья Карамазовы“, 4, 15, 24, 25, 37, 54, 69, 72, 74.
 „Ваворлей“, 24.
 „Весенние ночи“, 54.
 „Вечный жид“, 45, 84.
 „Вечный муж“, 86, 71.
 „Влас“ Некрасов, 4.
 „Властиителям и судьям“ Державина, 54.
 „Война и мир“, 71.
 „Воскресенно“ Л. Толстого, 38.
 „Воспоминания“ Панаева, 19.
 „Воспоминания о бурсе“ Помяловского, 88.
 „Вперед“ Плещеева, 54.
 „Гамлет“ 78, 89.
 „Генриада“, 24.
 „Глухал улица“, 71.
 „Горо от ума“, 43, 63а, 74.
 „Горькая судьбина“, 71, 90.
 „Граф Габсбургский“, 24.
 „Граф Монтекристо“, 45.
 „Граф Обезьяников на новом месте“, 16.
 „Графиня Монсоро“, 45.
 „Грешница“ А. Толстого, 89.
 „Гроза“ Островского, 5.
 „Давид Копперфильд“, 45.
 „Двойник“, 18.
 „Дворянское гнездо“, 71.
 „Дотекка сказка“, 60.
 „Die Stunde der Andacht“, Zachokke, 63а.
 „Для берегов отчизны дальней“, 89.
 „Дневник писателя“, 4, 5, 15, 24, 36, 37, 41, 46, 49, 52, 54, 61, 64, 71, 72, 74, 76, 87, 89, 91, 92, 93.
 „Дом сумасшедших“, 21.
 „Дым“, 8, 17, 87.
 „Дядюшкин сон“, 16, 54, 66.
 „Евгений Онегин“, 71.
 „Евгения Гранде“, 21, 52.
 „Египетские ночи“, 60.
 „Ершин“, 71.
 „Жако или Бразильская обезьяна“, 24.
 „Женитьба Бальзаминова“, 71.
 „Женитьба“, 13.
 „Жиль Блаз“, 87.
 „Jaccyn“, 21.
 „Жители луны“, 35.
 „Замогильные записки Пиквикинского клуба“, 45.
 „Замок Морвено“, (неоконченная пьеса Григоровича), 21.
 „Записки демона“ Сулье, 21.
 „Записки из Мертвого Дома“, 4, 5, 9, 10, 11, 16, 17, 35, 36, 37, 45, 51, 52, 60, 64, 69, 76, 84, 88, 89.
 „Записки охотника“, 92.
 „Записки помещика“, 71.
 „Записки сумасшедшего“, 31, 72.
 „Зимние заметки о летних впечатлениях“, 71.
 „Игрок“, 54, 71, 82.
 „Идиот“, 4, 63, 69, 71, 72, 76, 84.
 „Из апостола Иоанна“ Дурова, 51.
 „Из воспоминаний простого человека. Мой учитель“ ст. Александрова, 4.
 „Илья Муромец“ А. Толстого, 4.
 „Исповедь англичанина, принимавшего опиум“ Матюрина, 21.
 „История Государства Российского“, 24.
 „История России“ Соловьева, 71.
 „К жемчине“ Полонского, 90.
 „Как весной расцветают пороги“, 38, 71.
 „Каменный Гость“, 52, 89.
 „Квентин Дурвард“, 24.
 „Кому на Руси жить хорошо“, 70.
 „Конек-Горбунек“, 24.

- „Королева Марго“, 45.
 „Кот Мур“ Гофмана, 76.
 „Крестьянские дети“, 71.
 „Кто виноват?“ Гарцена, 76.
 „La sœur et l'écuyer“ Ашара, 11.
 „La fortune des Rougons“, 52.
 „La nouvelle Fanchon“, 21.
 „Le dernier jour d'un condamné“, 54.
 „Ледяной дом“, 24.
 „Легенда о великом инквизиторе“, 59.
 „Le père Goriot“ Бальзака, 52.
 „Les Misérables“, 5, 71.
 „Les parents pauvres“ Бальзака, 52.
 „Маленький герой“, 68.
 „Маленькие картинки. В дороге“ Ф. М. Достоевского, 4.
 „Мальчик у Христа на елке“, 4, 5.
 „Martin l'Enfant trouvé“, 87.
 „Марфа-Посадница“, 24.
 „Мертвые души“, 11, 43, 82, 92.
 „Мещанское счастье“, 88.
 „Молотов“, 88.
 „Мужик Марей“, 5.
 „На вступление на престол Александра II“, 16.
 „Nana“, 52.
 „Начатки“, 24.
 „Неточка Незванова“, 11, 16, 71, 79, 90.
 „Нити“ Полонского, 90.
 „О России“, 16.
 „О Пруссии, о Бисмарке, о напе“ ст. Ф. М. Д-го, 76.
 „О философии истории Целлера“ ст. Страхова, 76.
 „Обломов“, 4, 92.
 „Озеро Онтарио“, 21.
 „Отелло“, 52.
 „Панургово стадо“ Крестовского, 11.
 „Парижские тайны“, 45.
 „Ragole d'un coureur“ Ламенэ, 54.
 „Переписка с друзьями“ Гоголя, 54.
 „Петербургские углы“, 92.
 „Шир Клеопатры“, 16.
 „Письма об искусстве“, 16.
 „Письма русского путешественника“, 24.
 „Подросток“, 4, 5, 11, 63, 71, 76.
 „Поэту“ Плещеева, 54.
 „Преступление и наказание“, 2, 4, 5, 8, 11, 13, 30, 35, 36, 37, 41, 43, 52, 68, 69, 72, 82.
 „Призраки“, 71.
 „Провинциалка“ Тургенева, 13.
 „Пророк“ Лермонтова, 25, 76.
 „Пророк“ Пушкина, 25, 38, 59, 61, 71, 76, 89.
 „Разбойники“, 21, 24.
 „Ревизор“, 13, 16, 43.
 „Робинзон“, 24.
 „Роковой вопрос“ ст. Страхова, 11.
 „Русалка“, 62.
 „Руслан и Людмила“, 71.
 „Св. Писание“, 24.
 „Село Степанчиково и его обитатели“, 16, 35, 54, 66.
 „Семейство Холмских“, 24.
 „Семь лет на каторге“ Токариковского, 10.
 „Сердце и Думка“, 24.
 „Скупой рыцарь“, 52, 71.
 „Слуги“ Гончарова, 93.
 „Смальянский барон“, 60.
 „Смерть Иоанна Грозного“ А. Толстого, 46.
 „Смерть Олега“, 24.
 „Смерть Оли“, 5.
 „Смерть Прокла“, 71.
 „Содом“ Лебедева, 4.
 „Сон смешного человека“, 76.
 „Станционный смотритель“, 71, 72.
 „Старпал и монашаль“ комедия М. М. Достоевского, 21.
 „Столетняя“, 5.
 „Стрельцы“, 24.
 „Сухие туманы“, 35.
 „Сын дьявола“, 45.
 „Только что на проталинках весенних“, 71.
 „Три страны света“, 18.
 „Тысяча и одна ночь“, 24.
 „Ueber den Umgang der Menschen“ Knigge, 63.
 „Уединение“ Пушкина, 84.
 „Уженье рыбы“ Аксакова, 16.
 „У одра“ Полонского, 89.
 „Униженные и оскорбленные“, 5, 11, 37, 71, 72, 76, 84, 89.
 „Un grand homme de province à Paris“ Бальзака, 52.
 „Утес“, 30.
 „Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика Александра“, 76.
 „Хозяйка“, 21, 72.
 „Четыре очерка“ Гончарова, 74.
 „Что делать“ Чернышевского, 76.
 „Шинель“, 72.
 „Юрий Милославский“, 24.

ДОПОЛНЕНИЯ К ХРОНИКЕ.

В Московский Исторический Музей, в комнату Ф. М. Достоевского, поступили новые письма Достоевского. Эти неизданные материалы в ближайшем будущем будут опубликованы с соответствующими комментариями.

В Пушкинский Дом в Петрограде переданы „Воспоминания“ А. Г. Достоевской. Судьба этих важнейших материалов для истории жизни и творчества Достоевского до последнего времени была совершенно неизвестна, и вопрос о их местонахождении и сохранности вызывал поистинную тревогу исследователей. В периодической печати в последние годы неоднократно раздавались запросы об участии архивов А. Г. Достоевской. (См. „Былое“, „Вестник Литературы“ и друг.). В ближайшем будущем рукопись эта будет напечатана в сборнике, издаваемом петроградскими литераторами и учеными к 100-летию Достоевского.

Изображение Достоевского
на обложке представляет
свой снимок с рисунка
французского худож-
ника Ф. Валле-
тона. Надпись на
обложке испол-
нена худож-
ником И.
Францу-
зом.

